

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

проза

ВЧЕРАШНЯЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

Снова захотелось курить. Лежавшая на столе пачка была пуста. Она встала и, не надевая туфли, на цыпочках прошла к шкафу. Нырнувшая на глубину сумки рука одновременно коснулась глянца сигаретной пачки и острого бумажного уголка конверта. Она вспомнила – утренняя почта. Заглянула в сумку и выудила оттуда и конверт, и новую нетронутую пачку. Присев обратно в кресло, жадно с удовольствием затянувшись, она распечатала конверт.

Андрей ИВАНОВ

возвращение к читателю

Слова живут своей особой жизнью...

Пройдут, быть может, многие столетия,
И языки сольются постепенно
В один язык. Как существо живое,
Вобрав в себя из всей тайги речений
Все лучшее, всю дождевую свежесть,
Величье и единственность былого,
Он, словно песня песней, зазвучит.

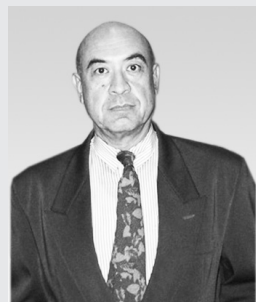

Тимур ГУЛЯМОВ

философия искусства

СИМ ИЛИ КАКО?

В пьесе Виктора Понизова «Аз емь тварь» всего три действующих лица: некто Плохой, некто Хороший и Жертва, которая по ходу пьесы трансформируется в существо, мимически иллюстрирующее грех. Главная инновация театральной постановки «Симфония... ну что, начнем?» – замена одного из действующих лиц (Жертвы) на великолепно слаженный оркестр духовых инструментов и стайку поющих монашек-кармелиток в белых шляпках с вдохновенно помахивающими полями... <...> В сценическом прочтении театром «Ильхом» происходящее на сцене превращается в блестящее многоликое музыкальное действо – в настоящий бурлеск!

В ячейках рифм слова метались...

Меня здесь нет.
 Я – сюр в багетной раме,
 я отражаюсь в небе вверх ногами,
 под голову ладони заложив,
 я так похож на ритуальный камень,
 и веток тень, сплетенная в орнамент,
 на солнечном сплетении лежит.
 Густ аромат –
 весна толчет приправы.
 Я – недвижим,
 пришитый ветром к травам –
 плененный лилипутством Гулливер.

РАХМАТ, ТАШКЕНТ!

Столица Узбекистана стала родным домом для нее 9 ноября 1941 года, когда первый большой поезд с эвакуированными писателями прибыл на ташкентский вокзал.

Всех, кто ехал в «писательском» поезде из Москвы, сначала разместили в техникуме на Педагогической улице (теперь там находится здание хореографического училища). Но вскоре А. Ахматовой выделили место в общежитии Управления по делам искусств (улица Карла Маркса, дом 7). Битком набитое эвакуированными русскими литераторами тесное общежитие получило в те годы шуточные прозвища «Воронья слободка», «Олимп» и даже «Ноев ковчег» (ибо, как говорили сами обитатели, там размешалось «каждой твари по паре»).

***...внутри бьются гении –
 добрый и злой...***

У тебя есть берег, у меня вряд ли –
 Я же ветрена и берегов не вижу, но
 Ты мой вкус вспоминаешь медово-пряный
 Даже будучи к прочим намного ближе.

У тебя есть воздух, у меня – воля,
 Отрываюсь в стихах, даже легче капельку.
 Одержима строкой, как кольцом – Голлум.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Вика ЧЕМБАРЦЕВА.** Вчерашняя жизнь. Рассказ. 39
Алексей УСТИМЕНКО. Печаль над пространством
Джангоха. Очерк. 53
Александр ИКРАМОВ. Люблю тебя... Рассказ. 71

ПОЭЗИЯ

- Алексей ГВАРДИН.** В ячейках рифм слова метались... .. 36
Владимир КУДРЯВЦЕВ. Я наконец живой воды напился... .. 49
Наталья БЕЛОЕДОВА. Второе дыхание. 69

НОВЫЕ ИМЕНА

- Шавкат АЗИМОВ.** Собака СС. Повесть. 6
Инесса ИВАНЦОВА. ...внутри бьются гении –
добрый и злой. 45
Игорь МАЛКЕЕВ. Книга жизни. Рассказы. 116

ПЕРЕВОДЫ

- Эгам РАХИМ.** Отметь добром свои следы. Перевод
с узбекского Камила Тилябаева. 82
Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Роман-эпопея.
Книга четвертая. Шахрух Мирза. Перевод с узбекского
Диноры Азимовой. 92
Даврон РАДЖАБ. Мой мир. Перевод с узбекского
Санжара Янышева. 123

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Римма РАДМАН.** Концертные увертюры
Аваза Мансурова. 125
Олеся ЦАЙ. От игры к неигре... .. 128
Тимур ГУЛЯМОВ. Сим или Како?... .. 130
Филипп ГАДЖИЛИ. Не для миссионерского чтения... .. 133

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Андрей ИВАНОВ.** Слова живут своей особой жизнью... .. 60
Владислав ШОШИН. Каким должно быть слово?... .. 66
Анна АХМАТОВА. Я буду помнить звездный кров... .. 85
Борис ГОЛЕНДЕР. Рахмат, Ташкент! 88

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Ало ХОДЖАЕВ.** Свет памяти. 112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Николай ИЛЬИН.** Считаны коды, прочитаны смыслы
(поэзия Баха Ахмедова). 139
Вячеслав НЕФЁДОВ. Жанр эпиграммы в творчестве
Михаила Лермонтова. 147

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала сцены из спектакля театра «Ильхом» «Симфония... ну что, начнем?..».

Звезда Востока

2019 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 850 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Ветераны...

*Как мало их осталось на земле –
не ходят нош и тревожат раны,
и ночью курят, чтобы в страшном сне,
вновь не стреляли в них на поле брани.*

*Мне хочется их каждого обнять,
теплом душевным с ними поделиться,
Была бы сила, чтобы время вернуть...
но я не Бог... война и снова снится.*

*Пусть внукам не достанется война
и грязь ее потопков не коснется,
пусть курит бывший ротный старшина
и слышит, как правнучек смеется.*

Юрий СОЛОВЬЁВ

Шавкат АЗИМОВ

СОБАКА СС

Повесть

Светлой памяти моей бабушки Шаходат-аи

Белоруссия, 1942 год. Лаборатория СС.

Шел второй год тяжелой войны. Немцы наступали.

Раздача лекарств и корма подопытным животным всегда сопровождалась рычанием, жутким воем, на которые сотрудники секретной лаборатории СС уже не обращали никакого внимания. Дикие звуки, смрад были настолько привычны, что их отсутствие могло бы вызвать ощущение неудобства.

– Вилли, сегодня моему сыну исполнилось 8 лет, а я здесь, в этой вонючей лаборатории. Я не видел жену и сына целых три года. Когда эта проклятая война закончится – только Богу известно, – сказал высокий немец своему напарнику.

– Ты прав, Шульц. Но, я думаю, если мы будем наступать такими темпами, наши войска скоро возьмут Москву, и мы с триумфом возвратимся в Германию. А когда мы вернемся домой, ты обязательно приедешь с семьей ко мне в Баварию. Я угощу тебя нашим семейным пивом. Эх!!! Какое пиво варит мой отец! Он самый знаменитый пивовар в Баварии, – мечтал Вилли, подталкивая тележку.

В конце коридора раздался жуткий вой.

– Он совсем озверел. Когда месяц назад его привезли в лабораторию, спокойным был, а теперь... – Шульц повернулся к Вилли и пожал плечами.

– Ты видишь, что этот проклятый новый препарат превращает животных в монстров. Скажу честно, я боюсь подходить к его клетке. Удивительно, что он до сих пор еще жив. Другие сдыхали через два-три дня в ужасных муках. Хоть и звери, а мне их жалко. А этот жив! Только это уже не животное, а сатана. Видишь, он не выносит света, забился в темный угол, да и голос у него стал другой, – Вилли отчего-то перешел на шепот.

Они тихо приблизились к клетке в конце коридора, откуда раздавалось ужасающее рычание.

– Эй, Вилли, будь осторожен! От него всего можно ожидать!

– Хорошо. Подай мне миску.

Вилли, осторожно открыв специальное отверстие в клетке, поставил туда миску и чашку с водой, в которую был добавлен препарат.

Шавкат АЗИМОВ. Родился в 1961 г. в Ташкенте. Окончил РХУ им. Бенькова (ныне РХК) и актерский факультет ТГТХИ им. Островского (ныне ГИИУ им. М. Уйгура). Работал гл. редактором студии Zamin CTV. Автор сборника стихотворений. Президент кинокомпании Turan Sinema. L.L.C. Живет в Америке. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

– Смотри, он не ест уже несколько дней, – заметил Вилли, осторожно взяв миску со старой едой. Поставив ее на тележку, он потихоньку потянулся за другой миской, но в этот момент страшная тварь метнулась из угла и схватила Вилли за руку.

– Ай! О боже! Шульц, помоги! А-а-а-а! Больно-о-о! – в ужасе кричал Вилли, пытаясь выдернуть руку из пасти животного. – Сделай же что-нибудь! Шу-у-у-ульц!

Шульц железным прутом стал бить животное через решетку. Но, поняв, что все без толку, бросил прут и стал тянуть Вилли к себе. Когда, наконец, он оторвал напарника от клетки, тот с криком упал на пол и потерял сознание. Шульца охватил ужас – у Вилли была оторвана кисть руки. Шульц попытался остановить кровь, перетянув руку своим ремнем, но от волнения и ужаса у него ничего не получалось.

– Помогите, помогите! На помощь! – с криком бросился он по коридору.

США, штат Аризона, 1943 год.

Огромная немецкая овчарка вошла в комнату, потянула за одеяло и лизнула мужчину в лицо.

– Марта, я проснулся, спасибо, что разбудила, – обнял он собаку. – Мне приснился плохой сон. Мы оказались с тобой в каком-то огненном тумане, все вокруг горело, и я не мог найти тебя.

Собака внимательно посмотрела на него и лизнула еще раз.

– Ладно-ладно, я тоже тебя люблю, – засмеялся мужчина. – Так, бери с собой мальчиков, и вперед – на утреннюю пробежку, потом позавтракаем и поедем на рыбалку. Сейчас приедет Скай, она тоже намерена ехать с нами.

Собака залаяла и посмотрела на хозяина.

– Знаю-знаю, она тебе нравится, но со свадьбой придется немного подождать, сама знаешь – идет война. Нас в любое время могут призвать.

Индеец Чонта, что в переводе означает «говорящий со зверями», родился в резервации и с раннего детства понимал язык птиц и зверей, за что и получил это имя. В свои 25 он работал кинологом в полицейском участке округа. Здесь все любили Чонту и его умных собак. Про них много писали в газетах и журналах.

– Марта, будем завтракать во дворе, сегодня отличная погода, – крикнул Чонта, выходя из душа после пробежки.

Собака залаяла, псы поташили стулья во двор. В это время возле дома остановилась машина, и к дому направился высокий мужчина.

– Доброе утро, Марта, здравствуйте, мальчики!

Собаки, виляя хвостами, побежали навстречу. Он, как обычно, угостил их чем-то.

– Марта, где Чонта? У меня к нему срочное дело! Позови его, пожалуйста.

Собака побежала к дому, откуда уже выходил Чонта.

– О, Дэвид, доброе утро. Мы собираемся на рыбалку, ты с нами?

– Чонта, здравствуй. Наверное, с рыбалкой придется чуть-чуть подождать.

Нам позвонили из полицейского участка. Срочно нужна твоя помощь. У человека, очевидно, случился инсульт, а доктора не могут к нему подойти: его собака никого не подпускает. Укусила доктора и офицера полиции, так что без тебя не обойтись. Поехали скорее!

Выслушав офицера и взяв защитник для левой руки, Чонта направился в дом.

– А как же форма? Она же покусать может! – крикнул ему вслед офицер.

– Форма только злит собак, – не оборачиваясь, ответил Чонта.

Войдя, он увидел на постели бледного пожилого человека. Откуда-то раздавалось рычание собаки, которой не было видно.

– Мистер Норман, я кинолог. Меня зовут Чонта. Я хочу помочь вам и вашей собаке, чтобы ее не застрелили. Мистер Норман, вы слышите меня?..

Из-за кровати вышла огромная собака и с лаем бросилась на Чонту. Он подставил ей левую руку, но, не удержав равновесия, упал на пол вместе с собакой.

– Эй, дружище, ты очень тяжелый, – сказал он, глядя псу в глаза, и медленно начал внушать ему: – Смотри на меня. Смотри. Я твой друг. Твоему хозяину нужна помощь. Я хочу помочь ему и тебе. Если я ему не помогу, он умрет. Ты же этого не хочешь?.. Поэтому ты должен успокоиться. Надо успокоиться...

Собака еще немного порычала и постепенно смолкла.

– Сейчас я отпущу тебя, а ты отпусти меня, и мы с тобой подойдем к твоему хозяину. Я понимаю, что ты защищаешь его. Ты молодец. Но эти люди хотят помочь твоему хозяину.

Отпустив Чонту, пес побежал к хозяину, лег рядом с ним, положив голову на ноги, и заснул.

– Мистер Норман, у вас отличная собака. Как вы себя чувствуете? Я сейчас заберу ее во двор, а вас осмотрит доктор. Ок?

Старик кивнул. Чонта посмотрел на стену, увешанную грамотами пса.

– О, у тебя красивое имя – Граф!

Собака внимательно посмотрела на него.

– Так, Граф, мы пойдем с тобой на улицу, а доктор поможет твоему хозяину. Это очень хороший доктор, поверь мне.

Он надел на ошейник собаки поводок и вывел ее во двор. Пес оглянулся на своего хозяина и покорно поплелся за Чонтой.

– Идем, Граф, я обещаю тебе, что с ним все будет в порядке.

Чонта вывел собаку во двор, а доктора, с облегчением вздохнув, занялись больным стариком.

– Чонта, спасибо. Отличная работа, – похлопал его по плечу офицер.

Через несколько минут санитары на носилках вынесли старика и осторожно положили его в машину скорой помощи. Старик протянул руку к собаке и произнес дрожащим голосом:

– Я понял, что вы хороший спец по собакам. Я вас умоляю, пусть он побудет у вас, пока я не вернусь. Я вас отблагодарю. До этого Граф никого не подпускал к себе. Я приеду из больницы прямо к вам. Не откажите старому человеку.

Он обнял своего пса, и тот жалобно заснул.

– Мистер Норман, вам нельзя разговаривать, – сказал врач скорой.

– Вы не волнуйтесь, я заберу его. Берегите себя, а с ним все будет в порядке. На следующее утро почтальон принес письмо.

– Плохая новость? – спросила Скай задумавшегося Чонту.

– Меня вызывают в военкомат.

Скай обняла его и заплакала.

– Успокойся, Скай, все будет в порядке.

После подготовки по обезвреживанию мин Чонта и его верная Марта были отправлены на фронт.

1944 год, осень.

Американские войска движутся вперед. В начале колонны работают саперы (в их числе и Чонта с Мартой), оперативно и четко выполняющие свою работу.

– Бери своих и еще четверых солдат, – обратился к Чонте генерал после военного совета, – до утра надо очистить дорогу у леса. Утром по ней пройдут наши танки и техника наших союзников.

Уже под утро Чонта отправил своего друга и сослуживца Тома и молодых ребят отдыхать, а сам с Саймоном и Мартой остался обезвреживать остатки мин.

– Саймон, давай отдохнем минут 10, а потом продолжим. На, попей водички.

– Ты прав, надо немного отдохнуть. У меня уже руки трясутся от усталости. Сегодня ночью мне приснился сон. Представляешь, я в Вегасе играю в казино. Вокруг красивые девушки, я веселюсь. Вдруг появляется какая-то черная тень и забирает меня. Чонта, к чему это?

Чонта помолчал и буркнул:

– Давай, Саймон, закончим поскорей и пойдем отдыхать.

– Когда же, наконец, кончится эта проклятая война? – устало вздохнул Саймон. – Чонта, ты мой самый лучший друг. Я очень уважаю тебя.

– Я тоже, будь осторожен, работай аккуратно и внимательно. Мы слишком уставшие.

Через некоторое время в тишине раздался страшный взрыв, поваливший молодые деревья. С трудом открыв глаза, Чонта смутно разглядел дымящуюся воронку.

– Саймон... Марта. Саймон... Марта... Марта... Марта, ко мне, – хрипло, еле проговаривая слова, позвал он друзей.

Попытавшись подняться, он потерял равновесие и упал. Опираясь на дерево, попробовал подняться снова и взглядом отыскать Саймона и Марту. Из ушей и носа у него потекла кровь. От сильной боли Чонта схватился за уши. Шатаясь, направился к воронке и увидел то, что осталось от Саймона и Марты. Машинально, не понимая, что делает, Чонта собрал останки своих друзей под дерево и лишился сознания. Очнулся, когда ему оказывали помощь санитары.

– Сержант, вы сапер? Как вас зовут? – спросил прибывший с санитарями майор.

Но Чонта никак не отреагировал на вопрос, совершенно ничего не слыша.

– Где находится ваша часть?

По движению губ майора Чонта понял, о чем он спрашивает.

– Я из седьмой саперской роты. Моя часть недалеко отсюда. Я не могу найти моих друзей.

– Они погибли, сержант. Я приказал похоронить вашего друга и собаку под этим деревом. Мне очень жаль! Вы сможете добраться до своей части или вас отвезти?

Чонта, пошатываясь, встал на ноги.

– Спасибо, господин майор, я сам дойду до части.

Майор кивнул и дал приказ двигаться дальше.

Чонта остался один у могилы своих друзей... Вырезав на стволе дерева их имена, он отправился по тропинке в часть. На подходе он услышал вблизи от себя взрыв. Недалеко от воронки Чонта обнаружил двух мертвых немецких овчарок. Погладив их тела, он вспомнил о Марте. Оглянувшись по сторонам, увидел лежащую под деревом огромную собаку неизвестной породы, таких Чонта раньше не встречал. Та еле дышала, ее сильно оглушило взрывом, на теле были многочисленные кровоточащие раны от осколков. Чонта сел рядом с собакой, положил ее голову себе на ноги и, опираясь на дерево, начал тихо напевать любимую песню Марты. Собака открыла глаза, посмотрела на него и начала рычать, оскалив страшные клыки, от вида которых Чонте стало не по себе.

– Дурачок, я твой друг. Мои друзья, как и ты, попали на мину, как видишь, нам с тобой повезло, а им нет, – сказал Чонта, глубоко вздохнув.

Собака обнюхала его и посмотрела в глаза.

– Это запах моей Марты. Я очень любил ее.

На глаза навернулись слезы. Собака посмотрела на него умными глазами, Чонта увидел кровь на своих руках.

– Эй, дружище, у тебя серьезная рана на шее. Давай-ка я ее перевяжу.

Достав бинт из матерчатой аптечки, прикрепленной к ремню, он обработал рану и начал перевязывать шею собаки. Пес зарычал.

– Успокойся. Успоко-о-йся! Я ведь помогаю тебе.

Чонта снял ошейник, мешающий перевязать рану. Собака спокойно положила голову на его ноги. Рассмотрев ошейник, он увидел выгравированное на нем золотыми буквами имя Zultan и отштампованные золотом его награды: железный крест и значок за отличную службу.

– Значит, друг мой, тебя зовут Султан?

Пес резко повернул голову и посмотрел на него.

– Да, тебя зовут Султан, а меня – Чонта. Я смотрю, у тебя много наград за хорошую службу... Значит, ты умный и поймешь то, что я тебе сейчас скажу. Я сапер, со своими друзьями очищаю и обезвреживаю от мин дороги, дома и мосты, спасая жизни людей. Ты сам понимаешь, что песенка немцев уже спета, они проиграли войну. Это всего лишь вопрос времени, в какой момент они начнут умолять о капитуляции. А твоя помощь нам очень понадобится. Ведь ты отлично обучен и можешь обезвреживать мины, а если ты чего-то не знаешь, я тебя с удовольствием научу. Так что у нас с тобой много дел. Как видишь, немцы понатыкали везде мин, а минам все равно, кого взрывать, – своих или чужих. Сегодня мы с тобой попали на мину, а завтра попадут другие невинные люди. Но мы с тобой этого не допустим. Так что сейчас поднимаемся и идем в лазарет моей воинской части.

Чонта поднялся на ноги, опираясь на дерево, у него слегка кружилась голова.

– Ну что, Султан, пошли?

Собака попыталась подняться, но не смогла.

– Придется тащить тебя на себе. ...Ох, какой ты тяжелый!

Так, качаясь, с огромным псом на руках, Чонта дошел до своей воинской части.

А через несколько месяцев Султан с группой саперов во главе с Чонтой очищал дороги, мосты и дома от мин.

– Чонта, смотри, у него просто талант, – крикнул Том. – Он нашел мину, а мы только что прошли это место и ничего не заметили. Послушай, а какой он породы?

– Скорее всего, азиатской. Давай займемся миной. – Султан залаял. – Молодец, Султан, отличная работа! Ты только что спас очень много жизней! Том, убери подальше новичков. Это сложная мина. Немцы делают нам все новые и новые сюрпризы.

1945 год, весна. Один из немецких шталагов.

Армия США освободила пленных одного из концлагерей Вермахта, обреченных на смерть. Те радостно стали обнимать солдат-освободителей и плакать. Вдруг Султан ни с того ни с сего начал яростно лаять и кидаться на них. Пленные стали прятаться за солдат и выкрикивать:

– Это собака-убийца, немецкий людоед!

– Султан, успокойся. Все в порядке. Ну ты чего?.. – стал успокаивать его Чонта.

– Вы ошиблись. Это Султан, наш спец по минам, – возразили солдаты.

Чонта попытался увести Султана, но тот вырывался и с лаем бросался на военнопленных.

Утянув его в сторону, подальше от пленных, Чонта присел рядом на корточки.

– Султан, дружище, что с тобой происходит? – он почесал его загривок, пес лег и положил голову на лапы. В его глазах одно за другим замелькали воспоминания...

Средняя Азия – Белоруссия. 1939–1941 годы.

На маленькой станции в купе, где ехала молодая пара, вошел старик. Он был невысокого роста в национальном головном уборе, напоминавшем лодку, одет был как охотник. В руках у него была плетеная корзина, а на плече висел видавший виды рюкзак.

– Ассалому алейкум, – приветливо сказал Азим старику. – Добро пожаловать, отец, садитесь. Вот это место свободно. Располагайтесь.

– Ваалейкум ассалом, – улыбаясь, ответил на приветствие старик.

Азим посадил сына рядом и убрал одежду и свои вещи с нижней полки, чтобы старик мог сесть. Женщина стала собирать на стол. Старик, расположившись на нижней полке, вытащил из рюкзака лепешку, несколько больших шариков курта и конфету малышу.

– Чем богаты, тем и рады, – сказал он и провел ладонями по лицу.

– Пожалуйста, угошайтесь, – пригласил Азим нового попутчика. Нам ехать далеко, так что мы кое-чем запаслись. Не стесняйтесь.

Старик, взяв кусок вареного мяса, приоткрыл корзину, откуда показалась мохнатая голова симпатичного шенка. Тот потянулся к мясу и, чавкая, стал жадно есть. У ребенка засветились глаза, он подполз к шенку и начал обнимать его. Тот в ответ облизал лицо и руки. Наблюдать эту картину было уморительно, словно встретились два друга после разлуки.

– Ой, ой, смотрите, как они радуются! Ведь он всю дорогу спал, а встретил приятеля – и ожил, – удивленно сказал старик.

– Да ведь они дети. Такого большого и красивого шенка я не встречал. Что это за порода? – с интересом спросил Азим.

– Эй, сынок, не спрашивай. Я целых два года ждал рождения этого шенка. Все чабаны и пастухи заказывают и ждут рождения таких шенков. Порода – алабай. Его хозяин – туркмен. Ты бы видел, какой он дом себе построил на деньги от продажи таких шенков. Они ведь каждый год рождаются, да не по одному, а по два-три, а то и больше. А этот шенок родился один. Я за него заплатил почти как за три коровы и одного барана. Хозяин вообще просил денег как за четыре коровы, еле-еле сговорились. Но я все равно рад, что шенок достался мне, потому что охотников до него было немало.

– Ух ты! Так дорого? – удивился Азим. – Наверное, и вправду он того стоит.

Старик отрывал мясо и давал по кусочку шенку.

– Эх сынок, ты не знаешь, что хороший волкодав, вот как этот, может целое стадо сохранить. Волки в пустыне крупные и свирепые, за полчаса могут покалечить стадо. А такая собака порвет любого волка, вот поэтому шенку цены нет. К тому же эта порода отличается особой преданностью хозяину. Пройдет несколько месяцев, и его не узнаешь. Он станет ростом с ишака, – гордо говорил старик, поглаживая холку своей драгоценности.

– Вот это да! Неужели действительно вырастет с ишака?

– Только два-три месяца его надо беречь от других собак и волков, они будут охотиться за ним, пока он шенок. А когда вырастет, они к нему близко подойти не осмелятся.

Старик дал шенку немного воды. Тот смешно полакал и пополз к мальчику. Они начали возиться, с радостным визгом кувыркаться на полке.

– Отец, значит, вы чабан? – спросил Азим, попивая горячий чай из неудобного стакана в подстаканнике. – Эх, это не пиала!

– Да, сынок, тридцать лет служил известному Сайидазимбаю, был чабаном, – сказал старик и продолжил свой рассказ шепотом: – Его раскулачили и расстреляли. Хороший был человек, умный, образованный. Он всегда помогал бедным и нуждающимся. Ты не поверишь, каждый день у него дома готовили еду в трех больших казанах, которую раздавали потом беднякам и сиротам. Он давал деньги на учебу соседским детям, которые учились в России. И что вы думаете? Они вернулись оттуда чекистами, и они же убили Сайидазимбая. Теперь все его стадо принадлежит колхозу «Красный Восток». Меня попросили остаться чабаном в этом колхозе, потому что я, не хвастаясь, знаю каждую овцу в стаде. А зовут меня Абдулла.

– Очень приятно. А меня зовут Азим. Мою жену-красавицу – Машенька, а сына – Адхам, – представился мужчина. – Вот и познакомились.

– Я тоже очень рад, что познакомился с вами и еду в одном купе с такими хорошими людьми. Сюда-то ехал с пьяницами, весь день пришлось терпеть их выходки. А вы сами откуда? Из каких мест? И куда направляетесь, если не секрет?

Азим вкратце рассказал свою историю, поведав о смерти матери, о своих братьях и принятом решении уехать в Белоруссию.

Маша и Адхам играли со шенком. Старик слушал Азима внимательно и, качая головой, приговаривал:

– Вай-вай-вай! Большая семья – большие проблемы. Пока отцы и матери живы, семья – послушное стадо, а когда нет пастуха, стадо разбредается. Ну ничего, даст Бог, все утрясется.

Старик очень понравился Азиму. Он оказался простым, добрым и мудрым человеком. Под мерный стук колес они проговорили целый день. Адхам и шенок уставали, засыпали, опять просыпались и возились на полке.

К вечеру старик, извиняясь, сказал Азиму:

– Сынок, что-то я много чая выпил... отойду ненадолго.

– Идите, отец. Мы посторожим ваши вещи, – согласился Азим.

Старик вышел из купе и пошел по качающемуся из стороны в сторону вагону. Трое сидящих в соседнем купе мужчин обратили на него внимание. Высокий и худой, одетый как чекист, спросил у своих спутников:

– Узнали его?

Бородатый кивнул головой:

– Да, это он. Что это его сюда занесло?

– Наверное, ездил продавать баранов, теперь возвращается с деньгами на поезде, как бай. Богатый старый лис, – презрительно сказал высокий.

– Я слышал, что он прятал Сайидазимбая на пастбище в степи. Тот хотел убежать за кордон, да не успел. Наши нашли его и пристрелили как собаку. Ходят слухи, что бай спрятал свое богатство в степи, а этот старый байский пес знает где, – сказал мужчина с бородой.

– Ну вот, сейчас допьем вино и устроим ему допрос в тамбуре. Я уверен, что он расколется и скажет, где спрятано богатство, – сказал третий, косоглазый, ухмыльнувшись.

Допив вино, они вышли вслед за стариком. Через несколько минут дверь туалета открылась, и косой с размаху ударил старика кулаком по лицу, попав в висок – от неожиданного сильного удара старик рухнул без сознания. Косой торопливо обыскал его карманы и пояс, нашел деньги и передал друзьям.

Чтобы привести старика в сознание, он встряхнул его, как мешок, и, набрав пригоршню воды из-под крана в туалете, брызнул в лицо.

– Я знаю, что ты прячешь богатства бая. Говори, где они?.. Где?.. Где?..

Вопросы сыпались вперемежку с ударами по лицу, но старик не открывал глаза. Тогда косой отпустил его. Быстро вымыл свои окровавленные руки и, открыв дверь, крикнул на весь вагон:

– Помогите, здесь старик упал, голову разбил!

Его спутники, поняв, что натворили, тоже заголосили:

– Помогите, помогите! Проводник, срочно нужен доктор! Здесь человек без сознания.

В коридоре стали собираться пассажиры. Азим тоже побежал.

Когда старика принесли в купе проводника, вошел человек в очках.

– Я врач, разрешите осмотреть.

– Доктор, что с ним? Помогите, пожалуйста, – умоляюще просил Азим. – Он с нами в купе ехал, и вот такое несчастье...

Пассажиры, обсуждая происшедшее, разбрелись по своим купе.

Доктор пощупал пульс, посмотрел глаза старика и вздохнул:

– Он умер. Видно, сильно ударился, – сказал он, показывая на большой кровоподтек на голове.

– Только этого нам не хватало! Теперь задержат поезд, пока не разберутся в чем дело, – недовольно сказал проводник.

Доктор только развел руками – что, мол, поделаешь.

Азим держал руку старика. На глаза наворачивались слезы. Как же так? Только что они беседовали, пили чай, шутили. И вот – нет человека! Какая нелепость, какая несправедливость...

На ближайшей станции работники милиции провели опрос свидетелей. Старика на носилках вынесли из вагона, накрыв простыней. Азим помог санитарам, потом вернулся в вагон и вынес рюкзак старика и корзину со шенком.

– Это его вещи, – сказал он милиционеру.

Дежурный милиционер составил опись содержимого рюкзака и попросил Азима расписаться.

– А что делать со шенком? – Азим показал на корзину. – Он очень дорого стоит. Старик так им дорожил. Специально за ним ездил.

Дежурный вытащил шенка из корзины, подержал в руках, восхищенно цокнул языком:

– Да, ты прав, шенок породистый. Когда вырастет, будет славным псом, – и, отдав его Азиму, сказал: – Он здесь пропадет, лучше будет, если ты заберешь его. Мы не можем оставить его здесь. Я напишу тебе документ, что шенок на законном основании принадлежит тебе.

Азим с корзиной и врученной ему бумагой вернулся в свой вагон. Дежурный дал команду, поезд медленно тронулся, ускоряя ход.

Еще два дня семья Азима провела в пути, и все это время Азим думал о старике, который так неожиданно и странно покинул этот мир: как тесно переплетаются жизнь и смерть, как близко они друг от друга, и никто ни от чего не застрахован в этом мире...

В Машинной деревне их со слезами радости на глазах встретила ее мама. Вечером односельчане собрались за накрытым по такому случаю щедрым столом. Председатель колхоза подошел к Азиму, обнял за плечи и предложил:

– Азим, пойдем-ка покурим на воздухе.

– Егор Кузьмич, я не курю, но выйду чистым воздухом подышать, – согласился Азим.

Они вышли из избы и присели на крылечке.

– Ты к нам насовсем или просто погостить?

– Посмотрим, Егор Кузьмич. Я на родине похоронил мать, там остались братья. Думаю, что здесь мы нужнее. Ведь Машина мама тоже часто болеет. Да и тяжело ей одной.

– Да, ты прав. Я насчет работы... У нас есть вакансии монтера, комбайнера, пастуха. Выбирай, что по душе.

– Пойду туда, где нужнее.

– Мне срочно нужен пастух. Наш помер в прошлую среду. Хороший был человек. После его смерти за неделю мы потеряли трех коров и шесть баранов. Если так и дальше пойдет, меня к стенке поставят.

– Егор Кузьмич, я готов принять колхозное стадо хоть завтра. Это дело мне знакомо.

– Ну, ты меня обрадовал, настоящий джигит! Пойдем выпьем, обмоем твою новую должность...

На следующий день Азим пошел оформляться на работу. Старик Николай повел Азима на колхозную ферму, где возле ворот лежало несколько больших собак. Они приподняли головы, изучающе глядя на Азима, и дали ему войти внутрь.

– Бывший пастух, царство ему небесное, хороший был человек, – Николай перекрестился, оглянувшись. – У него хорошие овчарки. Когда он умер, его собаки не подпускали к нему никого. А когда его похоронили, они несколько дней не отходили от могилы, – рассказывал Николай. – Собаки такие создания, что насквозь видят человека. Смотри, позавчера они Серегу так покусали, что до сих пор в себя не пришел. А тебя они как своего приняли. Чудно. Вот этот – черный с белыми ногами – вожак своры. Его кличут Силач. Видишь, какие у него грустные глаза, тоскует по хозяину. Думаю, тебя собаки полюбят, и пройдет у них эта грусть.

Азим вытащил из кармана припасенный кусок колбасы и кинул Силачу. Собака вначале обнюхала подачку, потом быстро съела колбасу и посмотрела на Азима. Он с осторожностью попытался погладить Силача. Собака неодобрительно встряхнула головой, но дала себя погладить, косо поглядывая на Азима.

– Ну вот видишь, он тебя признал, – обрадовался Николай. – Ничего, подружитесь. Только будь осторожен. Сейчас весна, а весной волки шенятся и волчицы бывают особо голодные. Вот тебе ружье, вот патроны. По-моему, тебе еще нужны две-три хорошие собаки. Так что, как говорится, принимай пост, – подытожил разговор Николай.

Первые три дня прошли спокойно, без происшествий. А на четвертый день Азим увидел на холме огромного серого волка, который спокойно наблюдал за стадом. Собаки начали угрожающе лаять, но волк не обращал на них никакого внимания. Он, словно хозяин, осматривал окрестности. Вот он обернулся в сторону Азима. Их взгляды пересеклись. У Азима мурашки по коже побежали. Он торопливо поднял ружье и выстрелил в воздух. Вздвогнув, волк исчез за холмом, как ветром сдуло.

На следующий день волки, напав на стадо, убили одну собаку и загрызли трех баранов. Азим успел застрелить только одного волка. О случившемся пастух заявил в сельсовет. Там составили акт и похвалили его за убитого волка. Председатель сказал, что сейчас, в это трудное время, страна нуждается в мясе и молоке. А потери возместятся, так как скоро родятся новые ягнята и телята. А еще похвалил Азима за то, что он выполняет очень ответственную работу для родины.

По просьбе Азима сельчане устроили облаву на волков. Они окружили лес кольцом и, сжимая его, гнали стаю к открытой поляне. Охота принесла свои результаты: были убиты шесть волков и четверо волчат в логове. После этого волки несколько месяцев не тревожили село. Но Азим был уверен, что это лишь временное затишье, и предусмотрительно готовился к новой атаке. Азим очень надеялся на своего щенка, тщательно оберегая его от соседских собак, как предупреждал старый чабан. Он назвал щенка Султаном. Тот рос крепким и здоровым, быстро набирал вес, видно было, что это будет верный пес.

Каждый вечер Султан с радостно встречал своего хозяина, но не повизгивал, не терся у ног, сохраняя собачье достоинство.

Когда пес достаточно подрос, пришло время взять его охранять стадо. Собаки окружили Султана и начали кидаться на него. Извернувшись, Султан схватил за шею вожака и прижал к земле. Силач вырывался, задыхался, визжал, но Султан крепко держал его зубами и, не разжимая челюстей, рычал на других собак. Те, поскуливая, отступили. Азим, услышав шум, примчался к собакам. Султан все еще держал Силача за холку, земля вокруг была в крови.

– Султан, отпусти его, он наш друг! Сейчас же отпусти! – крикнул Азим, с ужасом взирая на происходящее.

Султан не среагировал на приказ хозяина. Азим схватил плеть и начал бить его, но и тогда тот не отпустил Силача. Азим с трудом просунул палку в пасть Султана и, с большим усилием разжав челюсти, освободил Силача. Подняв обессиленную собаку, он отнес ее в пастуший шалаш. До сих пор Силач был грозой волков во всей округе. Никакая собака не могла даже близко подойти к псу. И вот теперь эта самая сильная собака лежала беспомощной и жалкой.

Азим подозвал Султана, погладив его по холке, показал на Силача и стал повторять:

– Султан, запомни, он наш друг. Он наш друг. Понял? Он наш друг!

Султан исподлобья глядел на хозяина. Неужели это его хозяин, которого он так любит, за которого он готов жизнь отдать? Почему он бьет и унижает его? Он же лишь хотел показать этим жалким дворняжкам, кто должен быть хозяином своры, чтобы они уважали и подчинялись. Неужели его хозяин не понимает простых собачьих законов?

Султан тяжелым взглядом смотрел на хозяина. В этом взгляде были и боль, и обида, и преданность, которую не оценили по достоинству.

Азим молча обнял Султана и, ласково похлопав по спине, сказал:

– Прости меня, дурачок, ведь я тоже люблю тебя. Только не калечь мне других собак, а то не с кем будет охранять стадо...

После этого случая все собаки признали Султана вожаком и стали беспрекословно подчиняться. А Азим еще долго лечил Силача, который заново учился ходить, есть и лаять. Мало-помалу собака пришла в себя.

Однажды несколько пьяных молодых парней из села на пастбище зарезали беременную овцу, которая отстала от стада. Рядом с овцой лежали двое мертвых ягнят. Увидев это, Азим потребовал, чтобы они сами пошли к председателю и признались во всем, но они стали оскорблять его, заявляя, что он здесь чужой...

Долго державшийся Азим соскочил с коня, кинулся к одному из них – Николаю – и со злостью ударил его, выбив несколько зубов, когда тот задел честь его жены. Другой – Сергей – кинулся на него с ножом.

Тут откуда ни возьмись налетел Султан со своей сворой и вцепился Сергею в ногу. Он бы мог вцепиться Сергею и в горло, загрызть его, но Азим прикрикнул на него. Султан так разъярился, что Азим даже сам испугался, как бы он

кого не покалечил. На собаку страшно было смотреть: клыки блестели, шерсть стояла дыбом, изо рта шел пар.

Сергей кричал, выл и матерился от боли.

– Если сами не пойдете к председателю и обо всем не доложите, я напишу докладную. Если до вечера не будет акта о пропаже скотины, то вам не поздравится, я обещаю. – Азим сел на коня и крикнул: – Султан, за мной!

Через три дня скоропостижно скончалась теща. Возилась в огороде на грядках, почувствовала боль в груди, осела на землю и уже не встала. Маша была беременна, и смерть матери стала сильным потрясением, она осунулась и почернела.

Случилось однажды Азиму заболеть, так Султан сам со своими помощниками-собаками вел стадо на пастбище и возвращал его домой без единой потери. Он вырос на редкость умным и преданным псом, хозяином считал только Азима и подчинялся лишь ему. Султан клал голову на его ноги и преданно смотрел на хозяина. Казалось, что он вот-вот заплачет, как человек. Маша не в силах была спокойно смотреть на это зрелище, отворачивалась и плакала. Через день Султан откопал в лесу корень какого-то растения и приташил домой. Маша сразу поняла, чего хочет собака. Она слышала, что звери что-то смыслят в нужных травах и растениях и себя лечат. А ведь Султан был умнее всех. Их соседка, баба Настя, приготовила отвар из этого корня. Она все удивлялась, где это пес нашел такое редкое лекарственное растение, ведь оно давно исчезло в этих краях.

– Сама сколько раз искала по лесу и ни разу не наткнулась на него. А собака нашла – вот поди ж ты!

Через некоторое время Азим выздоровел.

Был теплый летний день. Азим лежал на траве и наблюдал за облаками, такими чистыми, пушистыми, белоснежными... превращающимися то в птицу, то в медведя, то в дракона, то в человека. Султан лежал рядом, положив свою большую голову на ноги Азима. Вдруг они увидели бегущего к ним Адхама, он что-то кричал и махал руками. Испугавшись, что что-то случилось с Машей, Азим вскочил и побежал навстречу сыну.

– Что случилось, сынок? Что-то с мамой?

Адхам плакал, задыхаясь от быстрого бега.

– Папа, папочка, война началась... – лепетал он, размазывая слезы по лицу.

– Какая война? Ты что? Где ты слышал это?

– Мама плачет, ей плохо, пошли скорей домой, – Адхам крепко обнял отца, будто пытаясь спрятаться от ужасной вести. – Радио сказала...

Азим сел на лошадь, посадил сына впереди себя и приказал Султану:

– Султан, дружище, приведишь стадо сам.

Когда Азим прискакал в центр, к сельсовету, там уже собрались все односельчане. Только что светило солнце, и вдруг набежали черные тучи. Словно наступил конец света. Азим в детстве слышал о конце света от своей бабушки. Сейчас творилось что-то похожее: все бегут куда-то, люди не замечают друг друга, каждый занят собой, женщины плачут, мужчины сурово хмурятся.

Егор Кузьмич и комиссар выступили перед собравшимися у сельсовета, подбадривая женщин, настраивая на скорое отбытие на фронт мужчин.

В голове Азима бушевало: что станет с его семьей, если его убьют на фронте? Неужели он не увидит, как вырастет его сын? Неужели его любимая жена выйдет замуж за другого, если останется вдовой? Неужели он не увидит своего второго ребенка? Неужели он больше никогда не увидит свой любимый

Узбекистан? Неужели не суждено увидеть братьев, он так много хотел им сказать? Слышали ли они о войне? Что будет с ними со всеми?

Он еле добрался до дома. По дороге ему повстречался Коля, его ярый враг, два дня назад вернувшийся из тюрьмы. Они молча подошли друг к другу и крепко обнялись, будто прощая прошлые обиды. Они сделали это молча и молча разошлись. Маша с сыном ждала Азима на пороге, увидев кинулась на шею и закричала во весь голос:

– Не пушу! Не пойдешь на фронт! Родненький, любимый, не пушу!

Азим целовал ее, успокаивал как мог. Вслед за матерью заревел Адхам. Отовсюду неслись рыдания. В ту ночь никто не спал...

Прибежал домой и Султан, не понимая, что случилось, но чуя неладное. Он бросился к хозяину, пролаял непонимающе, почему, мол, никто не вышел встречать стадо. Азим обнял Султана, прижал его большую лохматую голову к себе:

– Да, Султан, у нас несчастье. Я надеюсь на тебя. Маша ждет ребенка... Адхам еще маленький и беспомощный, береги их, друг мой. Я верю в тебя, береги их.

Утром из города приехали военные.

Мужчины понуро кидали свои вешмешки в кузов машины, женщины висли на мужьях и выли.

По команде комиссара грузовики тронулись с места. Женщины с детьми побежали следом, утирали слезы шапками, кулаками, прощально махали руками. Вдруг из-за холма выскочила несущаяся во весь опор собака.

– Азим, глянь-ка, это же твой Султан!

Видно, только сейчас пес понял, что его любимый хозяин уезжает, и побежал вдогонку.

– Султан, домой! Иди домой! – кричал ему Азим.

Но пес не слушал его, готовый следовать за своим хозяином хоть на край земли. Вася застучал по крыше кабины – из кабины высунулся капитан.

– В чем дело? – спросил он.

– Товариш капитан, посмотрите, там собака не успела попрощаться с хозяином. Ведь пропадет... Разрешите им попрощаться!

– Еще чего! Собаки нам только не хватало. Ладно, даю две минуты на прощание. Время пошло, – сказал капитан и посмотрел на часы.

Султан, высунув язык, тяжело дыша, подбежал к машине. Азим выпрыгнул из кузова и, крепко обняв верного друга, зашептал на ухо:

– Султан, Султанчик, я скоро вернусь, и мы вместе будем бегать с тобой по холмам за стадом. Будем купаться в речке, всегда будем вместе, – говорил Азим, глядя и обнимая пса.

Тот повизгивал, заглядывая хозяину в глаза.

– Султан, ты должен охранять нашу семью – Машу, Адхама. Возьми вот это и отнеси Маше. Я буду ждать тебя здесь. Ну, давай, вперед! – приказал Азим.

Султан взял в зубы шапку Азима, помедлил немного и быстро бросился домой. Отбежав, он вдруг резко остановился, кинул шапку и посмотрел в сторону Азима.

– Домой, Султан! Давай, милый, отнеси шапку Маше.

Схватив зубами шапку, пес большими прыжками помчался домой, машина тронулась. Никогда еще Султан не убежал так далеко от дома. Когда наконец прибежал домой, Маша, прижав к груди шапку Азима, горько заплакала. Султан всю ночь у двери ждал Азима, жалобно повизгивая, надеясь, что он вот-вот появится. Его вой разносился по всей деревне, предвешая большую беду.

Азима и его односельчан разбросали по разным воинским частям – кого в артиллерию, кого в пехоту.

У Азима было звание старшины, поэтому его назначили старшим и дали в подчинение троих солдат. Он отвечал за пушку 45-го калибра, вверенную ему командованием части, в которую он попал. Боевой расчет под командованием Азима занял оборонительную позицию на высоте у березовой роши в белорусском лесу, вдалеке были слышны залпы тяжелой артиллерии, валил густой дым. В их сторону медленно тянулись повозки с ранеными солдатами. Их стоны сливались с грохотом тяжелой артиллерии, казалось, что раненые выбираются из настоящего ада. Азим видел лица солдат, безучастные, обреченные.

Молодой лейтенант подбежал к батарее и громко скомандовал:

– Батарея, приготовиться к бою! Открыть заградительный огонь по координатам!

Азим навел свое орудие по заданным координатам. Не успели раненые войти в рошу, как в небе появились немецкие самолеты. Они приближались с ужасающим гулом.

– Воздух!!!

Азиму показалось, что это последние минуты его жизни и он никогда больше не увидит своих близких. Он вспомнил слова матери: «Если твоей жизни будет угрожать опасность, сынок, надо сделать глубокий вдох и прочитать молитву». Азим закрыл глаза и стал шептать молитву. Самолеты расстреливали длинную колонну раненых солдат.

Самолеты добрались и до батареи, все смешалось, превратилось в ад крошечный. Бомбы сыпались как град, земля взметалась и оседала – и конца этому, казалось, не будет.

Несколько немецких самолетов задымились... Один разлетелся в воздухе на части... Недалеко от лейтенанта упала бомба. Боевой расчет Азима разбросало в стороны. Очнувшись, Азим понял, что ничего не слышит, из ушей текла кровь. Двое его солдат лежали бездыханные в луже крови. У Азима гудело в ушах, кружилась голова, его тошнило. Кое-как поднявшись, он стал наводить пушку, но никак не мог сладить с ней. Его помощник что-то кричал ему, но он ничего не слышал. Помощник подбежал к Азиму, показывая на соседнее орудие. Оно было целое, а расчет погиб. Азим ринулся к орудию, к нему присоединились еще двое солдат. Они навели пушку и начали стрелять по приближающимся к ним немецким танкам. Несколько орудий справа и слева поддерживали огонь.

Азим не знал, как долго они оборонялись, но снаряды и патроны кончились. Танки прорвали оборону, командир дал приказ всем отходить через березовую рошу в сторону леса. До леса добрались всего несколько человек. Немцы стреляли из пулеметов и автоматов, не жалея патронов. Когда они зашли поглубже в лес, капитан остановился:

– Ребята, отдохнем чуток.

Кто-то сел, кто-то лег на землю, идти дальше не было сил. Капитан, задышавшись, сказал:

– Берегите патроны, если еще остались. Нам придется прорываться к своим, – потом повернулся к Азиму: – А ты молодец, уничтожил несколько танков. Прямые попадания. Когда прорвемся к своим, я представлю тебя к награде.

Азим не слышал, он смотрел на губы капитана, пытаясь угадать, о чем идет речь. Капитан внимательно посмотрел на Азима и понял, что его контузило.

Оказалось, прорвалось семнадцать человек. По дороге к ним присоединились еще одиннадцать. Двое суток скитались по лесу, раненые и голодные.

Ночью напали на грузовик противника и, перестреляв немцев, забрали автоматы и вещмешки немецких солдат, в которых были разные консервы и шоколад. Капитан поровну распределил провизию, а часть предусмотрительно оставил про запас. После небольшой передышки двинулись вглубь леса.

* * *

Старый почтальон Федот принес Маше письмо. Султан, как резвый шенок, прыгал рядом, чувствуя, что пришла весточка от его любимого хозяина.

Федот, пряча улыбку в усы, сказал:

– Да, Султан, от Азима письмо тебе и твоей хозяйюшке.

– Спасибо, дядя Федот, спасибо вам... – со слезами благодарила Маша.

– Да что мне-то? Глянь, как собака радуется, не меньше тебя.

Маша громко читала письмо, обняв сына. Султан, прислушиваясь, сидел рядом, словно все понимая. Прочитав письмо, Маша пошла к соседям. Султан пошел к тумбочке, взял зубами письмо, поташил в свой угол и долго нюхал его. От письма пахло любимым хозяином. Там его и нашла возвратившаяся Маша...

* * *

Хорошо подготовленная и вооруженная армия немецко-фашистских захватчиков стремительно продвигалась к Москве. Советская армия отступала с огромными потерями живой силы и техники. Немецкая авиация уничтожала целые аэродромы, заводы, эшелоны с танками и оружием. Поезда не доходили до пунктов назначения – линии фронта и мест комплектации войск. Поэтому солдатам, защищающим отечество, приходилось противостоять столь мощной армии захватчика почти безоружными.

Отряд из оставшихся в живых солдат под командованием капитана прорывался к своим. Они не знали, что за несколько дней на расстоянии 10 километров вокруг не осталось ни одной советской военной части.

Раненые в отряде умирали от потери крови и ран.

Вдали показалось село. Правда, его трудно было назвать селом, оно похоже было на заброшенное кладбище: везде валялись трупы, дома были разнесены танками и артиллерией, стояла мертвая тишина – ни людских голосов, ни лая собак.

– Слушай, старшина, возьми двоих солдат и осторожно проверь местность, – обратился к Азиму капитан.

Азим и двое солдат ползком добрались до разрушенного села, убедившись, что здесь нет немецких солдат, Азим подал сигнал. Отряд вышел из леса и направился к разрушенным домам.

– Ребята, поищите в подвалах и погребях, может, найдется что-нибудь съестное, – велел капитан.

Однако никто ничего не нашел. Кто-то из солдат окликнул капитана:

– Товариш капитан, посмотрите-ка...

В воронке от бомбы лежала мертвая лошадь, запряженная в догорающую телегу. Пахло паленым мясом.

– Ну что ж, на войне и такое можно съесть, – вздохнул капитан.

Солдаты поели полусырого лошадиного мяса и остались ночевать в полуразрушенном подвале. А утром их разбудили звуки автоматной очереди. Открыв глаза, Азим увидел немецких солдат. Многие из них были пьяны, хохотали и лопотали что-то по-своему.

– Ребята, бросайте оружие, сопротивление бесполезно – их много, – командовал капитан.

Пленных повели в поселок. Там немецкий офицер забрал у них все документы и отделил раненых от здоровых. Здоровых увели, а раненых расстреляли у оврага. Азим старался держаться рядом с капитаном, от которого исходила какая-то энергия и сила.

– Старшина, запомни: одна маленькая ошибка привела к таким последствиям. Я не должен был разрешать вам оставаться на ночлег в этом проклятом селе. Из-за меня погибли эти молодые ребята. Как мне жить с этим грузом?.. Но... ничего уже не поделаешь, – горестно вздохнул капитан.

Через несколько часов они присоединились к большой колонне военнопленных. По дороге несколько пленных попытались убежать в лес, но не смогли, их застрелили немецкие автоматчики. Ночью военнопленных собрали на поляне, окружив со всех сторон.

– Отсюда не убежишь, значит, будем ждать. Скажи ребятам, чтобы поспали и набрались сил. Может, утром повезет, – сказал капитан.

* * *

Колонну с пленными немцы вели в лагерь – Германии нужна была бесплатная рабочая сила – рабы. Немецкие военные врачи получили отличную возможность проводить эксперименты не только на животных, но и на людях. Мертвых не успевали хоронить, поэтому их сжигали в ямах и засыпали хлоркой. Азим и его товарищи не знали об ужасах, ожидающих их в концлагере.

Колонна вышла на лесную дорогу. Автоматчики, охранявшие колонну, ослабились – хохотали, рассказывая друг другу веселые истории.

– Старшина, приготовьтесь. Когда я скажу, будем разбегаться в обе стороны от дороги, в лес. Побежим назад и километра через два встретимся на дороге. Помнишь озеро, где немцы купались? – спросил капитан.

– Помню, – кивнул Азим.

– Вот там и встретимся. Передай ребятам, чтобы бежали зигзагами. Так автоматчикам будет труднее попасть в мишень. Понял?

– Понял.

– Запомни, если со мной что-то случится, доложишь командованию, как мы прорывались к своим. Меня зовут Василий Севастьянов. Я из Воронежа.

– Запомню. Вы тоже запомните: мое имя Азим Саидов. Узбек. У меня пятилетний сын и беременная жена Маша. Еще у меня есть собака, по кличке Султан, умная, как человек. Все понимает, – глубоко вздохнул Азим.

– Я запомнил все. Добежим до леса – и всё, мы свободны...

Азим передал солдатам, чтобы они приготовились по команде одновременно бежать в лес.

Капитан подал сигнал... Пятьдесят–шестьдесят человек оторвались от многокилометровой колонны и враспынную кинулись в лес. За ними бросились и другие. Они били фашистских охранников кто чем мог – руками, камнями, палками. Автоматчики стреляли по бегущим пленным. Азиму пронзила резкая боль в левом плече, и он увидел, как в замедленном кадре: пуля, пронзив его плечо навылет, попадает прямо в затылок бегущему впереди солдату. Солдат замертво падает под ноги Азиму, изо рта его хлынула кровь. Азим падал, поднимался и опять бежал. Ему казалось, время остановилось, а метры от дороги до леса превратились в километры. Сколько так мчался, он не помнил. Уставший, задыхаясь от бега, упал, через несколько минут поднялся и снова побежал.

Когда стрельба утихла, Азим собрал оставшихся в живых, и они двинулись к озеру. Многие не дошли...

– Ну что, Азим, я же говорил, что у нас получится. Вот видишь... – вытирая пот с лица, сказал капитан.

Они обнялись. Увидев плечо Азима, капитан позвал солдата азиатской внешности:

– Малик, помоги, пожалуйста.

Подошел высокий черноглазый мужчина. Азим удивился:

– Малик-ака, вы случайно не узбек?

Тот кивнул головой:

– Да, я из Ташкентской области, из Кибрая. А вы?

– Я из Янгиюля...

Они обнялись, похлопывая друг друга по спине, как принято в азиатских краях.

– Товарищ капитан, это же мой земляк, – обрадованно сказал Азим.

Его раненое плечо прижгли горящей головешкой. То же сделали и с раненой ногой капитана. Малик достал бинты из кармана, чтобы перевязать раненых.

– Малик-ака, откуда у вас бинты? – спросил Азим.

Малик поднял гимнастерку и показал ранение в живот.

– Меня, раненого, отправили в госпиталь. Там прооперировали, через пару недель хотели отправить в часть, но не успели. Немцы захватили госпиталь, расстреляли докторов и тяжелораненых, а остальных взяли в плен. Я тоже кинулся бежать с вами, и вот получилось. А бинты прихватил в госпитале, когда немцы ворвались туда. Знал, что обязательно пригодятся...

К ним подошел капитан:

– Ну что, бойцы, засыпайте огонь землей, чтобы дыма не было. Уходим в лес.

Одиннадцать человек потянулись за раненым капитаном. Они все еще верили, что, следуя за ним, они обязательно доберутся до своих.

* * *

В кровопролитных боях немцы взяли Белоруссию. Танки, бронетранспортеры, а за ними мотоциклы проезжали по дорогам, как на параде. Немцы горлавили свои песни, уверенные в быстрой победе.

Маша, крепко прижимая к себе сына и новорожденную дочку, наблюдала из окошка. Султан громко лаял на непрошенных гостей. Вдруг несколько немецких солдат ворвались во двор и стали гоняться за курами и козленком. Султан кинулся на солдат, те еле успели выскочить, захлопнув за собой калитку. Все с ужасом смотрели на ошетилившегося пса. Немец хотел пристрелить его, но Маша позвала собаку, и Султан быстро забежал в дом.

Немецкий офицер запретил солдату стрелять в собаку, сказав, что она еще послужит для победы великой Германии. Он что-то черкнул в записной книжке и передал листок солдату, чтобы тот отнес его майору СС Краузе.

На следующий день легковая машина с открытым верхом остановилась у дома Маши. За ней следовал грузовик со специальным оборудованием и большой клеткой. Из него вышли Сергей в форме полицейского и немецкие солдаты. Сергей подошел к легковой машине, где сидели два офицера СС. Они что-то сказали ему, и Сергей, словно выслуживающийся перед хозяином верный пес, пошел к дому.

– Маша, выходи! Тебя зовут господа офицеры великой Германии. Выходи, я знаю, что ты дома. Они хотят поговорить с тобой.

Маша вышла, затворив за собой дверь.

– Сергей, ведь тебя посадили. Откуда ты взялся?

– Немцы меня освободили и дали должность полиция. Так что мы с тобой поговорим еще наедине, – глумливо усмехнулся Сергей. – А сейчас господа офицеры хотят посмотреть на твоего людоеда.

– Зачем им Султан?

– Хорошие собаки нужны Германии. А если ты не отдашь его добровольно, завтра или послезавтра солдаты застрелят его.

Маша, тяжело вздохнув, позвала Султана. Сергей прав: если Султан останется дома, немцы все равно убьют его, или такие предатели, как Сергей, убьют.

– Султан, ко мне!

На пороге появилась большая собака... Немецкий офицер выскочил из машины и с восторгом уставился на Султана. Потом подошел к забору. Султан, увидев незнакомца, зарычал, показывая клыки.

– Султан, нельзя, – приказала властным голосом Маша.

Султан сел у ее ног, облизнул руку.

Немцы восторженно смотрели на собаку и громко переговаривались.

– Слушай, Вилли, ты когда-нибудь видел такое чудо? – восхищенно спросил майор Краузе.

– О нет. Я в восторге! Такая собака... Надо угостить барона Хенке отличным шнапсом за то, что он дал нам знать о таком редком псе. Это настоящий клад для нас.

– Эй ты, подойди, – подозвал Сергея Краузе.

Сергей, на ходу снимая шапку и кланяясь, подошел к офицеру. Краузе взял бумагу со штампом СС и приготовился писать.

– Как ее зовут? Хозяйку, я имею в виду.

– Маша... Какая у тебя фамилия?

– Саидова, – хмуро сказала хозяйка.

– Мария Саидова, – повторил Сергей.

Краузе что-то долго писал и поставил свою подпись.

– С этой бумагой ее никто не тронет. Она и ее семья будут в полной безопасности. Отдав нам собаку, она окажет содействие великой Германии. Обещаю, что мы дадим ей хорошего шенка немецкой овчарки.

Подскочивший офицер, коверкая, перевел слова Краузе. Маша заплакала и взяла бумагу. Сев рядом с Султаном, она обняла его, приговаривая:

– Султан, Султанушка, милый мой, родной, ты сейчас спасаешь нашу семью. Я надеюсь, что ты вернешься, я уверена, ты найдешь дорогу домой, и мы будем вместе. Мы вместе будем ждать твоего хозяина.

Султан заскулил, предчувствуя разлуку.

– Не заставляй ждать господина Краузе. И сама проводи его до клетки, – зло сказал Сергей.

Маша сняла платок и, набросив на шею Султана, повела его к грузовику. Краузе по дороге остановил ее и протянул руку, чтобы погладить Султана. Собака зарычала. Маша, с трудом удержав его за шею, сказала:

– Нельзя, Султан, он твой друг. Он любит собак, там тебе будет хорошо.

Она дала знать Краузе, что можно подойти к собаке. Краузе с опаской погладил Султана.

– Хорошая собака. Я твой друг. Умная собака, – говорил он по-немецки.

Маша подвела Султана к грузовику и показала ему на клетку. Собака попиралась, но в конце концов все же прыгнула в грузовик. Солдаты закрыли клетку и уехали. Маша, плача, махала платком вслед другу и защитнику семьи. Теперь она осталась совсем одна. Сама себе и своим детям защитница.

Маша надеялась, что Султан обязательно сбежит и вернется домой. Несколько дней напрасно ждала его. От любимого мужа тоже не было вестей. Она понимала, что здесь оставаться опасно. Азим когда-то писал, что, если будет трудно одной, если с ним что-то случится, она должна уехать в Узбекистан к его родным. Но как это сделать теперь, ведь кругом немцы? Никто не ожидал, что события будут разворачиваться так стремительно.

Она покормила грудью дочь, положила спящего ребенка в кроватку. Рядом крепко спал Адхам. Он весь день искал Султана, звал, кричал, потом уснул в слезах. Маша только хотела погасить свечку, как услышала скрип. Она решила, что это вернулся Султан, подбежала и открыла дверь. Но за дверью стоял пьяный Сергей. Он схватил Машу за руку и потащил в сарай. Маша отбивалась, царапалась, но его это еще больше возбуждало. Маша кричала изо всех сил. Сергей ударил ее по лицу так сильно, что она потеряла сознание...

Когда она пришла себя, Сергея уже не было. Маша поняла, что этот пьяный скотина изнасиловал ее. Кое-как встав, шатаясь, она пошла в дом. Дочка плакала, Адхам никак не мог успокоить ее. Маша обняла своих детей и горько зарыдала. Остаться здесь было нельзя.

Утром она нашла почтальона Федота и, показав ему документ, который дал ей немецкий офицер, спросила, как можно выбраться из села. Федот сказал:

– Я, конечно, не знаю, поможет ли тебе этот документ, но, когда доберешься до наших, ты обязательно должна уничтожить эту бумагу. Иначе тебе плохо придется, дочка. Сочтут пособницей фашистов...

– Хорошо, дядя Федот. Если от Азима будет какая-то весть, передайте ему, что мы уехали к его родным.

– Машенька, не бери с собой много вещей. Только еду и самое необходимое. И еще: никто не должен знать, что ты уезжаешь.

– Хорошо. После обеда я буду готова.

– Я довезу тебя до дороги. А там, может быть, попадутся добрые люди, помогут добраться до города, до вокзала.

Маша написала письмо Азиму, собрала детские вещишки, документы. У калитки оставила еду для Султана на случай, если собака все же вернется, и, взяв с собой лишь сумку, уехала с детьми на повозке Федота. Она покидала родной дом в печали, вспоминая счастливые дни, проведенные с любимым мужем.

По дороге немецкий патруль несколько раз останавливал повозку, но Маша показывала бумагу, выданную Краузе, и ее отпускали без лишних вопросов.

Федот оставил ее у развилки дорог и повернул обратно, а Маша на переключных поехала дальше. Через линию фронта ее переправили партизаны... После долгих мучений и трудностей военной поры она добралась наконец до Узбекистана.

* * *

Бежавшие из плена Азим и его друзья долго скитались по лесу в надежде найти своих. Они не знали, что находятся глубоко в тылу противника. Добрые люди не давали умереть от голода.

Однажды они встретили на лесной тропе целую роту советских солдат во главе с майором.

– Неужели свои? – обрадовался капитан. – Смотрите, точно, красноармейцы.

Они вышли из леса, капитан дал команду построиться и сам пошел докладывать майору. Рота тоже остановилась, а солдаты на всякий случай взяли оружие наизготовку.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – козырнул капитан.

– Кто вы такие?

– Капитан Севастьянов и отряд из одиннадцати человек. Бежали из плена, прорываемся к своим.

– Понятно, ваши документы? – устало и недоверчиво спросил майор.

– Отобрали в плену.

– Как я могу узнать, что вы не немецкие шпионы? Я отведу вас в штаб, там разберутся, а пока арестую вас, служба...

Майор отдал приказ, и Азим со своими товарищами в окружении солдат майора отправились в штаб. Азим и его друзья были рады, что наконец попали к своим. Издалека показались вышки, похожие на тюремные. Кругом была колючая проволока. Внутри работали люди в полосатой одежде. Это все настораживало – и не зря... Солдаты передернули затворы и загнали патроны в патронники.

– Кто вы такие? – возмутился капитан. – Куда вы нас привели?

– Мы солдаты великого Рейха, – надменно сказал «майор». – Мы – новые хозяева великой России. Фюрер дал нам возможность повоевать за Россию-матушку и освободить ее от коммунистов.

Капитан и его бойцы удрученно молчали – они поняли, что попались в ловушку.

Ворота открылись, их встретили немцы с овчарками. Из здания вышел немецкий офицер. «Майор» доложил ему, после чего немецкий офицер, немного помолчав и осмотрев пленных, стал говорить по-немецки.

«Майор» довольно бойко переводил на русский язык:

– Господа солдаты и офицеры, добро пожаловать. Красная безбожная коммунистическая армия проиграла войну. На днях непобедимая армия великого Рейха возьмет Москву и все закончится. Наш фюрер Адольф Гитлер дает вам возможность служить в рядах сформированной армии «Свободной России» под предводительством героя генерала Власова... Забудьте о коммунистической идеологии и примите мудрое решение. Вы вернетесь домой героями или вовсе не вернетесь. Никогда не увидите своих родных и близких.

– Эй, майор, можно задать вопрос? – спросил капитан.

«Майор» с радостью подбежал к капитану. Когда он приблизился, капитан со словами «Получай, предатель, фашистская потаскуха» изо всех сил ударил «майора» кулаком в лицо. Удар был такой силы, что лицо «майора» сразу залила черная кровь, он выплюнул несколько зубов. Капитан, вцепившись в шею «майора», яростно стал душить его. На помощь «майору» кинулся немецкий офицер, он выстрелил капитану в затылок – тот упал, а офицер стал пинать его, уже мертвого. Опять заговорил немецкий офицер:

– Ну что же, выбор за вами. Ваш командир мертв, вы можете теперь никого не бояться и решить все самостоятельно.

Правда, переводить теперь его слова было некому. Азим еще не знал, что его и его друзей ждет невыносимая, адская жизнь. Он знал только одно – они никогда не забудут доброго, храброго капитана Василия Севастьянова из Воронежа.

Спустя месяц. Лаборатория СС.

Несмотря на то что после инъекции Султану все время хотелось пить и есть, он от всего отказывался. Вот уже несколько дней его проверяют и фотографируют. Люди в белых халатах долго совещаются перед его клеткой. После того как он набросился на немецкого солдата и оторвал ему руку, никто не решался зайти к нему в клетку. Ночью он грустно выл, скучая по хозяину и дому. Он очень ослаб.

К его клетке подошел Краузе с солдатом в очках. Он все время улыбался, от него исходила какая-то непонятная энергия.

Краузе добродушно заговорил с Султаном на ломаном русском языке:

– Зюлтан, Зюлтан, зачем ты загрыз наш сотрудник? Он потерять много кровь и умереть. Если ты так себя вести, тебя застрелить. Вот твой новый инструктор Ханс. Теперь он с тобой работать. Слушайся его и перестать голодовку, мы знать, что ты умная собака и вести себя хорошо.

Краузе глянул на часы, что-то сказал Хансу по-немецки и ушел. Ханс с миской, полной еды, хотел войти в клетку. Султан, неподвижно лежавший в темном углу клетки, в долю секунды распрямылся, как пружина, и кинулся на Ханса. Это был бросок кобры. Ханс еле успел захлопнуть дверь клетки. Через минуту, придя в себя, он примирительно сказал:

– Наверное, ты прав. Мы сначала должны с тобой познакомиться. Успокойся, меня зовут Ханс.

Султан внимательно смотрел и слушал непрошеного гостя.

– Как Ханса Христиана Андерсена, великого сказочника. Ты не слушал его сказки? О, друг мой, ты много потерял. Давай-ка лучше я тебе расскажу одну из них.

Султан лежал, положив голову на лапы.

– Жил-был король...

Ханс рассказывал сказку Султану как человеку, как маленькому ребенку. Он напевно говорил, жестикулировал, хмурился и смеялся. Султан слушал незнакомую речь, а видел родной дом, Машу, Адхама, любимого хозяина Азима. Иногда Султан злился и рычал, особенно когда Ханс повышал голос... Наконец, Ханс закончил свою сказку. Султан лежал в клетке тихо, глаза его были прикрыты.

– Завтра я тебе расскажу еще одну интересную сказку. А сейчас, Зюлтан, ты должен поесть, – сказал Ханс и через маленькое отверстие в двери поставил в клетку миски с едой и водой. Оглядевшись, шепотом сказал: – Завтра я покажу тебе фотографию моей семьи. Ну ладно, дружище, спокойной ночи.

Султан не пошевелился, будто спал, как убаюканный сказкой ребенок.

Утром, когда Ханс подошел к клетке, миски были пусты.

– Ну что же, доброе утро, дружище. Сегодня у тебя совсем другой вид.

Открыв клетку, Ханс вошел внутрь. Собака спокойно сидела в углу, и Ханс собрал мусор, скопившийся в клетке, подмел и вымыл пол.

– Теперь, Зюлтан, мы пойдем с тобой на улицу подышать свежим воздухом. Пожалуйста, разреши мне надеть на тебя поводок.

Султан стоял спокойно. Ханс осторожно надел на него ошейник и повел Султана на прогулку. Они вышли на специальную площадку для выучки собак. Площадка была разделена на несколько секторов крепкой металлической сеткой, где инструкторы выгуливали своих собак. Вдруг на них со злобным лаем кинулась огромная немецкая овчарка. Султан тоже кинулся на нее. Но железная сетка помешала им сцепиться.

– Зюлтан, успокойся, пойдем, пойдем...

Ханс за поводок отташил пса от сетки и стал объяснять ему:

– Запомни, Зюлтан, это очень плохая собака. Его зовут Хант. Держись от него подальше.

Ханс, продолжая разговаривать с Султаном как с человеком, знакомил собаку с территорией спецлаборатории СС, предназначенной для проведения экспериментов над людьми и животными. Султан не понимал, что он теперь тоже часть этого секретного эксперимента.

Ханс взвесил Султана, измерил его рост и длину. Все данные с немецкой аккуратностью записал в большую книгу, потом взял баночку с надписью «Зюлтан», отсыпал желтого порошка (секретный препарат) и, добавив его в воду, сказал:

– Послушай, Зюлтан, и запомни: эти процедуры мы будем проводить каждый день. А теперь то, что я обещал тебе вчера... Он достал из кармана фотографию и показал ее собаке. – Это моя мама. Это жена. Это мои дети: Вилли – старший сын, Матеус – младший.

Султан смотрел на фотографию детей Ханса и вспоминал детей своего хозяина, по спине его пробежала дрожь. А Ханс, словно не замечая этого, продолжал свой рассказ.

– Зюлтан, я так по ним соскучился, ты даже не представляешь! Когда я вернусь домой? И вообще, вернусь ли я? Увижу ли родных? Ты знаешь, у меня дома восемь собак редких пород. Вот, посмотри, мои красавцы. Это красавица Мадлен, она очень умная, редкой шотландской породы. Когда мы вернемся домой, я вас познакомлю. Она тебе понравится. А вообще, я в Германии работал в лаборатории по выращиванию немецких овчарок. Много повидал на своем веку. Чудовище Хант тоже оттуда. Он побывал во многих местах в Европе. С ним в экспериментальной группе было двадцать хороших собак. Какие овчарки... Восемь из них погибли. А четверых убил Хант. Как видишь, он здесь вожак большой своры.

По громкоговорителю объявили, что собакам пора делать прививку.

– Так, пойдём-ка, дружище, примем укольчик. Это совсем не больно. А потом я, пожалуй, искупаю тебя. Что-то ты пахнешь неважно, – сказал Ханс.

Со временем Султан привык к жизни в лаборатории. Лаборатория была огорожена высоким в несколько рядов забором. По периметру ограждения на углах стояли замаскированные круглосуточно охраняемые караульные вышки. Охранники менялись каждые два часа. Наружное ограждение было больше маскировочным, трудно было предположить, что за ним находится секретный объект. Внутренним ограждением был забор из отборного кирпича, вывезенного с развалин разрушенного фашистами какого-то европейского замка. Толщина основного забора была чуть меньше метра. А высота – более четырех. Убежать с территории лаборатории было практически невозможно, была предусмотрена даже противоподкопная сигнализация.

* * *

Ночью в баре играла музыка. За столом разговаривали и пили пиво Краузе и три немецких офицера. В бар вошли полицаи – Сергей и его приятели. Один из немецких офицеров обратил внимание на меховую повязку на голове Сергея и указал на него Краузе. Краузе подозвал Сергея. Тот по-рабски покорно, чуть пригнувшись, приблизился.

– Что у тебя на голове? – спросил Краузе.

Сергей ошупал лоб и с хитрой улыбкой ответил:

– Ах, это... Это меховая повязка из волчьей шкуры. Когда болит голова, ее надо повязывать. Чудодейственное средство – моментально проходит боль. На случай, если болит поясница или почки, у меня есть и пояс из волчьей шкуры.

– Оставь свою повязку и пошел вон отсюда. Это бар для немецких офицеров. Чтобы я тебя больше здесь не видел.

– Вас понял, больше не повторится.

Сергей залпом осушил кружку пива, снял повязку из волчьей шкуры, отдал ее Краузе и поспешно вышел из бара, позвав за собой остальных полицаев.

Краузе, повертев в руке повязку, задумался.

– Господин Краузе, о чем вы размышляете?

– Этот тупой русский только что натолкнул меня на интересную мысль. Кто из вас слышал о викингах-оборотнях?

Заскучавшие офицеры наперебой стали просить:

– Нет, мы ничего не знаем. Расскажите, пожалуйста, господин Краузе.

– Викинги были храбрыми воинами, – начал свой рассказ Краузе. – Умереть с мечом в руках для них было честью. Если жена погибшего в бою викинга умирала при родах, рожденного малыша отдавали жрецу племени. Викинги ловили волка, жрец сдирал с него кожу живьем, и помощник жреца натягивал кожу волка на ребенка. Вскоре она прирастала к телу мальчика. Племя викингов с особым уважением относилось к таким молодым воинам. Их тренировали днем и ночью – каждый день. Достигшие определенного возраста дети-волки становились воинами-волками – лучшими бойцами. Они были непобедимы, всегда жажда крови противника, голыми руками убивали его, перегрызали, как волки, ему горло. Я считаю, что настало время возродить таких солдат для великого Рейха. Сейчас у нас есть такая возможность.

Офицеры встали с мест и одобрительно захлопали. Послышалось многократное «Хайль Гитлер!»

– Господин Краузе, вы великий человек и ученый. Мы, ваши ученики, восхищаемся и гордимся вами, – сказал один из офицеров.

– Садитесь, друзья, не надо никаких почестей, пейте пиво. А вот если Сергею помогает от головной боли волчья шкура, так мы ему подарим свежую волчью шкуру. Дорогой Шульц, мне нужны живые волки и двое-трое крепких мальчиков, – сказал Краузе.

Концлагерь.

Азим и Малик после тяжелой работы едва добрались до своего барака и обессиленно свалились на нары.

– Малик-ака, я больше не могу, пусть лучше убьют меня, – с трудом выговорил Азим.

– Ты что, дурачок, забудь про смерть. Тебя дома ждут жена и дети, родные, твой Султан. Когда тебе очень плохо, закрой глаза и представь себе их лица, сияющие родные лица, и тебе обязательно станет легче. Вот я, например, когда мне плохо, закрываю глаза и вспоминаю жену и дочерей-красавиц. Ты знаешь, они такие заботливые, так меня любят...

Малик тихо заплакал.

– Малик-ака, пожалуйста, простите меня, прошу вас, – виновато пытался утешить друга Азим.

– Я бы давно умер, если бы не надежда увидеть их.

– Малик-ака, с этого момента вы мой родной брат. Когда война закончится, мы вернемся домой, в Узбекистан, будем ходить друг к другу в гости, на свадьбах наших детей будем гулять до утра.

– Я тебя признал за брата в первую же нашу встречу, – немного успокоившись, признался Малик.

Азиму стало стыдно за свою слабость, этот добрый, с чистой душой человек стал ему опорой в этом адском лагере.

Лаборатория СС.

За время, проведенное вместе, Султан и Ханс притерпелись друг к другу. Султану после полученных уколов и лекарств бывало очень плохо. Казалось, у него, как у хищных зверей, вырастали большие и непривычные для него клыки, шерсть становилась жестче, он становился агрессивнее. На тренировочной площадке солдаты, одетые в полосатую форму, били собак резиновыми дубинками, вырабатывая у них ненависть к пленным. Если где-то случались побеги, обученных собак пускали по следу. Они догоняли, находили пленных, и разыгрывались жуткие сцены. Собаки были очень полезны по службе, поэтому в лаборатории СС проводились все новые и новые эксперименты. Мертвых людей и животных сжигали в специальной печи, уничтожали даже пепел от них.

Ждали проверяющего – генерала Хайне. О результатах инспекции он должен был доложить наверх. Рейх не жалел средств для укрепления своей армии, ученые получали все необходимое. К приезду генерала для показательных выступлений Краузе готовил Ханта, Голландца и Султана. Предстоял показ разных зверей, выведенных селекционным путем учеными-зоологами и биологами под руководством доктора Краузе. Ярким моментом выступления была демонстрация инъекции, благодаря которой человек не чувствует никакой боли, и, конечно же, человек-волк, вызвавший у инспекторов бурю оваций. В человеке этом Султан собачьим чутьем узнал своего заклятого врага – Сергея.

Но показательных выступлений генералу было мало, и он приказал натравить друг на друга особо приглянувшихся ему Султана и Ханта, которые, рыча от ярости, рвали друг друга в клочья. В конце концов, смертельно устав, они замерли с сомкнутыми на холках челюстями, которые невозможно было разжать. В этом бою не оказалось ни победителя, ни побежденного.

Барон Фон Люк радостно объявил ничью и выпил шнапса. На этом закончился своеобразный отчет лаборатории № 99 о проводимых исследованиях и бесчеловечных, крайне жестоких опытах.

После боя Султана и Ханта долго лечили, собаки довольно серьезно покалечили друг друга. Когда они оправались, их обоих в разных клетках в сопровождении Ханса повезли на специальной машине во владения барона Фон Люка. И что за жизнь тут началась – собаки словно из ада в рай попали! Султана хорошо кормили, заботились ухаживали за ним. С первого дня он подружился с внуком Фон Люка. Мальчик, напоминавший Султану Адхама, любил ездить на нем верхом, и собака, как лошадь, с удовольствием катала мальчика.

А самое главное, Султан познакомился там с красивой белой пушистой сучкой, по имени Марта. Каждое утро он ждал встречи с подружкой, и они вместе носились по имению барона. Так началась у Султана королевская жизнь.

Концлагерь.

В то время как Султан роскошествовал, Азим голодал в концлагере, мечтая о куске черного хлеба. Концлагерь расширили еще на несколько километров, потому что военнопленных становилось все больше и больше. Однажды, когда привезли новую партию пленных, Азим увидел среди них односельчанина Геннадия, с которым не очень-то дружил в мирное время. Но сейчас война, и все по-другому: никто из них даже не вспомнил о былых обидах.

Азим увел односельчанина в свой барак. Геннадий рассказал, как он попал в плен. Рассказал также, что ему написали из дома, как Сергей стал полицаем, как Маша в обмен на Султана получила возможность уехать со своими детьми в Узбекистан...

Лаборатория СС.

Недолго Султан жил припеваючи. Однажды во дворе он увидел кота барона, сидевшего на перилах и всем своим видом дразнившего собак. Собаки лаяли, прыгали у лестницы, а кот вилял хвостом, продолжая издеваться над ними. Хозяев, наблюдавших из окна, вся эта картина очень забавляла. Вдруг Султан бросился на кота, и тот, испугавшись, кинулся на дерево, Султан тоже прыгнул вслед за ним и успел поймать кота за шею. Когда слуги барона добежали до Султана, на земле уже лежали бездыханные останки бедного кота. Баронесса упала в обморок, началась паника. На этом и закончилась райская жизнь Султана. Барон велел немедленно убрать его и Ханта с глаз долой. Ханс повел Султана попроситься к Мартой, у которой недавно родились два щенка. Один из них был очень похож на Султана. А другой, видно, пошел в мать – белый и пушистый.

Ханса и Султана посадили в машину и отправили обратно в лабораторию. Всю дорогу Ханс тербил загривок Султана и, как и прежде, разговаривал с ним как с человеком...

– Султан, не обижайся на них. Не помнят они добра, такие люди... За одно только спасение сына барона из пожара он должен был поставить тебе памятник, а ему важнее оказалась какая-то кошка. Может быть, твоя миссия в доме барона и есть это доброе дело. Еще ты познакомился с Мартой, у вас родились красивые шенята. Ну что же, это была передышка, теперь мы возвращаемся на службу...

Лето 1943 года было в разгаре. Сообщили о побеге из концлагеря десятых военнопленных. Охранники, поднятые по тревоге, с собаками прочесали лес до самого болота. Болото было очень большим и опасным, обычно немцы боялись даже близко подходить к нему, и по следу в трех направлениях пустили собак. Судьба пленных была предрешена... Догнав, собаки стали буквально рвать их на части. Хант вцепился зубами в одного пленного, тот с жуткими криками, крепко ухватившись за собаку, потащил ее за собой в болото. Когда собаки-убийцы закончили свое мерзкое дело, увидели, как Хант тонет в болоте. Тяжело дыша, наблюдали, как барахтается их собрат. За всем этим издали в бинокль наблюдали немецкий офицер и автоматчики. Султан схватил зубами валяющуюся большую ветку и осторожно пополз к Ханту. Хант из последних сил потянулся к ветке и зубами ухватился за нее. Это дало собаке возможность перевести дух. Хант сильно ослаб и начал тонуть. Тогда Султан подполз с другой стороны по кочкам, ухватил Ханта за холку и вытащил из болота. Хант долго лежал обессиленный. Но, когда немного пришел в себя, пополз к Султану и в знак благодарности начал облизывать его.

Офицер, наблюдавший эту картину, написал рапорт о самоотверженном подвиге Султана. Собаку представили к награде железным крестом. С этого дня Султан стал лидером служебных собак. Хант тоже признал его лидерство и больше не кидался на него.

Концлагерь.

Побеги из тюрем и лагерей участились. Пленные предпочитали умереть, чем влечить ужасное существование за колючей проволокой. Голод и мучения доводили людей до иступления.

В концлагере, где содержались Азим и его друзья, началось людоедство. Азим, Малик и Гена решили, что откладывать больше нельзя – надо бежать.

Накануне авиация разбомбила северную часть лагеря, и немцы еще не успели починить до конца вышку наблюдения и заделать колючую проволоку...

Ночью пятнадцать пленников бежали из лагеря. В темноте немецкие охранники не стали преследовать беглецов. Знали, что для этого есть специально обученные команды.

Несмотря на голод, истощение и усталость, пленники, опьяненные свободой, бежали и бежали сквозь лес. Дойдя до труднопроходимой части леса, где протекала речка, они решили разделиться и уйти по этой речке, чтобы собаки не взяли след.

Отдав один из захваченных у немцев автоматов и поделив заточки поровну, они разбились на две группы.

Азим, Малик, Гена и пленный поляк Янош долго шли по воде, но ближе к обеду они все-таки услышали лай собак и поняли, что их догоняют. Тогда Азим предложил:

– Одному из нас придется остаться и задержать преследователей. Чтобы все было по-честному, будем тянуть веточки: кому попадет длинная, тот останется и будет прикрывать уходящих, пока сможет.

Длинную веточку вытянул Янош. Он глубоко вздохнул, назвал свой адрес и просил сообщить матери. Они обнялись, оставили ему автомат и побежали вглубь леса. Янош залег за бугорок и зашептал молитву, поджидая преследователей. Вскоре на тропе показалась огромная овчарка. Янош уложил ее выстрелом, но за ней появилась другая. Янош подстрелил и ее. Он вскрикнул от радости. Но вдруг почувствовал, что на его шею что-то капает. Обернувшись, увидел, что над ним стоит огромная собака с капающей из пасти слюной. Янош не успел выстрелить: собака кинулась на несчастного и перегрызла ему горло. Остальные псы продолжали погоню. Беглецы услышали лай, остановились и опять бросили жребий. На этот раз длинная палочка выпала Азиму. Холодный пот заструился у него между лопатками. Он взял автомат, патроны, которых было совсем немного.

Малик обернулся к спутнику:

– Гена, ты беги, браток. А я останусь с Азимом. Мы же с ним земляки...

Но Азим возразил:

– Нет, Малик-ака, все должно быть честно. Вы уходите оба. Кто-то же должен остаться живым, чтобы рассказать нашим детям о нас, о том, как мы погибали.

Малик обнял Азима, попросался, и они с Генной побежали дальше. Азим приготовил штык-нож, положил рядом камень. На тропе появилась огромная овчарка. Азим обмотал куском одежды левую руку и подставил собаке. Собака кинулась к руке, а он ударил ее несколько раз ножом – собака упала замертво, успев прокусить Азиму руку. Азим застонал от боли и уже собирался бежать, когда услышал, что к нему несутся еще несколько собак-людоедов. Он понял, что не сможет убежать от них далеко, и повернулся к смерти лицом, повторяя молитвы, которым научила его мать. Азим вскрикнул, выставил нож перед собой и вдруг замер: прямо на него несли Султан, его любимый друг. Азим закричал что есть силы:

– Султан! Султан! Это ты?!.

Султан, бежавший во весь опор, внезапно остановился, словно споткнулся: чем-то родным пахло на него от этого человека, очень худого, но так похожего на его любимого хозяина. Султан громко залаял, и две овчарки, бежавшие за ним, остановились, тяжело дыша и высунув языки.

Азим был вне себя от радости и изумления.

– Султан, это я, Азим. Султан, это я. Дружише, иди сюда, ну...

Султан бросился к любимому хозяину, которого так долго ждал. Азим обнимал его, а тот облизывал его лицо, руки, визжал, как маленький шенок. Остальные собаки удивленно наблюдали за этой сценой, сидя поодаль.

Азим, обнимая Султана, заметил, что на его ошейнике были выбиты немецкий герб и свастика. Он понял, что Султан служит немцам. Собака преданно смотрела в лицо хозяину, будто хотела спросить: а что теперь?

Азим обнял ее за шею:

– Султан, дорогой мой, ты должен вернуться обратно и ждать меня. Я вернусь домой. И мы с тобой еще повоюем с волками. А сейчас возвращайся назад и забирай своих псов...

Султан покружился вокруг хозяина, жалобно заскулил. Потом положил голову на колени Азима (он так мечтал об этом каждый день!), на мгновение закрыл глаза, осящая родное тепло, встал и побежал в лес. Овчарки рванули следом за вожакком.

– Прощай, друг, – смахнул слезы Азим. – Увидимся ли еще?..

Азим долго скитался по лесу и, обессилив от усталости и потери крови, заснул. Во сне он увидел, как мать и братья сидят за дастарханом, пьют чай. Мама подает ему горячую лепешку. Он жадно откусывает от нее большие куски и глотает, почти не жуя. Проснулся он от шороха: над ним стояли Малик и Гена.

– Живой? Смотри, он живой! Азим, братишка, родной!

Малик крепко обнял земляка. Азим рассказал, что с ним случилось, как Султан спас его.

Через день они вышли на тропу, где наткнулись на дозор партизан. В партизанском отряде Азиму и товарищам оказали необходимую помощь, накормили, дали отдохнуть. А на следующий день с ними побеседовал командир – майор Прохоров – и зачислил их в отряд.

Азим быстро научился делать взрывные устройства и использовать их против оккупантов. Майор Прохоров назначил его командиром группы подрывников. Партизаны появлялись неожиданно там, где немцы вообще их не ожидали, и так же внезапно исчезали в лесах. Поэтому немцы окрестили их группу командой оборотней.

Сведения об успешной деятельности группы Азима дошли до центра. Их заочно наградили орденами за доблесть и мужество.

* * *

В войне наступил перелом, немецкие войска начали отступать. Немецкое командование всячески старалось поднять дух своих солдат. Однажды по тревоге был поднят весь персонал лаборатории. Прибыл генерал, а за ним в двух машинах вооруженные до зубов солдаты и офицеры. Всех собак распределили по машинам. Ханс обнял Султана за шею. Ханс, по сути, был добрым, миролюбивым человеком, по воле судьбы попавшим в эту мясорубку. Он был против войн и насилия, но кто спрашивает маленького человека, хочет он воевать или нет.

Ехали долго. Наконец, отряд добрался до железной дороги, солдаты рассыпались вдоль насыпи для обеспечения безопасности проезда эшелона с техникой и горючим, которых так не хватало немецкой армии.

Когда издалека показался эшелон, в небе появились советские истребители, а из леса вышли партизаны. Завязался страшный бой. Ханса ранило в плечо, и он упал. Султан остановился рядом, не реагируя ни на стрельбу, ни на взрывы. Он схватил Ханса зубами за шинель и стал тащить из этого ада. Ханс

не приходил в себя. Султан оставил его на обочине и побежал назад, в лабораторию, надеясь найти там помощь. Подбежав к лаборатории, он обнаружил, что от нее ничего не осталось: адская лаборатория была стерта с лица земли, кругом дымились воронки от бомб. Султан повернул обратно в лес, к железной дороге, где оставил раненого Ханса...

* * *

Азиму и его группе удалось с честью выполнить задание: эшелон был уничтожен. Но в бою они потеряли семнадцать человек. Погиб Геннадий, тяжело ранен был Малик-ака. Увидев Азима, он прошептал:

– Азим, слушай меня внимательно. Ты для меня и друг, и брат – самый близкий теперь человек. Если со мной что-нибудь случится, ни в коем случае не говори моей жене и детям, что я умер. Пусть они живут с надеждой, что я жив и в один прекрасный день вернусь. Я не хочу, чтобы мои дети чувствовали себя сиротами.

– Малик-ака, я разговаривал с доктором. Вам сделают операцию, и все будет в порядке, – успокаивал Азим.

– Братишка, спой мою любимую песню...

Азим тихонько запел узбекскую народную песню. Малик закрыл глаза, слушая родной напев.

Вскоре за ранеными прилетел самолет. Партизаны быстро погрузили тяжелораненых на борт. Азим, успокаивая Малика, клятвенно пообещал ему, что он непременно найдет его и его семью после войны. Самолет набрал высоту и исчез в облаках.

* * *

Когда Султан вернулся к Хансу, тот еле дышал. Пес стал облизывать его лицо, тихонько скулил и бегал вокруг...

– Зюлтан, ты вернулся?

Ханс снова потерял сознание. Султан посидел рядом с Хансом, потом побежал в лес. Он петлял по лесу, пока не увидел за деревьями какие-то дома. Подбежав к одному из них, он стал скрестись в дверь, но, убедившись, что дом пустой, побежал к другому. Из дома вышел старик.

– Ну, что тебе надо от старого больного человека?

Султан схватил старика зубами за рукав фуфайки и потащил за собой.

– Ты хочешь мне сказать, чтобы я помог тебе? Так? – догадался старик.

Султан упорно тащил старика за собой.

– Подожди, я не могу бегать. У меня есть старая кляча. Подожди меня.

Погладив собаку, старик пошел в конюшню и вывел оттуда лошадь, с виду старше самого хозяина. Кряхтя, он взобрался на нее, и они поплелись за Султаном.

– О-о, ты хотел сказать, что с твоим хозяином случилась беда, – вздохнул старик, увидев раненого Ханса. – Ты хорошая, верная собака.

Старик сорвал листок с какого-то дерева, собрал капающий из березы сок и смочил губы Хансу. Ханс глотал живительные капли.

– Зюлтан... Зюлтан... – шептал Ханс.

Старик собрал какие-то травы, разжевав и сделав лепешку, наложил ее на рану Ханса. Осмотревшись, подошел к мертвому солдату, лежащему рядом, и взял у него из рюкзака аптечку. Перевязав Хансу плечо, старик с трудом поднял, усадил его на лошадь и повел ее домой. Оставив лошадь с Хансом

у калитки, он отправился в немецкую комендатуру в соседнее село, откуда приехала санитарная машина и забрала раненого. Султан скулил и лаял, рвался за машиной, однако старик с трудом, но крепко держал его за ошейник.

Султан долго сидел на улице в надежде, что Ханс вернется за ним. Но Ханса все не было. Вдруг издали послышался звук сирены санитарной машины. Султан побежал на этот звук и вскоре догнал машину. Она остановилась у госпиталя. Султан забежал в госпиталь и стал искать среди раненых Ханса. Не найдя своего хозяина, пес, уставший, лег во дворе госпиталя.

На следующее утро доктор, забиравший Ханса, узнал Султана. Подошел к нему и присел рядом. Он погладил пса и сказал, что его хозяина больше нет в живых, он умер во время операции от потери крови. А потом он отвел собаку туда, где похоронили Ханса. Султан сидел у могилы до утра и выл, как волк.

Под утро началась бомбежка. Султан побежал в лес, чтобы переждать сражение и снова вернуться к могиле.

Бой продолжался недолго. Советские войска уничтожили целую дивизию немцев. Когда Султан вернулся, вместо могилы зияла огромная воронка. Он лег рядом с воронкой и закрыл глаза...

* * *

После разгрома лаборатории оставшихся в живых собак повезли в концлагерь в Австрию, где содержали американских и английских военнопленных. С этого концлагеря было много попыток к побегу за последние три месяца, и некоторым пленным удалось сбежать на свободу.

Султану и его своре людоедов было над чем здесь поработать...

1945 год, Германия.

Конец войны был уже не за горами. Через что только не пришлось пройти и людям, и животным! Каждый вносил свой вклад в общую победу, каждый выполнял свой долг независимо от того, кто он и на чьей стороне.

Последние месяцы войны унесли немало жизней. Казалось бы, вот она, победа, уже машет рукой, но... у войны свои правила игры. И судьба у каждого своя.

Рота саперов под командованием Чонты очищала от мин одну территорию за другой, минирование немцев было все изощренней. Каждая операция по обезвреживанию все опасней.

– Чонта! – дрожащим голосом позвал молодой солдат.

– Внимание, всем отойти! – крикнул Чонта стоящим неподалеку. – Я сказал, всем отойти! Уйдите подальше! Пол, стой на месте, не двигайся. Я иду к тебе.

– Ах черт! Ну надо же! В конце войны так глупо умереть, – негодовал Пол, его начало трясти. – Чонта, я тебя умоляю. Если мина, на которую я наступил, взорвется, собери, что от меня останется, чтобы моя мать поплакала над моим гробом. О Господи! – он тихо заплакал.

– Пол, замолчи и стой на месте! Давай-ка я осмотрю эту мину. Мы еще погуляем на твоей свадьбе. Ты выкрутил стержень капсулы от этой мины, она не опасна. А внизу еще одна мина, которая присоединена к другим, – Чонта внимательно изучал связку проводов. – Главное – не суетись и стой на месте. Все будет в порядке.

Султан подполз к Чонте и заскулил.

– Султан, уйди, пожалуйста!

Пес не двинулся с места.

– Султан, это приказ, отойди!

Тот словно не слышал его.

– Хорошо, Султан. Тогда принеси мою сумку с инструментами, только осторожно.

Султан послушался, а принес сумку, залаял и побежал в сторону.

– Я понял, Султан. Там еще три мины, и они тоже присоединены к той, на которой ты стоишь. Умница, хорошая работа.

– Ты где, Том?

– Чонта, я здесь, сзади тебя.

– Ребята, уходите, – взмолился Пол. – Все равно мне конец.

– Пол, заткнись и не двигайся! Думай о хорошем. Том, ты с ребятами обезвредь эти две мины справа от меня, а я беру на себя вот эти две. Только будем резать провода от мин одновременно. Ты меня понял?

– Да, Чонта, понял. Давай за дело!

Саперы работали слаженно и оперативно.

– А теперь аккуратно отходите назад. Пол, по моей команде медленно поднимешь ногу. Ты меня понял? Поднимай... так... осторожно... Отлично! Молодец! Я держу стержень. Уходи отсюда, Пол.

– Я не могу двигаться, Чонта.

– Я сказал, уходи!

Султан схватил Пола за руку и поташил за собой. Все смотрели на Чонту, затаив дыхание.

Султан подошел к нему.

– Плохи наши дела, друг, – сказал он тихо собаке. – Под этой проклятой миной еще одна, и я понятия не имею, что это за мина. Всем отойти! Уйдите в прикрытие! Ну что, Султан, рискнем?

Пес залаял.

– Да, ты прав, у нас нет другого выбора.

Султан, глядя на Чонту, отошел на несколько метров и рывком помчался назад, отталкивая его от мины. Казалось, все замерло, даже воздух стал каким-то тягучим. И в этот момент раздался страшный взрыв. От мощной взрывной волны окна в ближайших домах разлетелись вдребезги.

Окровавленных Чонту и Султана на генеральском джипе доставили в медсанчасть. В течение нескольких часов солдаты и офицеры не отходили от дверей госпиталя. Недалеко под деревом, опустив голову, плакал Пол.

Вышедший во двор хирург закурил папиросу. Его тут же окружили собравшиеся.

– Господин генерал, – обратился хирург к пробравшемуся сквозь толпу военному, – пришлось ампутировать правую ногу сержанту Чонте, состояние стабильное, – он немного помолчал и продолжил: – Но собака...

– Неужели все так плохо?

Все затаили дыхание.

– Мы сделали предварительную операцию. Выташили множество осколков из тела, видимо, пес принял на себя основную взрывную волну и тем самым спас своего хозяина от неминуемой гибели. А вот осколок в голове собаки мы не в силах достать, для этого нужна специальная хирургическая комплектация и оборудование, если бы его каким-то образом можно было отправить в Америку, чтобы спасти.

Генерал задумался и позвонил на аэродром.

- Самолет с ранеными солдатами улетает через 15 минут, мы должны успеть. Эй, Алекс!
- Слушаю, господин генерал!
- Я слышал, что ты до войны был спортивным гонщиком?..

Огромный военный грузовой самолет был полон ранеными солдатами. Молодой лейтенант, отдав последние распоряжения и подписав документы, побежал к самолету.

– Кто здесь главный? – спросил подоспевший генерал. – Кто отвечает за раненых?

– Я, господин генерал, – отозвался лейтенант.

– У нас тяжело ранен солдат, его надо доставить в лучший госпиталь США. Ему нужна срочная операция. Вот его документы, а вот его награды, это его медицинские документы военно-полевого госпиталя.

Лейтенант принял документы и награды Султана, но, увидев, что на носилках собака, вернул их генералу.

– Господин генерал, я не могу взять на борт собаку, не положено.

– Что ты сказал? Как не положено? Вы, штабные крысы, вообще обнаглели!? Это мой лучший специалист по минам, он сапер Армии США! Этого солдата зовут Султан, и он спас множество жизней наших солдат и офицеров, когда вы в тылу спокойно спали со своими женами! Да я тебя расстреляю за невыполнение приказа, шенок! – генерал схватился за пистолет. – Не заставляй брать грех на душу, ведь война вот-вот закончится.

– Господин генерал, я заберу вашу собаку, но я не штабная крыса, я сам ненавижу штабистов. Я тоже воевал, как вы. Четыре месяца назад я был ранен, и мне ампутировали правую руку, – он показал протез. – А моя жена погибла в прошлом году в Австрии. Она была медсестрой.

– Извини, сынок! – виновато посмотрел на лейтенанта генерал. – Прости меня, если сможешь.

Он по-отечески обнял лейтенанта, по щекам которого заструились слезы.

– Положите собаку на мое место. Вы не волнуйтесь, я все сделаю как надо, – и, забрав награды и документы Султана, лейтенант поднялся по трапу в самолет.

Белоруссия. Дом Азима.

К дому Азима, коловшего дрова во дворе, подъехала машина. Азим с удивлением посмотрел на выходящего из нее темноволосого смуглого мужчину. Гостей они не ждали, да и машина странная – в деревне таких не водится. Мужчина, выйдя из машины, прохромал к задней дверце и открыл ее. И тут из машины выпрыгнул Султан и устремился к Азиму. Мужчина не поверил своим глазам. От волнения и радости он, не удержавшись на костылях, упал на колени и заплакал.

– Султан! Дорогой мой, милый, ты жив!!! Иди ко мне, мой мальчик, иди!!!

Султан кинулся к Азиму, повалил его на землю, облизывая и визжа, как шенок. Казалось, не было в этот момент счастливее этих двоих, покалеченных войной, но не сдавшихся солдат.*

* Журнальный вариант.

В ячейках рифм слова метались...

Алексей ГВАРДИН

...камлай, ворожея, камлай...

...перламутровая взвесь певучих слов
с неземною родословной языка
колыхалась, оседая на висках, –
и пушинкой лёгкой по миру несло
било оземь, вымолачивая явь
всю до зёрнышка, и окунало в сны,
как в огонь Неопалимой Купины,
и по времени реке пускало вплавь,
и заглатывал водоворот веков,
начиная всё сначала – по слогам,
осаждая скользким илом на лугах
вдоль безжизненно отлогих берегов,
убаюкивало в лучшем из миров,
по дуге сгибающая света вертикаль,
и роняло каплей алою в грааль
на чужом пиру – последнем из пиров,
разлагая суть до атома, и вновь
под плывущую за ночью следом песнь
сочинялась то ли глинистая смесь,
жизнь ли новая, последняя любовь...

Алексей ГВАРДИН. Родился в 1965 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Член творческого объединения художников при Академии художеств. Участник и призёр международных конкурсов карикатур. Лауреат премии «Грифон» (1993 г.). Обладатель Гран-при за мультфильм «Фархад и Ширин».

О, Дали...

... в ячейках рифм трепещущей макрелью
метались ночь

и проблески с тенями.

Луна закрыла выход из тоннеля.

И всё вращалось

по оси апреля.

Проснувшихся держали сны корнями.

Но солнце – как в бокале «Ркашители» –
в плывущем небе,

выбеленном мхами,

рука незримая поднимет. Параллели
сомкнутся,

и с наклонной аппарели

дурманной лавы разольётся пламя.

Мицелий света разрастётся хмелем,
и над землёй

разверткой оригами

соприкоснутся, выдохнуть не смея,
две головы на миг,

как на качелях,

наполненные синью с облаками...

сапоги и бутсы

– ...здравствуй, мытарь в человеческой шкуре.

Если честно, правильной –
не здравствуй.

Ежедневно. Лучше – ежечасно.

Ты ко мне де факто аль де юре?

Мать-природа, ты полна сюрпризов,
больше, чем правительство, пожалуй...
вижу салом обрастаешь, малый,
а в глазах – синдром амбарной крысы.

Говоришь, долги за мной плетутся,
обрастая непомерной пеней?..

Эх, увековечить бы в катрене
твой напор и жажду контрибуций...

чем бы откупиться, мой убогий?

Хочешь цак и граммов двести луца?..

Или, может, сапоги и бутсы?..

– Тапки на пороге!

Как же прав был старина Конфуций*...
ну пока, мой друг четвероногий.

река

Вниз по течению реки
ни бакены, ни огоньки
нам зажигать уж не с руки,
и только приступы тоски,
как высохшие лепестки,
облепят стебли осоки,
укрыв пески.

И кто-то в шарканье шагов,
отыскивая свой улов
среди запутанных узлов,
среди обглоданных мослов
давно забитых насмерть слов,
всё ищет смыслы веших снов.
И их основ.

Мчит воды странная река,
замешивая в них века,
и отражает облака,
свои крутые берега
и всё, что движется пока...
и ищущего дурака
слегка.

москванариум

игло-
хвостая луна
поднимается со дна
и плывёт по кругу к нам
по волнам.

А прозрачная вода
отражает иногда
чудеса и города
на года.

Как
в предновогодних снах,
явь волшебна и честна
и нисколько белизна
не тесна.

Датой
капает вода,
исчезает навсегда
без особого труда
суета.

И,
не ведая стыда,
вся Москва уже седа.
Остальное, как всегда, –
ерунда.

* Найди себе дело по душе, и ты никогда не будешь работать.

анабиоз весенний

Меня здесь нет.
 Я – сюр в багетной раме,
 я отражаюсь в небе вверх ногами,
 под голову ладони заложив,
 я так похож на ритуальный камень,
 и веток тень, сплетенная в орнамент,
 на солнечном сплетении лежит.
 Густ аромат –
 весна толчет приправы.
 Я – недвижим,
 пришитый ветром к травам –
 плененный лилипутством Гулливер.
 Такая тишь,
 что и дышать не вправе...
 лишь изредка камыш прошепелявит
 обрывки фраз из насекомых вер.
 Здесь нет меня.
 Я далеко. Не с вами –
 в многоэтажной, странной голограмме.
 Я – невесом,
 и мне молчать легко.
 Сквозь золото молчания
 по граммам
 я неба синь цежу из панорамы,
 помешивая сливки облаков.

каллиграфия

...когда утихнут грозы с ливнями,
 соперничеством обессилены,
 зальётся небо глиной синею –
 густой и вязкою по-зимнему.
 Гончарный круг земли повинен ли
 в том, что случится?
 Зноем инея
 ожжёт лопатки обескрыленных,
 сдирая ожиданье дивного.
 Под солнцем
 жёлтым глазом филина,
 застыв меж янями и инями,
 прозрачной непрерывной линией
 он обведёт изгибы имени...
 а время будет течь из вымени
 коров небесных.
 Ту же линию
 всё повторяя днями длинными,
 не изменяя и не выменяв.
 И в запахе медово-тминном ли,
 смолы шипящей ли, полыни ли
 вдруг за решёткою каминною,
 светясь горячими рубинами,
 родится новое невинное
 начало сказки,
 но... без имени.

КУЗЕНчиковое ЦИ*

Мы зелены, как огурцы,
 но не зелёные юнцы,
 хоть и прятки, как сорванцы.
 Мы счастья нашего жнецы
 и кузнецы.
 Мы – молодцы.
 Да,
 мы, конечно, не борцы.
 К чему нам славы бубенцы
 или терновые венцы?
 Но мы гонцы во все концы
 и широты души – певцы.
 Ни за какие леденцы
 нас не заманишь во дворцы,
 не то что в грязные сенцы.
 Сверчки, конечно же, слепцы –
 сидят под печкой. Чернецы.

По одному, как подлецы.
 Нет, это ж надо, наглецы:
 трешат в ночи, мол, мы –
 творцы,
 что самки их и что самцы:
 мозгов на всех как у овцы.
 Зато мы в унисон – спецы.
 У нас – ЦПКиО и ЦИК,
 Мы – равноправные жильцы,
 как завешали праотцы.
 Мы – фараонцы,
 не скопцы.
 Китайцы нас мумифици...
 АГА... ПОПАЛСЯ.
 НУ-КА ЦЫЦ!
 Июль... поля...
 цы... цы... цы... цы...

* Идея фундаментальной пространственно-временной и духовно-материальной субстанции, лежащей в основе устройства Вселенной.

ВЧЕРАШНЯЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

*И любовь не вернется... Течет вода
Под мостом Мирабо всегда.*

Гийом Аполлинер

*А вода продолжает течь
Под мостом Мирабо...*

Борис Гребенщиков

Она выскользнула сквозь распахнувшиеся двери лифта и легко сбежала по ступеням подъезда. Пыль-паутина, клочья мусора, конфетные обёртки, подтверждения пребывания в полном здравии соседской кошки – перманентная лужа с пованивающей кучкой посреди площадки, и свежий типографский дух из почтовых ящиков. Привычный день, такой же, как и все. В Багаде всё спокойно, на Западном фронте без перемен. Скрипуче отворила заклинивающую, облупившуюся синей шелухой дверцу своего почтового ящика. Та, металлически крякнув, выплюнула из ржавого чрева прямоугольник конверта и ворох глянцевой рекламной дребедени. Почему-то этот звук у неё всегда ассоциировался с приземистым, толстым дядькой с луковой отрыжкой и сальной улыбочкой, пьяно икающим и лениво скребушим волосатым пальцем выглядывающее из-под грязенькой майки пузо.

«Странно, без обратного адреса, – мельком на ходу взглянув на конверт, подумала она, – прочту уже на работе».

Уличный гомон увлёк за собою в обычное утреннее русло: спешная перебежка на мигающий зелёный, погружение в тёмный туннель перехода и всплытие из него же на свет, звук заводящегося мотора, галдящий город, машины, машины, машины, трамвайный визг, стоянка, гигантская тень офисного небоскрёба, хайтековски-блестящая прилизанность скоростного лифта, канцелярский дух длинного коридора четвёртого этажа, двери, двери, двери, двери, тлеющий в цилиндрической урне-пепельнице плохо затушенный окурочок, поворот, двери, приветствие коллег и... тишина собственного кабинета. Уф. Теперь можно и кофе.

Вика ЧЕМБАРЦЕВА. Поэт, прозаик, переводчик. Родилась и живет в Кишиневе. Член Союза писателей Москвы. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Участница, лауреат, член жюри многих международных литературных форумов и конкурсов, дипломант фестивалей. Автор поэтической книги «Тебе...». Публиковалась в коллективных сборниках, литературно-художественных журналах «Дружба Народов», «Звезда Востока» и др.

Она расстегнула пуговицы плаща, кинула его на плечики стоящего в углу кабинетного камердинера, подошла к высоченному широкому окну и растворила настежь одну из створок. К слабому жужжанию включенного процессора и выплывающе-булькающему приветствию Windows добавилась сменяющая сияние на хмурость суэта уличного заоконья.

Рабочий день шел, выстукивая события, словно манекенщица на высоченных шпильках. Истерия телефонных звонков, шумное хлопанье дверей, война с документами, елейное утихомиривание назойливых клиентов. Периодически в дверь, как черепаха из домика, просовывалась голова расторопной секретарши, произносящая длинные, как её ресницы, фразы без логических пауз... Утренний кофе стыл на столе так и нетронутый.

К обеденному перерыву офисная суматоха начала угасать. И звучный хлопок двери отдела сообщил о том, что последний замешкавшийся сотрудник, наконец-то покинул территорию, следуя голодному зову урчащего живота своего.

Она потянулась и откинулась в кресле. Потерев подъёмом левой ноги шиколотку правой, скинула лёгкую туфлю, тем же движением скинула туфлю и с левой. Развернувшись к окну и положив узкие лодыжки на край подоконника, она потянулась за сигаретами. Зажигалка выбросила алчный язычок оранжевого пламени, и рот наполнился пряным дымом вишнёвой сигареты. За окном, отяжелевшие бременем близящегося дождя, по прорехам беспечно-синей глади упрямо ползли тучи. Временами откуда-то с недостижимой высоты, стальную рябь облаков прорезал стилет солнечных лучей. Острое золотистое лезвие на мгновение замирало и снова исчезало, втянутое рукой невидимого карателя обратно за тучные облачные тела... Звонок телефона как раз совпал с очередным небесным светопроникновением.

– Мам, мы с Женькой уезжаем на выходные за город, к Семьиным на дачу. Я заскочу домой, вещи покидаю после учёбы и уеду. Ага? А в понедельник утром уже сразу в универ.

– Серёжка, тёплое с собой захватите.

– Мам, не переживай. Пап не звонил?.. Ну, всё, мамуль, целую. Пока-пока. Не скучай. Бай.

– Пока, Сергуль. Целую. Пока.

Ну вот, теперь все выходные она будет предоставлена сама себе. Она улыбнулась своим мыслям, шелчком указательного пальца сбила пепел и, оттолкнувшись ногой от подоконника, развернула кресло. Пашка вернётся только через неделю. Какая-то срочно возникшая командировка в область. Позвонить, что ли, кому-то из приятельниц? Особого желания нет. Ну ничего, можно будет сходить на вернисаж и посидеть в уютной кафешке у реки. А потом тёплый плед, бокал мартини и книжка. Потом отсыпаться, отсыпаться! И проваляться в постели все выходные, ничего не делая – абсолютно ничего.

Снова захотелось курить. Лежавшая на столе пачка была пуста. Она встала и, не надевая туфли, на цыпочках прошла к шкафу. Нырнувшая на глубину сумки рука одновременно коснулась глянца сигаретной пачки и острого бумажного уголка конверта. Она вспомнила – утренняя почта. Заглянула в сумку и выудила оттуда и конверт, и новую нетронутую пачку. Присев обратно в кресло, жадно, с удовольствием затянувшись, она распечатала конверт.

«... вот уже два года. Я люблю его. И я хочу родить ему ребёнка. Вы должны отпустить его и не мешать нашей любви. Вам всё равно не удастся вернуть

ваши отношения в прежнее русло. Я молодая и сильная. Павлик любит меня. И это только вопрос времени – его уход от Вас. Лучше оставьте его в покое сами. Он слишком деликатный, чтобы решиться на это самостоятельно. Не препятствуйте нашим отношениям. Вы всё равно вечно заняты своей карьерой, своими выставками и проектами. А Павлуше нужен уход и забота. Он такой ранимый, такой болезненный. И нуждается в горячем питании. Вы не сможете быть ему преданной и заботливой. Вы и не были никогда такой для него. Он больше не любит Вас. Я красивая и молодая. А Вы... Вы уже прожили своё. Отдайте его мне. Лучше по-хорошему отдайте...»

Горло сдавили влажные удавы кольца. Кажется, она всё это время не дышала. Можно ли не умереть, оставаясь бездыханной столько времени? И сколько же времени прошло? На неё разом обрушился офисный гомон из-за дверей, тягучий городской гул из раскрытого окна и истерично заливающийся зуммер телефона.

– Елена Станиславна, там Пал Макарыч звонит. Говорит, Ваш мобильный не отвечает. Возьмёте трубочку? Я соединю?

– Нет-нет, Диана, скажите, что у меня серьёзное совещание. И... я потом сама ему перезвоню. Спасибо.

Не замечая, что всё ещё не обулась, она выпроводила секретаршу за дверь и одним шелчком замка отделила себя от внешнего пространства. Нестерпимо заныло в висках. Она толкнула тяжёлую оконную раму и сдвинула вниз задвижку шпингалета. Уличные звуки угасли. Горячий комок стекал молчаливым воплем по горлу. Она прислонила лоб к холодному стеклу.

Внизу по узкой дорожке от здания к огороженной невысоким заборчиком автостоянке трусила огромная рыжая псина. Выбежав на середину стояночной площадки и поспешно оглядевшись, словно боясь, что кто-то позарится на её место, она улеглась на брюхо, плюхнув морду на сложенные лапы. Широко оскалившись, собака зевнула и уставилась на бело-красную стрелу шлагбаума, нацеленную на стеклянную будку охранника.

«...и в прошлом месяце, когда Павлик ездил на две недели в Прагу на конференцию. И в январе, когда Вы с сыном отдыхали в Финляндии. И прошлым летом в Испании. Везде, я везде была рядом! Только Вы с Вашим высокомерием и самоуверенностью могли не замечать, что он возвращается в номер гораздо позже и задерживается из поездок по окрестностям – могли бы, кстати, поехать с ним в Замок, если бы были хорошей женой! А мы так чудесно провели тогда...»

Она вспомнила прошлогоднюю поездку в Испанию. За два дня до отъезда домой, они с Пашкой запланировали вылазку в средневековый замок на самом побережье, за рыбачьей деревушкой. Но накануне, во время поездки в горы, её сильно продуло в машине. После обеда поднялась высокая температура, и она, напившись таблеток, лежала под ворохом одеял, то скидывая их в лихорадочном жару, то в ознобе зарываясь под них с головой. Пашка сказал, что набралась небольшая группка туристов, тоже пожелавших посетить этот образчик средневекового зодчества. Уговорились выехать вечером. Справится ли она, или ему остаться? Она сказала, что было бы обидно вернуться домой, так и не побывав в замке, и лучше уж пусть хоть он съездит, а потом покажет ей фотографии и расскажет обо всём. И он уехал. Вечером. И вернулся через сутки с забитым фотографиями фотоаппаратом, не переставая возбуждённо

рассказывать, как было здорово и что пришлось ночевать в бывшей дворничкой, впрочем, оборудованной по всем современным требованиям капризного европейского туриста. И как начавшийся внезапно дождь, распугал собравшихся, в результате чего ему пришлось облазить живописные окрестности в одиночестве. Он был весел и шумен, звучно целовал её в обе щеки, как ребёнок, и всё время заставлял мерить температуру, отпаивая горячим белым вином, которое специально купил в соседней лавочке, договорившись с прислугой отеля собственноручно греть его на огромной гостиничной плите.

– Лялька, девочка моя, это самая лучшая микстура. Она тебя поднимет на ноги на раз-два-три. Пей быстрыми глотками и не высовывай из-под одеяла ноги.

Вернувшись тогда из поездки, она ещё неделю провалялась на больничном, теперь уже – при заботливом участии Пашки – регулярно употребляя вместо горячего белого вина горсти антибиотиков, впрочем, тоже белых...

– Диана, – проговорила она, наклонившись лицом к ребристой поверхности коммутатора, – я ухожу. Если будут звонить, передайте, что сегодня меня уже не будет.

– Хорошо, Елена Станиславна. Что-то ещё?

– Нет-нет, Диана. И можете уйти пораньше.

Она сгребла со стола в раскрытую сумку сигареты, зажигалку, чуть задержавшись, – письмо и показавшийся слишком тяжёлым конверт. Как это она не обратила внимания сразу – в конверте лежал ключ. Обычный серебристый ключ. Ключ, который мог бы подойти к сотне тысяч квартирных дверей этого и любого другого города... Нет, нужно сделать паузу! Новый шелчок выуженной обратно из сумки зажигалки. Окно она снова распахнула и легко села боком на широкий подоконник, подобрав к подбородку колени. Глубоко затянулась, скинула привычным жестом упавшую на лицо пепельную прядку, посмотрела вниз за окно. Может, вот так, только чуть сильнее, наклониться к подоконнику... чуть-чуть сильнее... не сопротивляясь высоте... и всё. Затянулась снова, почти не чувствуя вкуса сигареты. Прикурила от прежней новую.

Собака на стоянке продолжала недвижно лежать. Выезжающие и заезжающие машины выбирали путь, который никак территориально не нарушал дислокации огромной псины, будто это именно она и была тут единственной законной хозяйкой, а эти – так, случайные надоедливые попрошайки в поисках места для милостыни.

В поле зрения появилась неизвестно откуда прилетевшая ворона. Она стала деловито расхаживать в опасной близости от собаки. Тело её тучным чёрным метрономом раскачивалось в такт шагам. Немного освоившись, птица проследовала к сторожевой будке. Чуть потопталась у переполненной урны. И вдруг стала что-то доставать из-под неё, спешными движениями клюва помогая себе. Собака чуть приподняла морду, явно насторожившись. Ворона остановилась. Собака ещё сильнее вытянула морду в сторону самозванки, втягивая её запах; оскалилась и, вероятно, несильно рыкнула. Ворона, судорожно растопырив крылья, отскочила назад. Псина, успокоившись, вновь положила морду на лапы. Тогда одним ловким броском чёрная птица выхватила из-под урны свою добычу и тут же стремительно взмыла в воздух. В её клюве был приличный кусок булки. Видимо, ноша была всё же слишком тяжела – не успев достаточно высоко

подняться, летунья тут же выронила съестное. Собака лишь слегка повернула голову в сторону происходящего. Ворона вновь опустилась и, подхватив хлеб, взвила вверх. Но всё вновь повторилось. Хлеб падал, ворона возвращалась за ним. Собака ещё немного сдвигала голову, отслеживая взглядом событие. В очередной раз опустившись на землю и склонив голову набок, птица, изловчившись, подобрала хлеб. Едва взлетев, она снова уронила свою ношу, на этот раз прямо перед лежащей собакой. Рыжая морда тут же приподнялась, резко выставив в направлении происходящего мохнатые уши. Ушлая в подобных делах и совершенно освоившаяся ворона, демонстративно повернулась к собаке спиной. Задрав иссиня-чёрный хвост к небу, деловито спешно вонзилась клювом в булку, и чуть подавшись вперёд, высоко взмыла, размахивая лопастями мрачных крыльев. Ей удалось не только добыть желаемое, но ещё и достойно в полной неприкосновенности покинуть территорию здорового рыжего чудовища. Охота состоялась, и, вероятно, она была очень горда собой. Собака теперь неподвижно лежала на брюхе. Раза два она всё же стукнула большим мохматым хвостом по асфальту, словно выметая напоследок дух пернатой воровки...

Пепел упал на брюки. Она легко соскочила с подоконника, обулась и, перекинув через руку плащ, вышла из кабинета.

Всю обратную дорогу она думала о том, что написала ей эта девушка. Она была просто уверена, что особа либо весьма юна, либо слишком простодушна, судя по явной нелогичности некоторых высказываний и непоследовательному построению фраз в письме. Припоминая события двух последних лет, она сопоставляла их с тем, о чём говорилось в послании. Неужели она была так слепа? Или доверие к Пашке было настолько естественным, что она просто и предположить не могла в его поведении какого-то иного смысла? Как она написала – Павлик? Павлик... Он всегда говорил, что его раздражает это обращение. «Равлик-Павлик. Солныш, это что-то жутко-серое, мокрое и бесформенно-склизкое. Б-р-р-р-р. Ненавижу с детства это имечко. Лялька, никогда, слышишь, никогда не пытайся даже обзывать меня этой мерзкой сопливостью!» Интересно, что он ей на это отвечает?

Дома, поспешно раздевшись, она встала под обжигающе-горячий душ. Стояла так недвижно-долго, пока вода не стала постепенно становиться холоднее и холоднее – видимо, отключили горячую. Прошлёпав босыми ступнями из ванной и оставляя за собой маленькие мокрые кляксы на полу, она остановилась у большого зеркала в спальне. Их спальне. Скинула с себя коротенький банный халат и, мотнув головой назад, рассыпала густые пепельно-русые волосы по плечам. Она внимательно вглядывалась в своё отражение. Сорок три – это ещё не возраст. Из зеркала на неё смотрела хорошо сложенная молодая женщина. Она провела руками снизу-вверх по линии бёдер. Ниже пупка, чуть выступая над кожей, темнели две совершенно одинаковые симметрично расположенные родинки. Пашка всегда поочередно целовал их, начиная с пупка и опускаясь всё ниже. Он называл их «бусинами, рассыпанными на пути к блаженству»... Она свела ладони на плоском животе, и поднялась руками выше. Чуть приподняла небольшие, аккуратные округлости с напрягшимися от прохлады смуглыми горошинами сосков. Потом, выгнув спину, развернулась вполборота, любясь плавной линией поясницы, переходящей в упругость двух полушарий. Склонила голову набок,

пересыпав копну волос на правое плечо. Она всё ещё выглядит как девчонка. Никогда не поправлялась. Даже после того, как родился Серёжка, она оставалась хрупкой и изяшной. «Лялька, ты у меня всегда будешь выглядеть, как соблазнительная школьница в раздевалке спортзала», – говорил со смехом Пашка. Она подошла ближе к зеркалу и стала придирчиво осматривать лицо. Сжав губы, чуть подавшись вперёд, заглянула в зеленовато-карие глаза. Редкая сеточка морщин расходилась лучистыми шупальцами от внешнего уголка глаза к виску. Губы по-прежнему яркие, пухлые и чётко-очерченные... Вздохнув, она, потянувшись за кремом, стоявшим на полочке перед зеркалом. И внезапно остановилась. По краю стеклянной баночки шел широкий серебристый ободок, в котором отражались, чуть искажаясь, и она, и вся комната. Она резко отдернула руку, так, словно эта банка с кремом всё видела, смотрела на неё своими амальгамными глазами. Смотрела и знала всё о ней, о её, ставшей вдруг бессмысленной, жизни, о её муже, которого любит чужая незнакомая женщина. Она схватила баночку с кремом и в сердцах швырнула её в угол комнаты. Держать себя в руках! Ты справишься! Это косметическое предательство уже ничего не изменит и не добавит.

На стеллаже у окна завибрировал нарастающей мелодией сотовый. Она подошла – Пашка. Маленький экранчик переливался голубоватым светом, нетерпеливо ожидая обратить на себя внимание. Вибрация мелодичными рывками сдвигала телефон чуть в сторону. Она не притронулась к нему – тупое безразличие парализовало волю, сделало её бессильной. Экранчик последний раз вздрогнул светящейся судорогой и погас. Телефон замер у самого края стеллажа. Она прикрыла глаза, облегчённо выдохнула и ушла одеваться.

«...и Вы можете убедиться, что он живёт тут со мной, когда уезжает в командировки. Впрочем, сейчас мы действительно уехали. В Рим. Так что Вы можете не заботиться о том, что случайно встретитесь со мной в квартире. Приходите и проверьте. Думаю, даже при Вашей хронической невнимательности, Вы узнаете вещи Павлика. Надеюсь, этого Вам будет достаточно, чтобы, наконец, поставить точку в вашей неудавшейся жизни».

Машину она решила не брать. Долго плутала по узким переулкам центра, пока не вышла к реке. Вечернее небо всё-таки не справилось с дневным бременем туч. Пошел мелкий дождь. Хлопок прихваченного зонта распахнул купол, укрыв её густой пурпурной тенью. Она стояла на мосту и, вглядываясь в зыбкие воды, долго курила. Унылые, робкие струйки стекали с кончиков спиц на кованую решетку перил. Зажатые в руке странички, набухая влагой, шершаво липли к пальцам. Наконец, бросив в сторону очередной окурков и прижав головой к плечу зонт, она со вздохом решительно изорвала чёртово письмо. Танцующие клочки бумаги облетали, медленно ложась на рябь воды. Река, покрытая волдырями дождевой сыпи, тшетно пыталась несильными волнами сбросить с себя эту напасть. Достав из сумки конверт с ключом, мгновение поколебавшись, она швырнула его вслед за тонущим посланием. Коснувшись воды, конверт застыл, а потом, встав на угол, сместился к точке тяжести. Широко раскрыв свой бумажный рот, в немом вопле он захлебнулся стремительной воронкой речной воды, унося за собой ключ от её вчерашней жизни.

На горизонте в кровавом закатном золоте таяла солнечная медуза.

**...внутри бьются
гении –
добрый и злой...**

Инесса ИВАНЦОВА

Голлум

У тебя есть море. У меня – снег есть.
Минус двадцать. Крешенские. Город съёжился.
Я весну жду, как Смайгол ждёт прелесть,
И на поле пуховом рисую рожицы.

У тебя есть камни, у меня – книги.
Я чужие жизни живу, знаешь ли.
Я сегодня – сёгУн, послезавтра – викинг,
Хотя книгам сейчас предпочла б камешки.

У тебя есть волны, у меня – ворон,
То ли «тоге», то ли «never» в ночи каркает,
Этот город не пуст, но, увы, не полон
Без тебя. Но зато сколько плюсов в карму мне.

У тебя есть берег, у меня вряд ли –
Я же ветрена и берегов не вижу, но
Ты мой вкус вспоминаешь медово-пряный
Даже будучи к прочим намного ближе.

У тебя есть воздух, у меня – воля,
Отрываюсь в стихах, даже легче капельку.
Одержима строкой, как кольцом – Голлум.

Впрочем, к чёрту стихи! Я надену валенки,
И к тебе в лёгкой шубе на тело голое,
На край света, туда, где есть камни с волнами...

Я всегда была чуточку

С гениалинкой.

Инесса ИВАНЦОВА. Родилась в Ташкенте. Окончила Московский авиационный институт. Работает главным инженером проектов в градостроительной отрасли. Живет в Москве. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Грааль

А дальше так –
ладонь свою веди
Вдоль спящих островов моей груди,
По берегу, прозрачному как будто,
Иди легко... Буди меня, буди!
Вноси в мою дремоту дрожь и смуту.

Снимай мой сон
уверенной рукой.
Как бриз, разгоряченный и хмельной,
Дыханием своим тревожит воду –
Тревожь меня, волнуй и беспокой
Неторопливо... Впрочем, как угодно.

Но в точке,
где решили вдруг сплестись
Какой-то нерв и солнце – задержись,
Остановись на шелковой равнине,
Чтоб я прижала крепче твою кисть,
И прошептала в полудреме имя

Червонное твоё.

А дальше – вдаль...

Вдыхай чуть слышный ирис и миндаль,
Впитавшиеся в ляпочку с изнанки,
И чувствуй, как наполнился грааль
И грешной,

и святой

магдалианки.

М.

Весне ещё – неделя с гаком,
И снег на талый не похож,
Но, как писал М. А. Булгаков, –
Так поражает финский нож.

Так пробивают первоцветы
Замёрзший пласт былой зимы,
Так гений своего поэта
Находит в ворохе земных

Людских страстей и словоблудия.
Так и, нечаянные, мы –
Среди чужих стихов и судеб
Столкнулись посреди Москвы.

Желтела пышная мимоза –
Тревожный, нехороший цвет.
Но поздно. Было слишком поздно –
Любовь пришла.

P. S.

На красный свет
Огромный кот спешил к трамваю –
Кавалерийские усы.
Пруд – сердцевина ледяная,
Мимоза – катышки весны.

Невошедшее

Когда перевалит за первую треть
Весна, зашуряют метёлками дворники,
И будет на них ошалело глядеть
Фиалка, живущая на подоконнике...

Когда разольется по телу тоска,
И чай разольется неловким движением.
Когда к чёрту чай – шоколад и вискарь!
Когда настороженно и с подозрением

На странный в груди то ли шум, то ли стук...
Когда будет верба с мохнатыми почками,
Когда по-монашески согнутый дуб
Вздохнёт и расправит свои позвоночники,

И, заспанный, освободится от схим.
Когда заблядуют коты-беспризорники...
Напишутся лучшие в жизни стихи,

Стихи, никогда не войдушие в сборники.

Увы, ни завтра

Увы, ни завтра, ни днём позже, но
Случится это невозможное.

В какую-нибудь ночь неброскую
Я стану монотонить Бродского,
Взяв томик и забравшись в креселко:
«Когда теряет равновесие
Твоё сознание усталое,
Когда ступени...» и так далее,
И дочитавши до Иисуса, я
Впервые в жизни не запнусь и для
Тоски моей не встречу повода...

Или, быть может, будет холодно –
В один из вечеров декабрьских,
Когда Москва темна и абрисна,
Я в баре с видом на Остоженку
Легко взгляну на то, что прожито.
И закажу бокал глинтвейна и
Молчания благоговейного.
Хотя... Всё будет раньше – в августе,
На солнце в двадцать с чем-то градусов.
Всю соль, все голубые сны мои
Жара иссушит, море вымоет.

Или, скорее, грянет в майские –
Небесные столкнутся айсберги,
Раскрошатся над вешним городом,
Я брошу Шипку, и из комнаты
На воздух выйду в утро раннее...

А может, всё случится ранее,
Не далее, как в это Вербное

Я разлюблю тебя.

Наверное.

Тайное

Всё явное оставить тайным, здесь,
В кольце Садовом, в белом переулке.
Москва – стеклянный шарик, небо – взвесь,
И мы – фигурки в маленькой шкатулке –

Стоим под бледным светом фонаря,
Очерченные золотистым кругом,
В столичном эпицентре декабря,
И смотрим слишком долго друг на друга.

И вроде надо отвести глаза,
Зажмуриться как будто бы от ветра,
И, оступившись, сделать шаг назад
На десять незаметных сантиметров.

Воспользоваться кроткой тишиной
И голосом уверенным и ровным
Сказать, что поздно, что пора домой,
И раствориться в сумраке лиловом.

Садовая-Каретная река...
Поймать такси и скрыться в сизой дымке.
Но как же горяча твоя рука,
Что смахивает трепетно снежинки,

Садящиеся мне на воротник.
Укутать нос в объемный шарф, но вместо
Тянусь к тебе щекой... Как он возник,
Негромкий вальс, что слышен повсеместно?

И отчего мне этот холод люб?
И подмигнул фонарь... Он, верно, в курсе,
Что ты целуешь в уголочек губ,

Как будто бы случайно

промахнулся.

Неполучающееся о...

Сейчас бы писала о странных невыдуманных вещах.
О том, как внутри бьются гении – добрый и злой, да пока ничья.
О том, как нелепо, когда королева снисходит до палача –
Палач сносит голову, а король приживляет ее к плечам.

Рассказывала бы о том, как немеет строфа, остыв,
Как в оттепель хочется снега, в жару – проливных, в феврале – весны.
О том, что не делится истина на полумесяцы и кресты.
О том, как молчание тягостно, если слова тесны.

О каждом. Земные и тленные – все ради неба, все неба для.
О страшном. Когда несгибаема воля, крепка петля –
Ни знать, ни предвидеть и... пух белой памятью зреет на тополях.
Так пусть будет пухом, а мне же твердыней пока земля.

О вечном и временном, элементарном да непростом –
Как зрелость ложится в ладони отжившим сухим листом,
Как пахнет младенец невинностью, счастьем всецелым и молоком,
Как дышится после прошедшей грозы и любви легко.

О той, что ничья, что сама по себе и то тень, то свет,
Что заповедь Божью посмеет нарушить, но не этикет.
О том, как задумчив Памир, величав Кавказ, молчалив Тибет,

Сейчас бы писала,

Да все получается

о ТЕБЕ...

Я наконец живой воды напился...

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Капелла

Возносятся аккорды к небесам,
Сливаясь в гармоничное блаженство.
Внимая чистым звучным голосам,
Я словно прикасаюсь к совершенству.

И кажется – единая душа
Владеет вдохновением капеллы:
Земное притяжение круша,
Она на крыльях музыки взлетела.

Такое не рождается в тишине,
Но в творческих исканиях и муках.
И слышится, растроганному, мне
Торжественная сила в этих звуках.

Они то затихают вдалеке,
То нарастают вдруг девятым валом,
Расходятся кругами по реке
И ширятся разливом небывалым.

Я долгожданный отыскал родник
И наконец живой воды напился.
К нему усталым, жаждущим приник,
А в нем помолодевшим отразился.

Находит песня в сердце уголок,
Открытый для мелодии и слова,
И с нею ты не будешь одинок:
Она всегда согреть тебя готова.

Владимир КУДРЯВЦЕВ. Родился в 1936 г. в Арыси (Казахстан). Окончил техникум связи. Стихи пишет с 20 лет. Публиковался в периодической печати Узбекистана, в журнале «Звезда Востока».

Признание

Владимиру Высоцкому

Как коротка земная жизнь Поэта!
Сгорает сердце болью за людей:
Чужой бедой, как пулю, задето,
На полпути, на полустанке где-то
Остановившись, светит все сильнее.

Ты истинно народным был Поэтом:
Любимый всеми, всюду ко двору,
Лишь бархатно-дубовым кабинетам
Да вычурно-заливистым «эстетам»
Твой хриплый голос был не по нутру.

Ты видел сквозь года и расстоянья
И жил за тех, о ком слагал стихи;
Не жаждал ты чиновного признанья,
Не шел к жрецам культуры с покаяньем –
Сполна платил за мнимые грехи!

Ты был Героем в жизни и в Искусстве,
И Рыцарем в высоком смысле был,
Бросался в драку по призыву чувства
И никогда лежачего не бил.

В усталом корабле ты слышал душу,
А в шелесте поникших парусов –
Протест против списания на сушу.
Мог Старость несдающуюся слушать
И протянуть ей руку был готов.

Мы видели, как шел ты по канату,
Как самолет строптивый укрощал,
По скалам лез на выручку собрата,
Как подставлял свое плечо солдату –
Ты вместе с ними подвиг совершал!

Ты, словно Данко, вел нас за собою
Под знаменем неистовых стихов,
Ты знал, что не вернешься с поля боя,
Но поменяться не хотел Судьбою,
Сжигая нечисть страстной силой слов.

Не все тебя при жизни понимали:
Великое вблизи не рассмотреть.
И только с опозданием осознали –
Какой талант бездумно потеряли,
Какой светильник мог еще гореть!

Ты мог любить и яро ненавидеть,
 Пройти по краю, нервы сжав в кулак,
 Под золотом ничтожество увидеть,
 Не дать глупцу убогого обидеть,
 Рвануть гранату, если рядом враг.

В твои творенья фальшь не просочилась:
 В них Правда, чуть прикрытая рваньем,
 С роскошной Ложью истово рубилась,
 Не уступая принципы за милость,
 И до смерти стояла на своем!

Тебя поют и с трепетом читают
 И учатся по-рыцарски дружить;
 Твои стихи нам душу очишают,
 Ростком Надежды в сердце прорастают...
 Ты в нас, Владимир, вечно будешь жить!

Праздник танца

Кружится в вальсе башмачок хрустальный,
 И замирает восхищенный зал:
 Изысканный, прекрасный танец бальный
 Рисунком тонким всех очаровал.

Здесь сказочная грация кружится,
 От юной феи взгляд не оторвать;
 Какая притягательность таится
 У чудной мастерицы танцевать!

Сам Принц с нее влюбленных глаз не сводит
 И носит на восторженных руках;
 Про них недаром сложено в народе
 Сказание, живущее в веках.

Годам и потрясениям неподвластна,
 И в устремленьях ангельски чиста,
 В деяниях божественно прекрасна
 Спасаящая землю Красота.

Не вертится, а кружится планета,
 И сердце бьется ритмам танца в лад,
 И Штраусом немеркнушим воспетый,
 Чарует вальс, как много лет назад.

Светило загляделось на артистов,
 Забыв про вечный свой круговорот,
 И жар, что был доселе так неистов,
 Унялся и вернулся в небосвод.

Зарделись щеки девочек румянцем,
 Мальчишки – элегантно и стройны...
 Пусть будет вечным в мире праздник танца,
 Не знающий нашествия войны!

Соловей

Александрю Алябьеву

Укутанная снегом деревушка,
Одно окошко светится в ночи,
Свеча мерцает в маленькой избушке,
И музыка чуть слышная звучит.

Рождаются чарующие звуки,
Как ласточки, летят на нотный стан.
С родными в незаслуженной разлуке
И здесь творит мелодии Титан.

Сражался он на Бородинском поле
И дружбу с декабристами ценил,
А ссылка не сломила его воли,
Он музыкой пленительною жил.

Он даже на Кавказе беспокойном
Мелодии народа собирал
И, нашей благодарности достойный,
Своим талантом их обогащал.

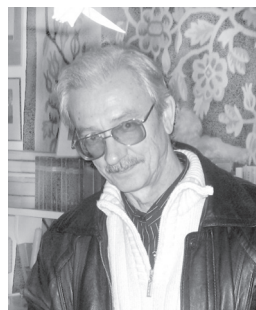
Блестящий Мастер лирики вокальной,
Романсов задушевных чародей.
Среди шедевров страстных и печальных
Нас до сих пор пленяет «Соловей».

Лирическое искреннее чудо –
Его нетленный памятник в веках;
Он среди нас негаснувший, покуда
Романсы у народа на устах.

Он до сих пор звучит в своих твореньях,
Повсюду узнаваем и любим;
Согревший нас горением своим,
Он не подвластен тлену и забвенью.

ПЕЧАЛЬ НАД ПРОСТРАНСТВОМ ДЖАНГОХА

Памяти писателя Сухроба Мухамедова
(1939–2019)

Очерк

Алексей УСТИМЕНКО

Однажды, не успев уклониться, он получил несколько боксерских ударов по корпусу и лицу тяжелой рукой самого Сиднея Джексона [(1886, Нью-Йорк – 1968, Ташкент). Американский и советский боксёр. Заслуженный тренер бывшего СССР (1957)]. Знаменитый боксер беспощадно и твердо учил юного Сухроба Мухамедова противостоять не только профессиональной боксерской перчатке, но еще более профессиональным ударам, наносимым всякому человеку многими непредвиденными днями его собственной жизни.

И воспитанное тренером мужество, как ничто другое, пригодились писателю едва ли не больше всего.

Особенно в последние его годы и дни.

А ведь никто не видел, а увидев, – не замечал, когда он вдруг на очередной какой-нибудь встрече с читателями вставал, исчезал на пару минут и вновь, спокойно улыбаясь, появлялся в зале, за столом ведущих, в кругу о чем-то разговаривающих.

Нужно было вовремя сделать инъекцию инсулина, и он успевал, не прекращая работать.

Впрочем, на встречи с читателями никогда не стремился. Знал профессиональное: писателя надо читать, а не слушать и смотреть.

Хотя и на таких, и на других – самого разного уровня – встречах он всегда был способен произвести внешнее впечатление: вид оказывался неизменно элегантным. Любой костюм, ловко сидящий на нем, казалось, сам себе радовался и завидовал, что его хозяин так спокойно прям и по-мужски красив.

Да и кто хоть один раз видел писателя Мухамедова со взъерошенными от ветра благородно-седыми волосами? Уверен: никто.

Его изысканное «вы» удивляло и настораживало. Одних оно словно принижало, останавливало, не давало перейти точку самоуверенности и закончиться панибратством. Других приподнимало, окрыляло доверием, добавляя уважения к себе.

Он не выходил так на сцену, он так жил.

Популярные игры для популярности придумывались не для него. Были не из главных его забот...

Что же тогда? Литература?

Алексей УСТИМЕНКО. Родился в Новосибирске (РФ) в 1948 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал корреспондентом, главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Автор многочисленных прозаических сборников, документальной биографии «Владимир – митрополит Среднеазиатский», романа «Странствующие в золотом мираже». Член СП Узбекистана.

На самый первый взгляд – именно она. На второй – вряд ли... Даже когда исключали Сухроба из средней школы, могло показаться, что именно из-за увлечения литературой все это произошло. Увлёкся фантастикой Александра Беляева, романом «Человек-амфибия». Проник в закрытый школьный кабинет, где хранились противогазы, вырезал из их слоновоподобных резиновых морд круглые стекла глазниц (нужны оказались для подводных масок, для подводного погружения в коричнево-зеленые воды Анхора, чтобы с друзьями сделаться Ихтиандрами) и... был на этом, конечно же, пойман.

Если приглядеться к темам книг Сухроба Мухамедова, перечитать, пересмотреть, перелистать их, – все они об одном: о цветении торопливой, только в промельк замечаемой нами, жизни. Веселой, солнечной, переполненной праздником ежедневности. С прозрачно-чистыми водами Анхора для него. С непрозрачно-коричнево-зелеными для обывателя, имеющего унылое лицо, как у резинового противогаза.

В лучшей из книг он упоминает небольшую территорию в Старом Ташкенте, именем Джангох: «...то место, где, по утверждению отца и его друзей, жители столицы отмечали многие народные торжества и праздники». Где собирались никогда никем непереговоренные, неперешученные аскиячи. Где взлетающие над скучностью дня канатоходцы, бегающие по тонкой струне каната, натянутого над головами, крышами и кронами деревьев, плавно покачивали уравнивающими шестами. Где обсмеивали всех и вся пыльные бродяги масхарабозы.

По сути, все книги Сухроба Мухамедова, вся литература, им порожденная, были не собственно «литературой», но территорией этого самого Джангоха. Миром писателя, воспринимаемым им ничуть не по-другому.

Естественно, что и лучшая его книга «И в снах – мелодии Джангоха» могла называться только так, не иначе.

Конечно, у него есть много других, с названиями интересными, заставляющими и читать, и прочитывать «Лунный свет в живой воде», «Знакомую тропу к невысокому холму», «Серых призраков», «Погоню», «Блеск ложной звезды»... Раскрывая их страницы, можно по-настоящему испереживаться из-за поднятых писателем тем, не всегда – если поверхностно – подпадающих под темы книжно увлекательные. Скажите на милость, увлечет ли вас тема борьбы с шевелящейся смертью – саранчой, поедающей километры зеленой Азии?

Или даже рассказы о боксе и о боксере – опять ведь уроки Джексона! – не с точки зрения технологии ударов, изворачивания и ускользания от них, но со стороны победы над ними какой-то абстрактной силой духа, вроде бы сосредоточенной внутри человека?

Или повествование о вечном – он, она и все остальные – с собственной у всех моралью: есть ли такая? Единая, единоправильная?..

«Сны» в некоторой мере квинтэссенция увиденной жизни. Конечно, сначала пережитой. Ведь на то и доверены писателю, в отличие от нас, грешных, живущих в жизни, не видя ее, совсем иные глаза – пронизательные, всепроникающие.

Метафорика его взгляда помогала писать подробную книгу о прошлом.

Но реальность торопливо набегающих друг на друга букв уже понемногу, не торопясь, физически уничтожала перетруженное изболевшееся зрение.

Боль можно перетерпеть. Страх ожидания новой боли намного невыносимей. А если ты носишь его в себе десятилетия?.. Сухроб Мухамедов носил его в себе изо дня в день, придавливая силой воли, обращенной в привычку, и механически творимыми инъекциями: опоздание с ними приближало почти к смерти. А неостановимо тянущаяся болезнь – к медленной слепоте.

Конечно поэтому – что логично! – первую часть дилогии, своих «Снов», писатель должен был бы посвятить миру внешнему, предметному. Как говорят художники, – фигуративному. То есть неизменному небесному свету, вдруг начавшему изменять, уходить из быта, размывая контуры всего... Неостановимо пригасающему.

Посвятить хотя бы для собственной внутренней памяти.

Но он отдал ее музыке...

«...Юсуп приложил най к губам и заиграл народную мелодию “Чули ирок” – “Дальняя степь”»...

Грустный и немного тревожный мотив, словно дым в безветренную погоду, исподволь заполнил мастерскую дутарчи, разбередив души сидящих, выплеснулся наружу, в узкий переулок, заставляя прохожих убавить шаг, прислушаться, а некоторых присесть в тени дувала и вдосталь насладиться мелодией, порожденной искусством неизвестного им музыканта.

Хислат-ишан, покачивая в такт мелодии головой, потянул кончик чалмы и промокнул им бусинки пота на выпуклом, изборожденном глубокими морщинами лбу. Имам-джан-ака, будто загипнотизированный, неподвижно устремил взор в пространство. Давлят-ахун с Юсупом-али изредка красноречиво переглядывались. Их взгляды свидетельствовали, что они приятно удивлены и игра юноши не похожа на игру самоучки.

А мелодия становилась все тише, кому-то напоминая угасающий костер, а кому-то удаляющийся в безбрежные пески караван...¹

Эта пара абзацев о его отце, не ставшем музыкантом, но с незаметной плавностью введшем Сухроба в мир народной музыки, в орбиту национального музыкального звучания, в живой круг степенных композиторов, импровизирующих музыкантов, высокоголосых звонких певцов и примеряющих на себя чужие жизни актеров...

Все они – словно запев к первой части дилогии «И в снах – мелодии Джангоха», все как духовные семена – для прорастания во второй: «Его Величество – “Пятак”».

Джангох – праздник жизни. А праздник без музыки что арык без звонкого хрусталя перевивающихся струй стеклянной воды.

Какой восторг от одних имен, вошедших в эту первую часть и воскрешаемых, и воскрешенных писателем Мухамедовым: «...Аброр Хидояттов, Мухиддин Кари-Якубов, Тамара Ханум, Халима Насырова, Шукур Бурханов. В этот же ряд надо поставить Карима Закирова и его сына.

...Батыр Закиров достиг такого признания, такого триумфа, добиться которого в искусстве удается немногим.

...Может, успех таился в глазах певца? Они преображались, вспыхивали каким-то таинственным огнем, когда он выходил на сцену, замирал у микрофона и устремлял свой взор в гудящий растревоженным ульем зрительный зал... И он усмирял, заставлял этот зал затихнуть, едва начинал звучать его неповторимый голос.

...Быть может, таким, как Батыр Закиров, Бог доверяет невидимые ключи, которыми они в светлый миг вдохновения открывают и распаивают настезь людские сердца...»

Сухроб Мухамедов близко знал этих хороших людей. Но писал он о них не поэтому. Для него они были синонимичны любимому городу и стране. И он сам тоже не выпадал из общего ряда той старой ташкентской духовной красоты, которая существовала незамечаяемо до самой поры ее ухода.

¹ «И в снах – мелодии Джангоха». Изд. «Ижод дунёси», Ташкент, 2002.

Мне кажется, я видел его в первый раз уже давным-давно... На выставке картин Винетты Салаховой, дочери Тамары Ханум, в том здании, где сейчас книжный магазин «Kitob olami». Видел, с каким восторгом вместе со всеми он радовался вдруг спонтанно возникшей, непередаваемо завершённой, живой скульптурной группе: к невысокому стулу, на котором подчеркнуто прямо, в гладко-черном брючном костюме, горделиво сидела сама Тамара Ханум, стремительно подошел тонкий и стройный Батыр Закиров и, по-рыцарски пав перед ней на колени на общественный истоптанный зрителями пол, поцеловал ей руку.

Кто из зрителей смотрел тогда на картины? Все смотрели на этих двоих, на Ташкент и страну в их лице.

И такими их видел Сухроб Мухамедов, и такими, неповторимо светлыми, их живописал.

«Совсем не просто писать о Батыре Закирове, чья жизнь, к большому сожалению, оборвалась в тот момент, когда он, многое переосмыслив и взвесив, стоял у того порога, за которым, видимо, начал бы творить другой Закиров – художник, писатель или режиссер.

Сколь многого мы о нем не знали. Даже друзья...

Он не выставлял своих картин, не прилагал никаких усилий, чтобы опубликовать то, что писал...

И сколько еще таких “не”? Не знаю. Знаю лишь, что он был талантливым во всем, за что брался...

И у Батыра Закирова ведь тоже был его собственный Джангох: пространство счастливо поющего человека...

Осенью 2001 года С. Ю. Мухамедова назначили главным редактором журнала «Звезда Востока». Журнала, только что пережившего некоторые литературные бури, с еще добегающими до редакции волнами взаимоисключающих мнений о предыдущих публикациях в нем. Журнала с неустановившимся литературным равновесием между «неправильным» андеграундом и привычной провинциальной правильностью.

Назначение принял уже усталым человеком. Болезнь брала свое. Впрочем, нет, не «свое» и не «чужое», но собственные дни и месяцы именно его писательской жизни.

Тем не менее с задыханием, но Сухробу Мухамедову все же удалось буквально накануне назначения дописать вторую часть дилогии – «Его Величество – “Пятак”».

«После публикации в журнале “Звезда Востока” моих воспоминаний “И в снах – мелодии Джангоха”, где было рассказано о некоторых эпизодах из жизни талантливого певца Батыра Закирова, произошло нечто удивительное.

Кто-то из друзей, приятелей и даже незнакомые люди при встрече выражали удовлетворение тем, что в своих воспоминаниях я посвятил несколько страниц Ташкенту сороковых и пятидесятых годов. Именно они, оказывается, всколыхнули их память и души. Они как бы мысленно пробежали босиком по своему детству, окунулись в то удивительное время.

Но были и такие, кто с сожалением говорил, что я лишь мимоходом упомянул о главной достопримечательности Ташкента – “Пятаке”. Круглом, не совсем симпатичном деревянном кафе, стоявшем в центре столицы – бывшем сквере Революции.

Признаюсь честно, я с ними соглашался. Порой разводил руками, ощущая в сердце теплую, шемящую грусть: этот милый, неухоженный “Пятак”!»

Такое описание событий, предшествующих появлению второй книги дилогии, – вежливое, но почему-то неточное. Уверенно знаю: вторую часть воспоминаний – «Его Величество – “Пятак”» Сухробу Мухамедову подсказал написать один из самых близких друзей – Александр Файнберг.

Помню давным-давно ожидаемый праздничный день, когда после немалых организационных трудов на полках книжных магазинов темными блестящими рядами все-таки выстроился тираж книги воспоминаний¹ о поэте.

Мы сидели на знаменитом фajnберговском балконе, пили ледяное золотисто-зеленое сухое вино в честь этого, то есть – в честь как бы первой посмертно материализовавшейся памяти об Александре Фajnберге, а Сухроб был расстроен... Он перелистывал страницы, впитывал ностальгические слова соавторов, но того, что только сам мог знать о своем друге, естественно, не находил.

– Надо еще дописать, чувствую: очень надо... Только он, Саша, и мешает. Стоит над моим плечом, дышит насмешливо над приличествующей памяти и вроде как говорит: «Не бери в голову. Смотри, твой “Ок мусалас” не выдерживает температуры ожиданий. Пей, пока бокал запотевший, пока вино еще ледяное, не трать время на пустой шум».

Фajnберг ведь тоже редко когда покидал территорию собственного Джангоха.

Нельзя сказать, что «Его Величество...» не включило в себя литературного портрета поэта Фajnберга. Он есть, жив и интересен. Но он создавался в момент реальной жизни друга, а потому – по определению – не мог быть завершенным, объясняющим судьбу и творчество поэта. Он рассыпался на яркие кусочки холодной мозаики, картина которой еще не сложилась. Он существовал, пусть и неповторимо ярко, однако среди многих других. Ушедших и не ушедших. Терялся в толпе себе подобных, пишуших. Хотя грешно, конечно, сводить в «толпу», теперь уже (в отличие от первой, «музыкальной», «батыр-закировской» части дилогии) сплошь литературных людей. Вызволненных из бытия, затуманенного ежедневной человеческой торопливостью, под свет благодарности. Благодарности за одно то, что они были, писали, оставили для нас книги. А в них – себя...

Пока литературоведы существовали где-то в сторонке, вторая часть мемуарной книги Сухроба Мухамедова без толкотни заняла пустовавшую историческую нишу с жизнеописанием и самой ташкентской литературы 50–60-х годов, и тех, кто в ней находился. Неважно, в согласии или несогласии с собственной известностью.

Не «толпою», а ташкентской академией слова становились они под перестук пишущей машинки Сухроба Мухамедова...

Государственно принятый Сергей Бородин и никак не улавливаемый государством Явдат Ильясов; родившийся в концлагере трагический поэт Игорь Чернов и больше всех соответствующий писательской наружности седобородый Михаил Гребенюк, поработавший в похожем месте, но с иной стороны – в охране; чересчур часто острящий сатирик Лев Белов и его друг – хромящийся Михаил Ушаков;² невзрачно-худой, небритый, спивающийся поэт Борис Царин, автор слов известнейшего и нежнейшего «Солдатского вальса», и другой поэт – Роберт Мнашаканов, осмелившийся совсем не канонически пройтись стихами по образу Сталина, за что и отсидел срок... Все, как положено...

Редактором Сухроб Юсупович Мухамедов оказался профессиональным: правой не занимался, в чужие тексты не лез. Исполнял золотое правило профессионалов: править нужно только тогда, когда нельзя не править. Считал негигиеничным надевать литературное платье одного автора на фигуру другого. Работал по московским критериям: рукопись годна для печати – значит, публиковать. Сырвата – автору на доработку. То есть – никак не себе...

¹ «Лист с неровными краями, сохрани мои стихи... Книга воспоминаний». ИПТД имени Гафура Гуляма. Ташкент. 2016 г.
² «...не было секретом, что Михаил Ушаков – инвалид: из-за перебитого позвоночника поэт вынужден был постоянно носить корсет. Во время войны с Японией Ушаков служил в авиационном полку бортовым стрелком. А летал он на разведывательном самолете «Пе-2». Однажды их «стрекоза», попав под плотный зенитный огонь, была сбита. Он, к счастью, остался жив, но попал в госпиталь с сильно поврежденным позвоночником. После месячного лечения Ушакова демобилизовали.

...Он писал хорошие стихи, иногда даже и тексты песен. Одна из них – «Ай да Галя и Султан» – получила широкую известность не только в Узбекистане, но и за рубежом». Если меня не подводит память, первой исполнительницей этой песни была уже тогда знаменитая Тамара Ханум. Это было в начале пятидесятых годов, и исполняла она песню всегда в национальном украинском костюме». (Сухроб Мухамедов. «И в снах мелодия “Джангоха”; Его величество “Пятак”»).

К тому же, собственный писательский опыт подсказывал: корявый слог автора может с большим правом принадлежать литературе, чем филологически вычищенный, по-парикмахерски подстриженный и причесанный. Последний скорее всего окажется годным для учебника по языку, но никак не для оригинальной журнальной публикации.

Он не искал литературных драк, предпланируя ровное существование «Звезды Востока», где одно лишь талантливое должно было бы находить себе место. Но именно это его отношение к литературе, становясь концепцией, почти заведомо исключало формальные и стилистические поиски. Он оказался среди тех, кто был за бестревожно «привычную» литературу...

А современность, находящаяся в движении, всегда и непривычна, и тревожна.

Не получилось у него, например, тандемно поработать с замечательным поэтом Вадимом Муратхановым. Новая образность, даже в нежном, свойственном Вадиму, выражении, оказывалась для Сухроба дисгармоничной. Переживал, что не сложилось сосуществование. Но у Вадима уже определилась собственная территория Джангоха, где игралась иная музыка.

Заведовать поэзией тогда взялся Александр Файнберг, неторопливо сменивший Вадима Муратханова.

Однако поэты не заменяют один другого. Они ведь все, как один, похожи своей непохожестью. Субъективность Муратханова при отборе стихов для журнала, сменилась субъективностью Файнберга. Но если первый был строг и пристрастен при отборе, то второй убивал журнал своей литературной добротой, не отклоняя почти ничего из предложенного.

Сухроб Мухамедов считал справедливыми оба подхода, но каждый из них разрушал его редакторскую концепцию...

Инъекции измучивали не меньше журнальных забот. «Фонетические комплексы, называемые словом»¹, дополнительно отнимали жизнь.

Пригнетала и экономическая ситуация в журнале. На его издание денег уже не было: новая независимая страна трудно выстраивала собственную экономику, на все сразу возможностей не хватало. Зарплата почти исчезла, а если и появлялась, ее или не получали, или, получив, добавляли к ней собственные личные сбережения, чтобы появилась возможность сдать, наконец, журнал в типографию, в печать. Иначе было не вытянуть, не спасти старейшее пространство любимейшего всеми литературного Джангоха.

Файнберг метался по городу, находил одиночных частных инвесторов. Они вносили на счет «Звезды Востока» какую-нибудь благотворительную сумму, и денег хватало еще на один номер журнала.

Но уже не на следующий.

Здоровья не добавлялось. Глаза и сердце еще не отказывались служить, но напоминать о себе не переставали. Прежний туман, марлей опускавшийся на предметы, густел, превращаясь в плотные, все застилающие клочки ваты. Машины за окнами редакции становились разноцветными пятнами, шевелящимися в непонимаемом броуновском движении. Листья на деревьях навсегда исчезли, превратившись в зеленую акварель, растворившуюся в стакане небесной воды. Буквы на листах бумаги принялись бунтовать, с дружным упорством валясь в общую кучу, все поверх всех... Отныне почти не поддаваясь расшифровке.

Несколько операций на глазах мало чем помогли. Они лишь временно прокрутили стрелки часов на пару-другую лет назад и снова, с еще большим усердием, затакали по наверстывающей дороге в сторону окончательной тьмы.

Но литературный портрет Александра Файнберга был еще им не довершен, не досоздан. Но все интереснейшие литераторские разговоры оставались пока лишь в памяти.

¹ Мандельштам Н. «Воспоминания».

Пусть и подступал конец прежним физическим возможностям его писательской жизни, о чем он теперь точно знал, но нельзя было позволить им, драгоценным словам и портретам, вот так взять и исчезнуть.

Весь событийный ряд подсказывал необходимость еще одной книги. Диалогия должна была перерасти в закономерную мемуарную трилогию, в ее третью часть: «Журнал за служебным входом: писатель редактирует писателей».

Однако время шло, и ничего не происходило. Звонить Мухамедову и напоминать вряд ли стоило... То, что писатель Сухроб Мухамедов отмалчивался, могло быть объяснено только двумя взаимоисключающими причинами.

Либо он – осторожно к самому себе – все-таки работал... Ну, хотя бы складывая по абзацу, по два в день, воскрешая дневниковые редакторские заметки, которые должны же были быть у него. Ведь и первотолчком к его «Снам» стали вдруг перелистанные взрослым человеком юношеские записи, сделанные в нескольких тетрадах под мягким коричневым коленкором.

Либо он уже поставил последнюю точку в своих писательских делах и... тогда пустота.

Очень хотелось напомнить, узнать... Но ни для первого, ни для второго случая такое сочувственное соучастие как будто бы не годилось. Тем не менее однажды я все-таки позвонил. И нетактично напомнил о третьей – ненаписанной – части, которую уже следует, наконец, начать писать. Я пересказывал ему его же собственные эпизоды из жизни, характеристики и портреты людей, его точные реплики о писателях и книгах. Брошенные им вскользь, они или поражали на месте, или давали разбег тем, кто только-только начинал брать полетный литературный разбег.

Он слушал, подсмеиваясь над своим участием во всем этом, над героями не записанных пока воспоминаний, надо мной, упорно подгоняющим его к письменному столу.

– Вы помните, Леша, – наконец сказал он, – был такой простенький фильм про милиционера и его друга – собаку?... «Он постарается», – говорил тот милиционер, когда им обоим предстояло трудное дело... «Он постарается», – тоже говорил он, когда его собаке предстояло выжить после ранения...

– Так что там с третьей частью книги? – спросил я, уходя от ненужного рассказа про кино.

Сухроб замолчал, и мне показалось, что связь прервалась. Захотелось перезвонить. Но из тишины опять услышал голос Сухроба.

– Он постарается... – совсем негрустно, даже почти весело произнес Сухроб Мухамедов обнадеживающие слова. Не о ком-то другом, но весьма иронично о себе в третьем лице.

Для меня – последние, от него услышанные, слова.

Потом говорились какие-то еще. Другие. Обычные. Не запомнившиеся.

12 мая 2019 года писатель Сухроб Мухамедов скончался.

Праздник закончился. Музыканты складывали перегретые инструменты в черные футляры, обитые красным бархатом. Сердце остановилось. Ночь печально ложилась спать на опустевшее пространство его Джангоха.

Всю жизнь слышываю только печальную тишину подобных ночей. А он слышивал еще и что-то другое:

«Ночь опустилась на город. В небе зажглись яркие звезды. А я, лежа на низкой сури, прислушивался к неумолчной песне цикад. Неожиданно мой слух уловил звуки тара. Играл человек мастеровой. И не было в тех звуках ни грусти, ни печали. Мелодия скорее напоминала полет сказочной птицы над засыпающим городом, который я всегда любил...»

Жойингиз албатта жаннатда булсин...

возвращение к читателю

Андрей ИВАНОВ
(1902–1990)

Слова живут своей особой жизнью...

Самаркандская осень

Самаркандская чистая просинь,
Как подвеченная акварелью.
Ищет старое логово осень,
Пахнет сыростью, тмином и прелью,

И сады у руин Тамерлана
Угасают, уже пожелтели.
Не хочу, чтоб ты знала, как рано
В этот год журавли улетели.

Но о чем запечалилась флейта
У портала, у стен Гур-Эмира?
Иль о том, что покинуло лето
Эту площадь – ровесницу мира?

Осень длит неторопкие зовы,
В потвердевшей листве укрываясь.
Будет вечер темнеть бирюзовый,
И последний закружится аист.

Я хотел бы в листок превратиться,
Докрасна, до огня раскаленный.
Ты пройдешь, моя девушка-птица,
Я коснусь тебя, падая с клена.

А стал бы?..

А стал бы я поэтом, если б
Я не почувствовал бы в детстве,
Весной, как молодо и сыро
И с буйной нежностью звенит
Стена сплошных ночных садов,
Как нестерпима грусть пустынь
С теплом последних ясных дней?

А стал бы я поэтом, если б
В неярком свете Эрмитажа
Не видел огненных холстов
С языческим глубинным эхом,
Пропахших молниями красок,
И юношей бы не познал
То изумительное чувство
Полета времени, чем щедро,
Волшебно наделяет нас
Лишь безоглядная любовь?

А стал бы я поэтом жизни
С ее и беспощадно-смелым,
И бесконечным кругозором,
Когда бы рано не узнал
Зверино-мерзкую изнанку
Мешанства и его надежд,
Как будто вырытых со дна
Глухонемых могил и склепов.
А стал бы?..

Детство

Этот клен был, должно быть, поэт,
Он с ветрами был дружен и с громом,
Я ходил к нему несколько лет
Слушать буйной листвы его гомон.

Что смеялось в его тайниках
От прохладного горного ветра,
Что шептали ему облака,
Он не мне пересказывал это.

Мне в те годы хотелось узнать,
Как скорее мне сделаться сильным,
Отчего, как приходит весна,
Все становится сразу красивым?

Почему я еще не подросток?
Отчего моя бабка ослепла?
Почему ее пряди волос
Стали седенькой горсточкой пепла?

Почему у дворового пса,
Как у нашего старого деда,
Человечьи большие глаза,
А живет на задворках он где-то?

Почему, когда дуют ветра,
Только чайки слетаются в стаи?
Почему ежедневно с утра
Мне чего-то всегда не хватает?

Внимание читателей «Звезды Востока» предлагается подборка стихов, изданных в разные годы, из сборника «В лесу мгновений, дней и лет», подаренного талантливым поэтом, долгие годы работавшим литературным консультантом Союза писателей Узбекистана 27 декабря 1983 года своему коллеге и другу А. Ф. Бауэру.

Пожалуй, в своем извечном светло-голубом костюме, наглухо застегнутом на все пуговицы, в широком старомодном галстуке, в ботинках, начищенных до блеска, в соломенной шляпе летом и в шапке-ушанке зимой на лысой, хорошо выбритой голове он был похож на чеховского интеллигента конца XIX века. Не хватало, может, только трости, висящей на его чуть согнутой в локте руке...

А его мягкая манера говорить каким-то тихо-вкрадчивым, даже чуть ласкающим собеседника голосом, со слегка будто оправдывающимися интонациями, его как бы извиняющаяся, но не заискивающая доброжелательно-искренняя улыбка с искристо-светящимися сквозь круглые, почти дореволюционного покроя, очки-велосипед глазами вызвали у всех чувство, что перед вами человек не только культурный и хорошо образованный, но и вообще необычный, из ряда вон, а уж один перечень его поэтических книг вызвал у писателей глубочайшее уважение...

* * *

Сплошь потемнело небо голубое,
Седлал коней весенний ветер с визгом.
Мы спорили под дикий рев прибоя,
Подставив лица горьковатым брызгам.

Рванул поводья в белой пене ветер,
На небе молча заходили тучи.
Мы ссорились наивно, точно дети,
А волны стали тяжелей и круче.

Но солнце прорывалось в темной кроне
Угрюмых туч, и ветра стихла ярость.
Когда же днем в горячей синей дреме
Затихло море, ты ко мне прижалась.

И все вокруг вдруг стало откровеньем.
И чайка в теплой путанице света,
И крик ее застенчивый, весенний –
Каким-то новым нам казалось это.

Арал заснул на солнце, лени полный.
(Так ярок день, как будто все приснилось!)
Он слал на берег медленные волны,
И сотни солнц в воде его лоснились.

Он всегда приходил на службу за 10 минут до положенного срока, а уходил с боем часов на Ташкентских курантах, возвешаюшем о конце рабочего дня. И казалось, что старейший русскоязычный поэт Узбекистана Андрей Митрофанович Иванов – а речь, конечно же, идет о нем – будто сросся и с этим красивым, с колоннами зданием Союза писателей, и с этой знаменитой башней с часами, да и с этим чудесным сквером, находящимся через дорогу. И творческий дух, источаемый этим солидно-внушительным (по тем меркам) зданием, где находилась в то время писательская обитель, нисходит на все окружающее... и на людей... тоже! И Андрей Митрофанович был органичной частью всего этого... И казалось, что так будет всегда... вечно! Но прошло уже много времени, как его с нами нет, как нет и прекрасных чинар на сквере, как нет и чудесной церквушки рядом, но зато поднялась ввысь еще одна курантная башня, горделиво и даже высокомерно посматривающая на свою старшую близнецовую сестру. Хорошеет город! Ничем не уступает многим современным столицам: яркий, чистый, красочный.

А мое сознание, как и моя душа, все еще живут там, среди древних чинар, часто гуляют между ними, заходят на знаменитый «скверный пятак», где собирались вечерами (и не только), молодые (и не очень) ташкентские поэты, читающие друг другу свои вирши. Многие из них – да почти все – не были членами Союза писателей, но они искренне любили не только вино... (славящийся тогда среди них «Портвейн № 26»), а и настоящую поэзию. Они жили ею, отдавали ей свои сердца.

Шум, гогот и смех раздавались на «пятаке», но, когда на аллее сквера появлялась знакомая, степенно движущаяся фигура Андрея Митрофановича Иванова, все смолкало. И все, прикладывая по-узбекски ладони к груди, почтительно кланялись ему, понимали, что перед ними сам мэтр, идущий с работы. Да-да, он всегда вызывал к себе

Дождь

Дождь отчаянно дрожал
И хлестал ночные тени,
Потому что провожал
Он весну в большом смятении.

Он простаивал часы
Под акациями с нею,
От ее ночной красоты
Становясь еще грустнее.

А когда настал рассвет,
Дождь притих по-человечьи.
В лужах плыл опавший цвет,
Птичий свист летел далече.

Будоражили кишлак
Запах зелени и лета.
И заря в него вошла,
Зацелованная ветром.

И такую молодой,
Долгожданной и красивой,
Что зашелкал над водой
Соловей что было силы.

почтительное отношение. Кажется, что в 70-е годы прошлого века он был последний из русскоязычных поэтических могокан, оставшихся как дорогое наследие от дореволюционного времени. Он был для всех эталоном достоинства и, конечно же, таланта, ибо плодотворно работать с начинающими писателями, многие из которых были далеко не молодыми, мог только человек, сам пользующийся большим творческим авторитетом.

Мне посчастливилось долгие годы – почти 20 лет – не только вместе работать, но и дружить с этим удивительным человеком. В то время я был ответственным секретарем редакции журнала «Звезда Востока», расположенной тогда в здании Союза писателей на первом этаже, и Андрей Митрофанович часто спускался со своего второго этажа и приносил мне свои новые стихи.

У меня в библиотеке хранятся многие его книги с дарственными надписями, есть стихи, посвященные нашей дружбе. С большим благоговением я отношусь и к его памяти, и ко всему тому, что им было подарено, и, конечно же, часто вспоминаю наши с ним долгие разговоры и даже споры о литературе и о жизни вообще. А как-то он мне с проникновенной грустью сказал: «А что будет лет этак через 35? Вот бы посмотреть. Вы, конечно, увидите... А я уже – никогда. – Потом, помолчав, добавил: – Ведь вы меня никогда не видели молодым, а я вас никогда не увижу старым». И сейчас я часто беру в руки сборник стихов Андрея Митрофановича и, как он и предсказывал, нахожу в них отклик думам своим.

Сколько же исконно русского духа, так тесно связанного с его проникновенно описанной и любимой им Азией в его стихах, и даже в его имени, отчестве и фамилии: Андрей Митрофанович Иванов!

Анатолий БАУЭР, член Союза писателей Узбекистана.

Дожди и солнце

Сегодня дождь и ветер на рассвете,
И бездна свежести, и шорохи листвы.
А время круто дышит красотой.
Свое лицо я подставляю струям,
Встревоженным весенним гулом моря,
И я прошу добавки... Я промок,
Но, наклонившись, опускаю руки
В густую, как овчина, гриву пены,
Нахлестанную яростным прибоем,
Чтоб ощутить еще раз трепет жизни
С ее наивной, грубой простотой.

Дождь, солнце, ветер, грозы, облака –
Бессмертное лицо суровой жизни,
Пылающее часто своевольем,
Люблю тебя во всех твоих обличьях.
Неисправимый старый грешник, ветер,
Набитый запахами всех широт,
Я знаю многие твои причуды.
Я знаю вкус твоих холодных вздохов,
Я знаю стоны грозные твои
На побережьях дымчатых морей,
У берегов бескрайних, у гигантских
Развалин столбовых цивилизаций,
Где время у дорических колонн
Грустит среди покинутых святилищ.

Неисправимый старый грешник, ветер,
Ты, знающий моря и континенты,
Так не обуздан, что когда-нибудь
Мы приручим тебя и подстрижем
Твои вовек нечесанные космы.
Честнейшее из честных, золотое,
Горячее, сияющее солнце.
Ломающее зори на рассвете!
Твою любовь к великой простоте
Не понимают только лишь одни
Оцепеневшие сердца и души.
Но и они, они никак не прочь
Всегда твоим полакомиться чудом.

Но разучись мы понимать стихии –
Попойки ливней, шаг могучих гроз
И добрую улыбку звезд и солнца,
Все потускнело бы и стало плоским:
Драчливые лазоревки на ветках,
Весенний дождь над крышей новобрачных,
Протяжный крик иглы Адмиралтейства,
Пропитанный мечтами декабристов, –
Все потускнело бы и стало плоским.
По-прежнему играли б дети в игры,
Шли точно поезда по расписанию,
Ракеты также б поднимались ввысь,
Но путь до звезд намного стал бы больше.

Слова

С. П. Бородину

Слова живут своей особой жизнью:
Рождаются, стареют, умирают,
И мертвые теснятся среди живых
На отмелях громоздких словарей,
Тяжелых, строгих, вечно молчаливых.
Бывает так: давно забыто слово,
И дата смерти затерялась в прошлом.
Его искал и вот нашел художник,
Наполнил чувством, выпустил, как птицу.
И тут со словом происходит чудо:
Дрожь новой жизни возникает в нем.
Оно, очнувшись, рвется нам навстречу,
Чаруя нас задорной новизной
И свежестью тугою и гремящей,
Как паруса, налитые ветрами.
А сам художник, давший слову жизнь,
Он снова – поиск, снова – ожиданье.

* * *

Что-то светит во мне, как звезда из колодца,
 И, как горное эхо, тревожно звучит.
 ...Протянулись к земле, как дождинки при
солнце,
 От луны между листьев сквозные лучи.
 Задремали в рассеянном свете деревья,
 С головой окунулись в певучий настой
 Тишины майской ночи и сонной деревни,
 Диковатой травы, своенравно густой.
 Ночь, как отзвук прекрасного неповторимый.
 Я ветрами больших ожиданий томлюсь.
 Много трудного в нас, даже в наших любимых,
 Этот мир, эту жизнь понимать я учусь.
 Я хочу жить сурово, без лени и фальши,
 Мир все больше и глубже хочу постигать.
 Ухожу я в своем любопытстве все дальше,
 Оброненную небом звезду настигать.

Язык

Пройдут, быть может, многие столетья,
 И языки сольются постепенно
 В один язык. Как существо живое,
 Вбрав в себя из всей тайги речений
 Все лучшее, всю дождевую свежесть,
 Величье и единственность былого,
 Он, словно песня песней, зазвучит.
 Пронизанный, как самоцветный камень,
 Глубокою тональностью излучин,
 Живее будет выражать он суть
 Вещей и времени, и новых чувств,
 И полнозвучность нового искусства.
 И верю я, что будущим ученым
 Казаться будут наши языки
 Потухшими пожарами большими.
 Не потому, что это будет пепел,
 А потому, что в наш суровый век
 В них занимались, как сухой огонь,
 И бушевали, и сверкали страсти,
 К борьбе и созиданью рвались мысли
 И напряжение великих сил.
 И захмелеет будущий ученый
 Над откликом кипучих городов,
 Над буревым движеньем этой жизни,
 Когда из дали наших трудных лет,
 Висящих в безднах гаснувших столетий,
 Как ветром обжигаящим, повеют
 Тоскующие, жадные слова:
 «О, как мила и как огромна жизнь!..»

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ СЛОВО?..

Каким должно быть слово? – задают вопрос время и читатель. Андрей Иванов отвечает: «Правдивым, глубоким, всегда человечным». Весомо, но недостаточно, и поэт говорит о поисках «заветного, с мечтательным блеском слова!» Во имя чего же поиск? Во имя ли только красоты и радости мира? Однако и это – так немало! Послушайте, посмотрите:

*Мир был звонок, мир был зелен, мир, как звери, жаждал жизни.
И вода была легендой, заставлявшей траву петь.
В летний полдень было жарко, и птенцы бросали гнезда,
Чтоб, присев рядом на ветке, посмотреть на яркий мир.*

Мир – это не только вечность, это и вечное движение. Такова и поэзия – ее «рождают мысли неожиданные, как взрыв, свободолюбивые, как птицы, летящие на юг, их смелый скитальческий крик, мысли, как гуси, летящие клином». Полет, полет! «Точно птица во мне поселилась во сне, с птичьим чувством полета я словно раскован, я отчаянно легок, рискованно смел...»

Если поэт любит красоту, то его любованье не фотографично, не пассивно, оно – призыв к движению, к действию, к раскрытию смысла красоты, к познанию тайн природы.

Поэту нужна истина, возвеличенная высотой человеческого духа. И время сердце его «воздвигает, как зданье», в ту пору, когда оно слышит «первый ливень открытий», который «тревогами полн». Слово найдено – открытие! Поэт произносит, словно заповедь веры: «Как хорошо пробежать и протоптать свой след, в новой стране открыть белое побережье!»

Ветер открытий – это значит ветер людского беспокойства. Дерзаниями ветровых людей пронизана вся поэзия Андрея Иванова, а тем более – те стихи, где он говорит прямо о них, говорит «о мечте, о неостановимой мечте человека мужественной души, о мечте, побуждающей с мятежным упорством, с жадной высоты идти к цели».

В момент наивысшего душевного подъема и встречается поэт со своими героями. Он не может без них: «Ваша радость, люди, – моя радость. Мой зенит – в вашем». Но этот союз – не бесплодная романтика индивидуалистического скитальчества. Уже в запеве того или иного стихотворения, в первой же его строке или прямо в названии, четко обозначена профессия героя – «Понимал геолога я...», «Баллада о табуншике Нуритдине».

Поэт подчеркивает нравственную высоту своих героев: бескорыстие, преданность своему делу, профессии, становящейся призванием, преданность до самоотречения, до забвения узко личного во имя общественного – вот что всего больше в своих героях ценит поэт. А еще – любовь, любовь к жизни, к прекрасной нашей действительности.

Сокровенное в людях поэт выявляет при помощи образов столь дорогой ему природы: «Вечно ищут свой мыс и свое побережье беспокойные птицы – людские сердца». Но как же велика его любовь к людям, если даже перед природой поэт отдает им предпочтение. В человеческом бытии – этой главной тайне мироздания – основа эстетики, смысл красоты природы и мира.

«Мне б такую бы песню о жизни сложить, чтобы жить в ней да жить, бесконечно бы жить»... Чем прекрасней природа, тем острее тоска об ее увядании, тем нестерпимей жажда бессмертия, когда даже «где-то в самом устье пугливой капельки дождя встает ошущение, что бесконечной будет жизнь...» ...Но кто

придает бессмертие мыслям, замыслам, надеждам? Только люди, только вдохновенные герои поэта, ведущие нить жизни «там, где горизонты бесконечны».

Кто способен увлечь в грядущее, как не люди мысли и действия? Они помогают уйти от облака печали: «Много тайн в человеческом сердце кочует, – за туманами слез есть всегда горизонт».

Ценнее всего на свете для Андрея Иванова, по его словам, – «связь человека с человеком». Этой связи препятствует звериная алчность и агрессивность мешанства, как будто вырытая «со дна глухонемых могил и склепов». «Как мы все беззащитны перед лицом будничности и равнодушия!» – с болью восклицает поэт. Но и эту проблему он решает с горной высоты надежды сердца. Он призывает: «Доверье к людям – это не оружие, но может завоевывать сердца. Не опасайтесь верить в человека!»

Поэт полон трепетной любовью «ко всем живущим поколениям, к эпохе нашей мудрой, юной, к лесам, дроздам, лугам, оленям, к таинственным пейзажам лунным». В этом перечислении – и это характерно для А. Иванова – на первом плане образы природы.

Бессмертие природы отнюдь не предполагает ее неизменности. И в стихах Андрея Иванова входят «открытые, как ветер, люди», чьи «крепкие надежные рабочие руки» преображают мир, ведя его к добру и свету. Это именно благодаря им радость радугой перекидывается над землей, день становится бесконечно глубоким. И природа делится с людьми кровью из своих заповедных артерий...

Поэзия нужна нам потому, что она «рождает в нас возвышенные чувства». Однако их рождает прежде всего пример людей честного голоса, которыми богата наша жизнь. И поэт рассказывает о таких людях, превращая рассказ в сопереживание, благодаря которому произведение становится жизненным и драматичным.

Если в кратких стихах поэт достигает эпической силы, то в еще большей степени она присуща его поэмам. Правда, и в наиболее значительной из них «Эх, дубинушка, ухнем!», Андрей Иванов подтверждает, что творческая сила его – не в эпическом развороте изображения, а в психологической тонкости, в лирической проникновенности. Впрочем, об этом нужен особый разговор, но здесь нельзя не сказать, что поэзии исполнены и его стихотворения в прозе. В них наблюдается, как это характерно для А. Иванова, смелое сопряжение различных смысловых и образных пластов в единую вдохновенную и полную социального содержания картину!

Необходимо отметить своеобразие творческого почерка, передающего непредсказуемость и неровность душевных движений поэта, не приглаживаемых к тому же унифицирующей ровностью отработанного и потому неизбежно несколько механического стиля.

Вот уж поистине, как поэт чувствует, так и говорит! И эта прямота самовыражения в прозе порой еще более безусловна, нежели в некоторых стихах. «Я говорю о мечте, неостановимой мечте человека мужественной души, о мечте, побуждающей с мятежным упорством, с жаждой высоты идти к цели», – так начинается стихотворение в прозе «Мечта». Но на этом не хочешь остановиться, цитируешь дальше: «Мечта – искра жизни. Если у тебя есть цель, если корни ее человечны, воспламени мечтой своей сердце до сердцебиения, до величия и страдающей нежности, пусть гудит колокол желаний, мечта, как ласточка, полетит к цели, в обгон времени, в будущее».

Не правда ли, как хорошо? И глубоко, и взволнованно. Патетика без выспренности, откровенность без фамильярности. А мысль развивается, бежит, как горная река, все дальше и дальше: «Мечта не создает сокровищ, никаких истин, но она богаче любого сокровища, она переглядывается со звездами...»

Как же прекрасна земля, на которой зреют высокие мысли! И мы снова входим в мир, где «высятся горы, осеняемые просторно плывущими облаками», где «лягушки прополаскивают рты вечерней песней», где окунаешься с головой «в ликующую синь простора», где поэт «солнцем насыщен» и – «крылат полнотой бытия», где «ветер пасет стаи белых, как гуси, облаков», где молодые люди идут «на крутой волне дерзости», живут «в ожидании чуда» с надеждой «открыть новое побережье». И поэт, думая о прошлом, думает и о будущем. Эти раздумья далеки от пересказывания прописных истин или муссирования тривиальных тревог. В них – философские размышления, вытекающие из природы поэзии А. Иванова в целом:

*...придет великий день,
Когда из ограниченности пут
Прорвется человеческая мысль
И вечность вдруг вздохнет огромным вздохом
И с гневной нежностью обнимет человека,
Искавшего ее тысячелетья.
Обнимет человека, поцелует
Так нежно, что от этого сама,
Быть может, тоже станет человеческой.*

Для меня его книги стали подлинным озарением, открылся мне «милой Азии свет». Как для него, русского человека, в свое время озарением были рассветы, которыми любовался Навои...

Благодарю тебя, судьба, что свела меня с необычным человеком, волшебником сердца и стиха! Критика должна заметить интернационализм его поэзии, рожденной на стыке двух материков, рожденной дружбой братских народов, воспевающей «Братство душ, просветленных до дна». Критика должна услышать биение его пылкого сердца:

Оно живет жаждой «из всех ручьев напиться». «Ветра пустынь азиатских, влагой бедных» вызывают на его просторах, как на просторах родных степей, «обряд великий орошенья», зовущий еще невиданные всходы, которые, несомненно, заколосятся и в душах грядущих читателей и почитателей.

Смысл творчества А. Иванова можно выразить в двух афоризмах поэта: «поиск – вечный двигатель души» и «суть искусства – противиться злу». Можно добавить и третий: «Ноги мои не обивали пороги, ноги мои влюблены в дороги».

*Пройдут, быть может, многие столетья
И языки сольются постепенно
В один язык. Как существо живое,
Собрав в себя из всей тайги речений
Все лучшее, всю дождевую свежесть,
Величье и единственность былого,
Он, словно песня песней, зазвучит!*

И в этой вселенной «песне песней» торжественной нотой будет звучать поэзия Андрея Иванова, постигшего тайны природы и владеющего тайной покорения сердец. Будет пленять его непосредственность, пронизанная высоким интеллектом. Будет радовать его интернациональное «чувство братства», как пример обогащения художественного творчества взаимодействием различных национальных культурно-образных стихий.

Владислав ШОШИН, доктор филологических наук (Москва).

Второе дыхание...

Наталья БЕЛОЕДОВА

* * *

Это – как второе дыхание,
 которое начинается после смерти.
 Это когда ты ягненок,
 но уже насажен на вертел.
 Это когда шупальца
 тебя самого душат.
 Это когда был морем,
 А стал – сушей.
 Жить с тобой в одном городе
 противоестественно природе,
 и аномально вроде,
 и ненормально даже.
 Дышать с тобой одним воздухом
 и понимать, что ты сейчас куришь,
 стоя на балконе, –
 это всё равно что крутить старую пластинку,
 затертую до дыр,
 а на губах ощущать вкус твоих сигарет.
 Говорить себе – нет!
 Переезжать в другой город,
 менять планету,
 как постоянное место жительства.
 А там опять...
 Вечерами
 музыка, дым.
 Город сжимается до размера точки.
 И мы становимся одним размытым пятном.

* * *

Ты ближе Бога
 Ты ближе солнца
 Твой звонкий смех...
 И на нас кольца
 На нас браслеты
 И бусы цвета
 Цвета неба
 И перламутра
 Ты вечный космос
 Ты вечный Будда
 У нас беспечных
 Не день – а чудо
 У нас небрежных
 В касаньях нежных
 Такие чувства,
 Такие чувства!
 Не снись мне больше
 Не пой мне больше
 Твои обаяния тоньше-тоньше
 Твое дыхание чише-чише
 Прошу останься
 Прошу возвысья
 И пой мне громче
 И снись, и снись
 Во мне отчаянно
 Растворись.

Наталья БЕЛОЕДОВА. Окончила факультет русской филологии ТГПУ им. Низами. Публиковалась в журнале «Звезда Востока», альманахе «Междуречье». Участник международных форумов и семинаров.

Первая скрипка

* * *

Звезда. Прима.
Платье лиловое.
Взгляд мимо.
Томный, богемный.
Исполненный страсти.
Скрипка взметнулась,
Пульсируют пальцы.
Звуки как пчелы.
Звуки – букеты.
В этих аккордах
Пряное лето.
Реки поют,
Высятся горы.
Ноги ступают
Так невесомо.
Мягкие травы
Шекочут стопы.
Первая скрипка.
Откуда ты? Кто ты?

* * *

к 6 начинаю скучать сильнее
раннее утро
четверг
в Москве, говорят, снег
и у нас, говорят, снег
будет
а ещё
а ещё мне важно, что ты есть
что ты спишь
и что ты – свет
мне важно, что в тебе дух
прекрасен не наполовину
весь
это я
наполовину свободная
наполовину нет
наполовину глупая
наполовину знаю
это я плачу, нахожу, теряю
а затем плачу
всегда плачу
не звони, не звони палачу
он делает свою работу
он просто делает свою работу

Когда мы были
маленькими ртами,
носами,
подбородками,
локтями...
Когда нас вонки дергали за косы,
всё было равно:
шмели, шершни, осы.
Теперь мы рассудительны и правы.
Коленки затянулись –
ноют раны.

* * *

В август окно.
А за ним – рокот,
Концерт, серенады,
Свидания, шепот.
У ночных жителей
Свои правила.
Королева бал
Нынче правила.
Тон задавала.
Скрипки буйствовали.
Какой сон
При таких чувствах?!

* * *

Я даже боковым зрением ошущаю
Твоё присутствие
Вижу, как ты дышишь и как ты думаешь.
Еще вижу, как ты спишь долгим,
Четырнадцатичасовым, сном,
Вижу твои губы...
Опять этот дом,
Сумасшедший дом,
Где на всех не хватает рубашек,
Где на всех не хватает смирения –
Хватает эго и гордости,
Иногда хватает сомнений.
Я просто не могу сидеть в этой комнате,
Где твоё постоянное присутствие...
Дай мне сил выйти из круга,
Дай мне воли на это и мудрости.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

Рассказ

Александр ИКРАМОВ

Интернет – великая вещь. Знакомство с человеком, который живет за тысячу километров, и общение с ним каждый день – это ли не чудо? С Викой мы познакомились в интернете. Сначала поспорили, потом слегка повздорили. Мы говорили обо всем. Я настаивал, что каждый человек при определенных условиях способен преодолеть любой недуг даже без помощи врачей. Все зависит только от него самого. Через боль, через слезы нужно и можно прийти к своей цели. Вика ядовито посмеялась надо мной и спросила: «Вы что, врач?» А я действительно врач и видел многих пациентов, преодолевших свой недуг. Я сказал ей об этом. Но Вика продолжала смеяться: легко, мол, рассуждать, когда человек здоров и на своих ногах. Я, мол, не представляю себе, что значит быть прикованным к инвалидной коляске. Обшались мы долго и интересно, а через два месяца я попросил номер её телефона и позвонил. Голос у нее был нежным и бархатным, хотя по переписке она казалась человеком жестким и волевым. Но я ошибся. Потом был скайп. На фото она была другой. Застывшая фотография не передает ничего, особенно если человек позирует. Самые лучшие фото получаются, когда человек не видит, как его фотографируют. Ну это, конечно, только моё мнение. Поэтому, мне кажется, в скайпе я увидел совсем другую Вику. Когда она двигалась, смеялась, говорила, в её движениях было такое очарование, что нельзя было не влюбиться в неё. И, кажется, я влюбился.

Мы переписывались полгода: рассказали друг другу о себе, семье, родителях, учебе в институте, работе, о неудачах в личной жизни.

Я не женат и никогда не был. Как ни странно, офицеры обычно женятся рано, но я не успел, не смог или не захотел... Не знаю. Но скорее не встретил ту, которую искал.

У Вики был муж. Выскочила замуж совсем девчонкой. Потом через некоторое время поняла, что ошиблась, а мама ее была права... Нет, он был хорошим человеком, очень положительным во всех смыслах, но не любил её. Ему нужны были приключения, новизна, он не мог сидеть на месте. Никакой рутины. И ещё: категорически не хотел ребенка. И когда Вика забеременела, резко изменился. Стал холоден, раздражителен, зол. Вика терпела. Разговоры об аборте она отменяла сразу. Но с каждым днем отношения становились все прохладнее, а потом случилась та памятная авария, после которой она предложила ему расстаться. В душе была надежда, что он останется благородным и порядочным человеком и отклонит её

Александр ИКРАМОВ (Рустам РАХИМОВ). Родился в 1960 г. в Ташкенте. Окончил ТашМИ, преподавал в Академии МВД РУз, подполковник. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

предложение, но он собрал вещи и, кажется, с облегчением ушел. С тех пор в душе её поселилась пустота. Спасали мама, дочь и интернет.

Когда я предложил ей приехать ко мне в гости, Вика категорически отказалась. Сначала причиной было отсутствие денег, но, когда я предложил оплатить проезд, оказалось, что деньги были, а причина в другом. В чем – я не понимал и продолжал предлагать ей различные варианты. На моё предложение встретиться и отдохнуть на море в Турции она внезапно согласилась, а потом в довольно резкой форме отказалась. Но спустя некоторое время после настойчивых уговоров согласилась снова. И потом вновь отказалась. Я сказал, что уже купил билеты на самолет и забронировал отель. Вика долго думала, потом внезапно снова согласилась. В последний перед вылетом день мы встретились в скайпе и обсудили последние детали. Перед тем как расстаться, Вика вдруг сказала:

– Ну смотри, не пожалей, что уговаривал меня.

Я долго думал над её словами и ничего не мог придумать. Наконец решил, что это была шутка.

Я прилетел в Анталию на два часа раньше Вики. Вскоре из отеля приехала наш гид Лена, мы познакомились. Оставив чемодан в машине, я пошел встречать Вику. Сидел в зале для встречающих и ждал... Объявили рейс. Наверное, никто из встречающих не волновался так, как я. В толпе увидел её лицо. Вика медленно продвигалась по залу и искала взглядом меня. Наконец увидела, как я пробираюсь к ней, и остановилась. Толпа схлынула, и я увидел Вику...

Что-то было не так...

Наконец я понял в чем дело.

Она была на костылях...

– Привет! Что, не ожидал? – спросила она с вызовом.

– Привет! Как это не ожидал? Я тебя здесь третий час жду.

– Ну да... Да... Но ты, наверное, ожидал увидеть обычную... ну, нормальную женщину?

Я наклонился к её уху:

– А ты что... ненормальная? И справка из психдиспансера есть?

Вика отдернула голову и прищурила глаза.

– Перестань валять дурака.

– Хорошо, – кивнул я, – не буду его валять. Так ты что, сумасшедшая?

– Я, слава богу, психически здорова. Говорю, что ты хотел, наверное, видеть обычную женщину, без физических отклонений.

– А ты что, с физическими отклонениями? Какими?

Вика передернула плечами, но я её опередил.

– А-а-а-а! Знаю! Знаю! У тебя есть хвост! Нет?! А-а-а-а! Знаю! Знаю! У тебя растут рога! Но, ты знаешь, под волосами совершенно незаметно.

Вика притопнула костылем.

– Ты что, дурак?!

Я сделал круглые глаза:

– Да! А ты откуда знаешь?

– Заметно!

– Странно, – удивился я, – все сразу замечают. Слушай, говори прямо, что в тебе ненормального.

Вика сверлила меня взглядом.

– Издеваешься? Ты что, костыли мои не видишь?

– Вижу! Это все?! Что ты меня пугаешь? То сумасшедшей прикидываешься, то рога, то копыта растут... то... хвост...

Вика смотрела на меня своими лучистыми глазами и не знала, то ли смеяться, то ли плакать.

– Вик... – решил смилостивиться я, – ну ты чего, а? Слушай, есть хочется... Поедем в отель? Где твой чемодан?

Вика стояла опустив голову. Потом подняла глаза, полные слез, но я не дал ей ничего сказать.

– Слушай, на транспортере крутится один-единственный чемодан. Это не твой?

– Если красный, то мой.

– Красный! Стой здесь, я шас...

Я прикатил чемодан, и мы неторопливо поковыляли к дверям аэровокзала.

– Вот это Лена, наш гид. А это Вика, та самая.

Мы пошли к машине. Машина была большой, семиместной, и мы сели в самом конце.

– В общем, должны приехать ещё немцы, тоже в наш отель, но через час. Ну, уже через полчаса. Будем их ждать.

Мы сидели в машине и молчали. Вдруг Вика снова заплакала.

– Прости меня! Мне не надо было приезжать. Сама не понимаю, зачем я это сделала. Но, понимаешь, я так тосковала... Хотелось что-то изменить в своей жизни. У меня было ощущение, что жизнь уже закончилась и в ней уже ничего нового никогда не будет. Я вообще подумывала: а стоит ли жить?.. А тут ты ... И так захотелось... – она подняла глаза: – Прости, что обманула тебя.

У Вики снова глаза наполнились слезами, и я понял, что сейчас сделаю. И сделал. Я привлек её к себе и поцеловал в губы. Вика почти не сопротивлялась.

– Что ты делаешь? – спросила она, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.

– Целую тебя.

– Вообще-то, это неприлично.

– Почему?

– Ну, знаешь ... Мы с тобой и полчаса не знакомы.

– Что?! – возмутился я почти искренне. – Что ты сказала?! Полчаса?!

В машине сидел только шофер, который удивленно посмотрел на нас. Вряд ли он понимал по-русски, но я обратился именно к нему:

– Нет, ты слышал?! Слышал?! Полчаса знакомы! – возмутился я. – Ты кто?! Ты Вика?! Ты та самая Вика, с которой я полгода переписывался? Ты – та самая Вика, которую я почти полюбил всем сердцем за её искренность, порядочность и откровенность?! Это ты?!

Вика смотрела на меня и улыбалась.

– Прости! Я не то сказала. Я хотела сказать, что мама не разрешает мне целоваться на первом свидании.

– И мама права, как всегда! Но у нас с тобой свидание не первое. Так что я обиделся.

– Прости! Прости меня! – простонала Вика, театрально заламывая руки. – Я была неправа!

Я победно посмотрел на удивленного шофера и охотно «простил».

– Ладно! Прошаю! Только... – и я ткнул себя пальцем в щеку.

Вика чмокнула. Шофер, наконец, понял, что это был театр и, рассмеявшись, погрозил нам пальцем.

Появились Лена и пожилая пара немцев. Очаровательные старичок и старушка. Они без конца извинялись, объясняя, что их долго не выпускали из самолета. Сначала переводила Лена, но немецкий она знала не очень хорошо. В какой-то момент она никак не могла подобрать слова, и ей помогла Вика. Оказалось, что Вика

свободно говорит по-немецки. В дороге мы все познакомились поближе. Немцы были из Баварии. Супружеская пара. Мы рассказали, кто мы и как познакомились. Их это впечатлило. После очередного вопроса Вика смутилась.

– Они спрашивают, кто я тебе? Невеста?

Я не раздумывал ни минуты.

– Жена. Майне фрау. Das ist meine Frau, – неожиданно для себя вдруг вспомнил я немецкий язык, ответив на этот вопрос не только немцам, но и себе тоже.

В отеле нас ждал сюрприз. Нам предложили номер, один из лучших, на третьем этаже, но один на двоих. Я, естественно, удивился, сказал, что бронировал по интернету два номера. Но персонал отеля уверял, что я забронировал один номер на двоих. Я настаивал, что это ошибка и нам нужно два номера, но парень на ресепшене сказал:

– Сорри, хётэл из фул.

То есть свободных номеров нет. Я стал возмущаться, пригрозив, что уедем в другой отель, но Лена меня быстро успокоила:

– Везде всё переполнено.

Вика сидела в кресле и с улыбкой слушала нашу перепалку. Внезапно она сказала, что, если номер нам понравится, мы будем заселяться. Конечно, никто не ожидал этого, но всех это устраивало. Лена начала извиняться за недоразумение, говорить что-то, но я остановил её и потащил Вику к лифту.

Номер нам понравился. Лена ушла оформлять документы. Мы вошли в номер, и Вика обессилена упала на кровать. Я понял, как тяжело далась ей эта поездка.

– А ты хитрец, – вдруг сказала она. – Ты ведь специально заказал один номер и знал, что отель переполнен и второго номера не дадут. Да? Сознаться!

Я опустил голову.

– Прости! Это было глупо.

– И хотел все свалить на персонал отеля?

Я обреченно кивнул головой. Меня раскусили...

Принесли наши чемоданы, Лена принесла документы. Я сознался, что действительно заказал только один номер. Ошибочно! Это была маленькая ложь во спасение.

– Передайте, пожалуйста, мои извинения персоналу отеля.

Лена расцвела и пожелала нам приятного отдыха.

Я распаковывал чемоданы и рассказывал о своих приключениях в дороге. Вика смеялась, но стоило мне произнести:

– Ну, пошли купаться!

Вика стала очень серьёзной:

– Ты иди купайся. Я посижу тут.

На все уговоры она отвечала отказом. Я понял, что пришло время поговорить серьёзно.

– Вика, мы приехали сюда отдыхать, и здесь мы будем всегда вместе, куда бы ни пошли. Если не идешь ты, не иду и я. Твой внешний вид, твои костыли меня не смущают. Меня волнует только состояние твоего здоровья. А я хочу, чтобы у тебя было великолепное здоровье и хорошее настроение. Поэтому надевай купальник, мы идем купаться. Будешь сопротивляться – одену тебя силой.

Вика смотрела на меня с улыбкой Джоконды.

– Викулечка, солнышко, ну пожалуйста, пойдем купаться!

Вика попросила десять минут подождать её в холле. Через десять минут ровно я услышал постукивание костылей. На ней был халатик и пляжные туфельки.

На голове огромная шляпа из соломки и огромные солнцезащитные очки. Мы медленно, не торопясь, пошли в сторону пляжа.

Море и место были великолепными. Бывает картина, не радующая взгляд: море мрачное, грязное, пены много, пляж грязноватый, песок не тот, даже небо хмурое. А здесь все было прекрасно: море бирюзовое, песок белый, небо синее. Вика сбросила халатик – и я засмотрелся на её фигуру. Это была фигура юной девушки. Вика перехватила мой взгляд и засмеялась.

– Да, я так похудела после болезни. А до этого была толстой и все мечтала похудеть.

Мы осторожно дошли до кромки моря, я положил костыли на песок, осторожно поднял её на руки, и мы вошли в море. Конечно, волны дробились и брызгались, лицо было мокрым, но я понял, что Вика плачет.

– Ты опять ревешь? Ну прекрати. Или тебе больно?

Вика отрицательно покачала головой. Но я видел, что ей было тяжело и больно двигаться. Мы все же проплыли несколько метров, и на берег Вика вышла счастливой. Позже, когда она отдышалась и мы немного поболтали, наступила пауза, после которой я спросил её о том, что так тяготило нас обоих. Я боялся спросить её, а она не хотела говорить об этом. Но мы должны были... и я спросил первый. Об аварии.

...Они возвращались с дачи. За рулем был муж. Он захотел обогнать грузовик по встречной, и, как всегда, неожиданно появилась встречная машина. Удар был вроде несильный. Никто не пострадал, все остались живы. Но у Вики отказали ноги. Она не могла ходить. Позже в больнице поставили диагноз «повреждение позвоночника и тазовых костей» и вынесли приговор. Два месяца она пролежала в больнице, а потом пересела в инвалидное кресло. С трудом стала осваивать костыли. О работе надо было забыть. Она работала гидом с иностранными туристами. Отсюда и знание языка. Но какой гид на костылях? Нонсенс. Работу она потеряла.

Через некоторое время произошел тот памятный разговор с мужем, и он ушел, больше не звонил и не приходил.

Полгода Вика страдала, возникала мысль «а не прекратить ли все это разом?!» Но дочь и мама... Они не заслужили этого. Мама делала для неё всё, да и дочь поддерживала как могла. Она уже взрослая, семь лет. Однажды, встретив отца около школы, она не захотела больше общаться, назвав его предателем.

Работы не было. Первое время жили на зарплату матери. Потом появились переводы. За них неплохо платили. Вика много работала. Жила замкнуто. Было одиноко и тоскливо. Подруги пытались помогать, но Вика отвергала любую помощь.

И ещё спасал интернет.

А потом появился я. Нахальный, самоуверенный... высокопарно рассуждающий о жизни, об отношениях и трудностях, которых, конечно, не знал и не нюхал. Как этот наглец мог судить о жизни инвалида, прикованного к креслу?! Конечно, я не знал, что Вика в таком положении, но все же... Пустослов... «Надо жить, надо преодолевать!» Типичный самовлюблённый, тупой военный. Здоровый, как бык, у которого одна извилина – и та от фуражки, как в том анекдоте. Как Вику раздражало это! Она отвечала резко, пытаясь поставить меня на место. Но наглец оказался не так прост. Он отвечал и даже огрызался. Постепенно Вику увлекла борьба с наглецом. Не сразу, но она стала замечать, что в его словах иногда проскальзывают разумные доводы, его рассуждения о жизни звучат более убедительно, чем её мысли. Потом она стала ждать писем с нетерпением. Он попросил номер телефона. Много говорили. Живая речь и интонации придавали совсем иной смысл словам. А потом был видеозвонок. И она увидела совсем

иного человека, не такого, как себе представляла. На фото он был другим. Общение с ним ей стало необходимо. А потом было предложение встретиться. Вика растерялась. Увидит её – и что дальше? Испугается и уйдет? Она боялась потерять что-то ставшее таким близким и необходимым ей. Но когда он предложил поехать на море, она сказала «да». Потом одумалась, попыталась отказаться, но он настаивал – и она решилась. Ну что ж, пусть увидит её такой, какая она есть. Не будет никаких иллюзий, всё прояснится. Посоветовалась с мамой и даже с дочерью. Мама одобрила: «Езжай, дочь, хуже не будет». Дочь тоже сказала: «Езжай, мама. А вдруг судьба?» И она поехала.

Вечером в баре мы повстречали нашу немецкую семейную пару из Баварии. Они приветствовали нас как родных. Мы подсели к ним. Я принес пиво Вике и кампари без сока и льда себе. Вика болтала с немцами.

– О чем разговор? – спросил я.

– Они спрашивают, не тяжело ли мне? Я сказала, что с таким мужчиной, как ты, мне все легко.

– Так и сказала?

– Так и сказала!

– Прелесть ты моя, – и я поцеловал её в губы.

Поцеловал так, как целует муж жену, при всех. Спокойно и с достоинством. И Вика ответила мне.

Мы много говорили, смеялись, шутили. Вика лихо переводила. Внезапно разговор зашел о счастье. Что такое счастье, кого можно считать счастливым, в чем оно, счастье, заключается? Вика говорила достаточно громко, все, кто сидел рядом тоже слышали её. Многие включились в разговор, задавали вопросы. Я молча потягивал кампари. Вика не всегда успевала переводить. Внезапно один из старичков за нашим столом спросил меня, а как думаю я, в чем счастье? Кто-то из молодых крикнул: «В деньгах!» Все засмеялись, но наши старички поморщились. Мне тоже не понравился такой ответ.

– Я не знаю, в чем счастье. Но, если хотите, расскажу восточную сказку о том, как один принц захотел стать счастливым человеком.

В баре наступила тишина. Новые посетители, узнав, о чем речь, остались послушать.

– В одном государстве жил старый падишах. У него был любимый сын. Однажды он спросил отца, как стать счастливым человеком? Падишах не смог ответить на вопрос сына и позвал своих визирей и мудрецов. Но никто из них не сумел убедительно ответить. Ученые уверяли, что счастье в познании мира. Поэты говорили о счастье любви к женщине. Воины считали, что счастье в битвах за Родину. Но принц не понимал этих людей. Он хотел быть просто счастливым. И тогда один самый старый мудрец сказал:

– Чтобы стать счастливым, нужно надеть рубашку счастливого человека.

Принц был поражен. Так просто?! И пошел искать счастливого человека. Много городов обошел, со многими людьми говорил, но никто из них не мог назвать себя счастливым. Сначала он искал счастливого среди богатых: у них было все, но все же чего-то не доставало. Вот если бы ещё один мешок золота... Или ещё один дом, больше, чем у соседа... Торговцам хотелось больше товара, ремесленникам – лучших материалов, чтобы создавать свои шедевры, мудрецам не хватало знаний, и они искали их в книгах и старинных рукописях, художники и поэты изначально были недовольны собой и миром и искали способы осчастливить людей. Принц понял, что найти счастливого человека совсем не просто. И, когда он, отчаявшись,

уже возвращался домой, увидел в поле хлебопашца. Тот пахал и весело напевал. И принц спросил, мол, счастлив ли он.

– Да, – ответил хлебопашец, – я счастливый человек.

– Подожди, но ты совсем беден, у тебя совсем мало или, может быть, и нет денег!

– Денег не должно быть много, их должно быть достаточно. Мне хватает. Я занимаюсь делом, которое очень нужно людям, у меня любимая жена и дети, мои родители со мной, у меня много друзей и нет врагов.

– Так вот оно счастье! Ты-то и нужен мне! Дай мне скорее свою рубашку! Я надену её и тоже стану счастливым! – вскричал принц.

– А у меня её нет.

Ночью мы молча лежали рядом. Я тихонько взял её за руку и потянул к себе.

– Не надо, – попросила она.

Но я продолжал целовать руку и тянулся к её губам.

– Пожалуйста, прошу тебя, – зашептала она.

Но я не слушал её. Губы были мягкими и сладкими. Она уже не сопротивлялась. Наоборот, могучая сила страсти влекла её ко мне. Я целовал и ласкал её тело, и ласка доводила её до иступления. Сначала она стонала, но потом замолчала, дрожа всем телом. Я чувствовал, как ей было больно, но...

– Не останавливайся, – плача шептала она, – прошу тебя. Ещё, ещё!

Мы заснули только под утро, обессиленные и уставшие.

Утро было солнечное. На небе ни облачка. Мы едва не опоздали на завтрак. Но персонал отеля нас простил – очень любезные люди... Видя, как Вика с трудом передвигается на костылях, официантка сама подошла и спросила, что девушка желает. Вика поблагодарила её и сделала заказ. Я быстро набрал себе всякой вкуснятины, и мы сели завтракать на веранде в тени. Болтали ни о чем. И только в конце завтрака Вика вдруг спросила:

– А ты любишь детей?

– Да, конечно.

Я признался, что давно мечтаю о ребенке, и не об одном. Очень хочу детей. Не представляю без них жизни. Вика задумалась. А потом вдруг спросила:

– Скажи, а я тебе нравлюсь хоть чуточку?

Я оторопел.

– Почему ты задаёшь такой вопрос?

Вика опустила глаза.

– Я боюсь. Я боюсь, что ты оставишь меня, когда закончится наше пребывание здесь. Я снова останусь одна. Но всего обиднее, если ты меня просто используешь.

– Вика, глупости не говори.

– Да? – Вика взглянула мне прямо в глаза. – Правда, какие глупости... Мне так хорошо с тобой.

– Вика, давай поговорим серьёзно. Я не говорил, что люблю тебя, не предлагал тебе выйти за меня замуж, и ты делаешь вывод, что я к тебе абсолютно равнодушен? Почему?

– Потому что все женщины эгоистки. Они всю жизнь ждут от мужчин этих двух фраз: «Я люблю тебя!» и «Выходи за меня замуж!» Но далеко не всегда слышат их. И самое страшное для женщины – не услышать их до конца жизни. Прости меня, я тоже эгоистка. Я прекрасно понимаю, что тебе не нужна жена в инвалидной коляске. И нужно просто наслаждаться моментом, пока ты рядом.

Вика улыбалась, но в глазах у неё стояли слезы. Она спохватилась.

– Все! Прости, я опять плачу. Обещаю, что до конца отдыха ты больше не услышишь от меня таких слов и не увидишь слез! Торжественно обещаю!

– Ну что ж, тогда один вопрос: скажи, а если бы ты была здорова, без костылей, и встретила меня... Я был бы тебе нужен?

Дни проносились стремительно. Каждую ночь Вика стонала в моих объятиях, а я тонул в нежности и сладострастии. Утром мы с трудом просыпались, а вечером все повторялось снова и снова. Мы не могли оторваться друг от друга.

У Вики наблюдались серьёзные перемены. В последнее время она стала ходить свободнее. Ей уже не требовались так сильно костыли, но еще не хватало уверенности. И вот однажды она рискнула пойти к морю без костылей, опираясь на меня. Мы шли очень долго, гораздо дольше, чем обычно. Вика часто отдыхала. Но я был рад. Мы встретили нашу немецкую пару, и они, увидев Вику без костылей, пришли в восторг. Мне показалось, что все отдохавшие в нашем отеле, да и персонал отеля, переживали за красивую девушку на костылях. И вечером, когда мы пришли в бар, какой-то отдыхающий зааплодировал, увидев Вику без костылей. Прочие тоже стали аплодировать и кричать «Браво!». И маленькая победа над своим недугом воспринималась как общая победа, всем хотелось поддержать Вику. И Вика была благодарна. Наши немецкие друзья с восторгом смотрели на нее, а старичок сказал:

– Вы побеждаете в самой сложной борьбе. В борьбе с самой собой.

И Вика действительно побеждала. С каждым днем она ходила все свободнее. Боль постепенно стихала, долго, мучительно долго, но Вика справлялась с ней. И наконец отказалась от костылей совсем.

Каждый вечер мы приходили в бар, разговаривали, любовались друг другом. Это были прекрасные часы общения. Однажды кто-то спросил у Вики, что помогает ей в борьбе с болезнью. Вика смеясь ответила, что лучше спросить у меня.

– Так это вы главный доктор? И что же помогает вам справляться с болезнью? – обратились ко мне.

Я взял театральную паузу, а потом предложил послушать одну притчу. И вновь люди стали рассаживаться вокруг. И вновь Вика переводила на немецкий, а окружающие внимательно слушали.

– Когда-то в стародавние времена у одного богатого купца заболела жена. Никакие лекари не могли помочь ей. С каждым днем ей становилось все хуже и хуже. И уже стали подумывать, что недалек тот час, когда придется проститься с ней навсегда. Но однажды в город приехал знаменитый лекарь. Обратились к нему, и лекарь приказал собрать мочу больной женщины за сутки и принести ее на анализ. Поручили это служанке, но утром обнаружилось, что кто-то собранное опрокинул. То ли кто-то задел горшок ночью, то ли кошка постаралась, но мочи не было. И тогда, испугавшись, служанка принесла хозяину горшок со своей мочой. Купец отнес его лекарю. Лекарь не смог установить причину болезни. И тогда он спросил купца:

– А давно ли ты спал со своей женой и доставлял ей удовольствие?

– Давно, сударь мой. Так давно, что и не помню, когда это было. Она ведь все время болеет.

– Так вот, ты должен исполнять супружеский долг, поскольку жена страдает от нерастраченных женских сил. Ты должен очень постараться. Других причин болезни я не вижу.

Служанка была молодая, здоровая, в самом соку, поэтому сомневаться в словах лекаря не было оснований. Пораженный этим советом, купец не знал что и делать. Он очень любил свою жену и, конечно, хотел, чтобы она выздоровела. К вечеру он приказал накрыть столы в спальне жены, а всем слугам идти ночевать в другие дома. Он пришел в спальню жены и с шутками и прибаутками стал раздеваться. Жена, долгое время не встававшая с постели, с тревогой наблюдала за своим мужем. Наконец, когда тот полез к ней в постель и попытался овладеть ею, она решила, что он сошел с ума или хочет её погубить. Она стала звать на помощь, но в доме никого не было, никто не прибежал на её крики. Муж же, пользуясь её слабостью, легко преодолел все препятствия и овладел своей женой. После первого раза жена с удивлением обнаружила, что она все еще жива и даже слегка взбодрилась. Поэтому во второй раз уже не так сильно сопротивлялась, на этот раз удовольствие было взаимным. После этого женщина, не встававшая много дней с постели и не евшая из-за отсутствия аппетита, поднялась и, сев за стол, с удовольствием поела. А после третьего раза они оба уснули, и женщина, страдавшая до этого бессонницей, спала глубоким и здоровым сном. Муж ежедневно проводил сеансы «лечения», а жена с удовольствием их принимала и вскоре полностью выздоровела и прожила со своим мужем в счастье и согласии много лет.

Дни летели быстро. Мы откладывали разговор, но вот наступил последний день отдыха. С утра мы оба были как потерянные. Собрали вещи, попросились со всеми, дождалась Лену и приехали в аэропорт. До самолета было еще три часа. Наши последние совместные три часа... Первым улетал я, а через час – Вика. Так что же дальше?

Мы сидели рядом и молчали. Два дня назад я пытался начать разговор о нас, о том, что будет, но Вика отказывалась говорить об этом. Тогда у меня появилась мысль, что я уже не нужен ей. Красивая, эффектная женщина, я, видно, не в ее вкусе. Она уже ходила, пусть с трудом, медленно, но, главное, ей уже не нужны были костыли. И зачем ей мужчина из другого города, из другой страны, совсем небогатый и не красавец? Так я думал тогда, исходя ревностью. Я понимал, что это не совсем так, что многие женщины были бы счастливы познакомиться со мной и даже соединить судьбу. Но мне нужна была она. Не знаю почему... Но нужен ли ей я? Теперь...

– Вика, мы так ничего и не решили, – начал я разговор. – Ты не хочешь быть со мной?

– Нет, – сказала она, – не хочу.

– А можно спросить почему?

– Нет!

– Это не разговор, Вика! Мы должны все выяснить, все решить. Дальше мы не можем откладывать разговор.

– А не надо ничего откладывать. Нет никакого «мы». Есть ты, есть я. Так всё и останется.

– Почему?

– По кочану и по капусте!

– Значит так?

– Значит так!

Я встал и пошел к барной стойке. Купил воды и колу для Вики. Подошел, отдал ей и припал к горлышку бутылки с водой. Мне казалось, я ничего не чувствовал. Пустота. Вода лилась в никуда. В космос.

– Есть один вопрос, без решения которого я не смогу ничего тебе объяснить, – вдруг сказала Вика серьезно.

Я молчал. Мне нечего было сказать.

Повисла пауза. И вдруг я услышал, что объявляют мой рейс. Я встал и закинул за плечи рюкзак.

– Ну что ж, – бодро произнес я, – вот и кончились каникулы. Извини, если что не так... Прости, не могу проводить тебя как подобает истинному джентльмену, но самолет не хочет ждать. Желаю тебе полного выздоровления и счастья в личной жизни. Как говорил один мудрец, в разлуке две трети печали оставляет себе остающийся, уходящий же уносит только одну треть. Но, кажется, к нам это не имеет никакого отношения. Уходящий уносит всю печаль. Прощай!

Я повернулся и, не ожидая ни слов, ни взгляда, пошел к выходу в зал вылета. Я шел и спиной чувствовал, как натягивались и рвались от напряжения нити, которые связывали нас.

* * *

Виктория – значит «победа». Почему-то эта фраза постоянно крутилась у меня в голове.

В интернете мы продолжали встречаться и обмениваться письмами. Обычными фразами: «Привет, как дела?», «Хорошо, как ты?», «Лечусь, почти восстановилась», «Рад за тебя». И больше ничего.

Через два месяца она написала, что полностью восстановилась. Раньше никто не верил, что такое возможно. Даже она сама. Врачи разводили руками от удивления. Не все до сих пор верят в её чудесное исцеление и, самое главное, ей сказали, что она уже может беременеть и рожать. Она счастлива. Теперь она уверена на все сто процентов, что ничто не может помешать её счастью. И теперь она собирается замуж за одного очень любимого ею человека. Я механически поздравил её и пожелал счастья. Она спросила, не собираюсь ли я жениться? Да, ответил я, как только найду подходящую кандидатуру.

Прошла ещё неделя.

Потом снова было письмо. Вика просила встретить самолет из её города, получить посылку и приглашение на свадьбу. Девушка, которая везет посылку, узнает меня сама. Она видела мое фото. «Только будь обязательно», – попросила она.

В нужное время я приехал в аэропорт. Самолет прилетел вовремя. Я стоял и ждал, когда кто-то из выходящих пассажиров подойдет ко мне. Но никто не подходил. Я сам начал высматривать кого-то, кто искал бы меня. И вдруг увидел высокую, очень стройную девушку в большой широкополой шляпе, которая явно кого-то разыскивала. Рядом, держась за руку, стояла маленькая девочка. Они стояли спиной. Я подошел и спросил:

– Простите, это вы привезли посылку?

Девушка оглянулась. Передо мной стояла Вика.

– Привет.

– Привет...

– Привет, – сказала маленькая девочка и очень серьезно посмотрела на меня.

– Здравствуй, красавица, – я узнал дочь Вики, которую видел на фотографиях.

– Какими судьбами? В гости или по делам?

– И в гости, и по делам. Замуж я выхожу.

– Знаю, поздравляю. И где жених?

– Тут. Рядом. У меня к тебе просьба. Ты не мог бы спросить у него, хочет он жениться на мне или нет?

Я ничего не мог сообразить, слишком все было неожиданно. Вика... девочка... Но постепенно стал осознавать, о чем она говорит.

– А вы что, ещё не договорились?

– Так я и приехала договориться с ним.

– Подожди-подожди, ты выходишь замуж и не знаешь, женится ли он на тебе?

– Ага.

– Нормально... А какова моя роль?

– Я же сказала, ты должен спросить у него, женится ли он на мне.

– Подожди, ничего не могу сообразить.

– Ну и тупица же ты! – Вика иронично улыбнулась – Короче, Склифософский! Ты согласен, чтобы я вышла за тебя замуж?

Я стоял и тупо пытался сообразить, насколько все происходящее реально.

Что обычно говорят в этом случае девушки?

– А я могу подумать?

– Нет! Ответ должен быть немедленно.

– Хорошо, а почему этот вопрос вдруг возник сейчас, а не два месяца назад? В связи с чем?

– В связи с заключением врачей, что теперь я точно смогу выносить ребенка и родить его!

– И что?!

– И ничего! Слушай, да что я тебя вообще спрашиваю? Ты, как честный человек, теперь обязан жениться на мне.

Я боялся озвучить свою догадку, но Вика помогла.

– Да, я беременна, уже два с половиной месяца. И теперь могу сказать об этом открыто. Я могу рожать!

– Вика! Милая! И ты мучила меня два месяца?

Вика стала очень серьезной:

– Знаешь, если бы мне не разрешили рожать, ты бы об этом никогда не узнал.

– Ну почему?! Почему?!

– Потому, что я очень люблю тебя. Очень хочу, чтобы ты был счастлив. Чтоб у тебя были дети... Чтоб у нас были дети...

Мы нежно целовались. И вдруг откуда-то снизу раздался голосок.

– Холодно вообще-то. Может, уже поедем куда-нибудь?

Эгам РАХИМ

Отметь добром свои следы

Человечность

Будь человечным. Это украшает.
Отметь добром ты все свои следы.
Пускай тебя народ твой уважает
За каждодневные твои труды.

С народом будь. Ты с ним один дом делишь.
Огнем его забот сожги свой век.
Он мать, отец, с кем сердце отогреешь,
Служа кому, зовешься «Человек».

Друг если плачет твой, а ты смеешься,
К чужому горю если глух и нем,
Где радость, где печаль – не разберешься,
Родился человеком ты зачем?

Будь человечным. Это украшает.
Отметь добром ты все свои следы.
Пускай тебя народ твой уважает
За каждодневные твои труды.

Эгам РАХИМ (1918–1977). Заслуженный работник культуры Узбекистана. Родился в 1918 г. в Хорезмской области. Окончил Ургенчский государственный педагогический институт (ныне Ургенчский госуниверситет). Автор более 20 поэтических сборников («Маърифат курбонлари», «Янги кадам», «Салом сизга Хоразмдан», «Нур дарёси», «Дийдор», «Нурли излар», «Жайхун нидоси», «Дорога счастья», «Голос сердца», «Поэма о двадцати двух» и др.).

Письмо другу

В дни радости твоей любовью
Захочет рядом быть с тобой.
Но, не дай бог, случись беда –
Лишь друг придет к тебе тогда.

Подлец, кто хлеб с тобою ест,
Тебя возносит до небес,
А в горе от тебя бежит,
Тобой уже не дорожит.

Не отходил ты от меня,
Не бросил, верность мне храня.
Я жизнь свою не так люблю,
Как я тебя боготворю.

Глазам и лицам лишь не верь.
Не торопись открыть всем дверь.
Кто говорит: «Я друг», – порой
Лишь на словах всегда с тобой.

Тот друг, с тобою кто везде –
В достатке и лихой нужде.
Как было бы прекрасно нам
Знать цену истинным друзьям!

Лица

Сияют улыбки на лицах,
Как будто друзья собрались.
Речь радостью брызжет, искрится,
И песни друзей полились.

Приехали все отовсюду –
Со всех континентов и стран.
Как много счастливого люда
Тот праздник хороший собрал!

Народы, наречья, уклады –
Широкой души мир весь тут,
Но им перевода не надо –
По лицам, глазам всё поймут.

И площадь в такие мгновенья
Похожа на дивный цветник.
Здесь песням и стихотвореньям
Черёд настаёт каждый миг.

Ах как хорошо было б, если
Весь мир точно так дружно жил,
И чтоб в нём всегда, повсеместно
Покой и дух мира царил.

Тропинки

Тропинки, тропки, милые тропинки,
Таинственные, полные легенд,
Печать времен хранящие тропинки,
Друзья вы наши с самых давних лет.

Кто встал на вас, а кто-то с вас уж сходит,
Кто счастлив был, а кто – страданьям друг.
Кто с факелом из тьмы других выводит,
Чтобы не сбились, не споткнулись вдруг.

Ну где же ваш конец и где начало?
На сей вопрос ответа не найти.
Вы вечно живы, вечно величавы,
Столетиям неподвластные пути.

Вы многоводною рекою вдаль бежите.
Проторенных тропинок лучше нет.
Добру и свету верность вы храните,
И пусть не топчет вас нечистый след.

* * *

Сердце имя твоё повторяет,
А душа лишь тебя воспеваает,
Добрый путь для тебя предрекает.
На меня обрати же свой взгляд.

Без тебя мои думы – мучения,
Ты любовь моя, ты – спасение,
Для стихов моих вдохновение,
На меня обрати же свой взгляд.

Ты мне солнце, луну заменяешь,
Мыслью сладкой, мечтой обольщаешь,
Ты всегда в моём сердце – ты знаешь,
На меня обрати же свой взгляд.

Жизнь

Ты так прекрасна, так любима!
Ничто нельзя сравнить с тобой.
Ты сад мой, двор, мой край родимый –
Всё ты объёмлешь добротой.

Ты, созидая, нам вручаешь
Правленье мудрого бразды.
Ты путь наш ярко освещаешь,
А подлецов караешь ты.

Все мои предки и потомки,
Всё сущее лишь за тебя.
Наш след в тебе – пусть самый тонкий –
Храним мы, веря и любя.

Ты нам опора и отрада.
Какое счастье, что ты есть!
Ты есть – и есть цветенье сада,
И наш покой и радость есть.

Наш путь недолог, как мгновенье.
До старости подать рукой.
Но правда то, что, без сомненья,
Ты будешь вечно молодой.

Следы, наполненные светом

Мои деньки, денечки, дни,
Вы друг на друга непохожи.
Мои деньки, денечки, дни –
Чем хлопотливей, тем дороже.

Одни веселье дарят нам
И к небу голову возносят.
Другие бьют нас по щекам,
Лишь трудности нам в жизнь приносят.

Бывают дни – не рад, что жив,
И сердце болью все исходит.
Желанье счастья распалив,
В саду души тревога бродит.

Ах, если можно было бы
Обиды обменять на радость,
А все превратности судьбы –
На круг друзей, на встречи сладость...

Давайте радость доставлять,
Друзей счастливить в мире этом,
И в жизни только оставлять
Следы, наполненные светом.

Веленье души

Ничто не сравнится со встречей,
Что души питает теплом.
И пусть задушевные речи
Заставят забыть о плохом.

Беседы душевной мгновенья,
Как золото, ценны, пойми.
Ты к другу яви уваженье,
Веленье души устреми.

От чуждых себе будь далече.
Их злобы камней не вкушай.
Стремись только к дружеской встрече,
Где душу ласкает душа.

Перевод с узбекского Камил ТИЛЯБАЕВА.

Камил ТИЛЯБАЕВ. Родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил химический факультет НУУз. Кандидат химических наук. Работает преподавателем в Ташкентской международной школе.

Анна АХМАТОВА

1889–1966

Я буду помнить звездный кров...

23 июня исполняется 130 лет со дня рождения Анны Ахматовой. В годы Второй мировой войны она, как и многие российские деятели культуры и искусства, была эвакуирована в Ташкент. За время пребывания появились «ташкентские стихи», в которых запечатлен Восток, каким его восприняла Ахматова. Очарованная им, она создает свой неповторимый образ Азии – с одной стороны, такой узнаваемой и очевидной, с другой – поражающей неожиданностью красок и характеров, щедростью души. Редакция предлагает подборку стихотворений А. Ахматовой о «ее» Востоке, написанных в годы пребывания в Ташкенте и позже, после возвращения в Ленинград.

* * *

Ты, Азия, – родина родин!
Вместилище гор и пустынь...
Ни с чем предыдущим не сходен
Твой воздух – он огнен и синь.
Невиданной сказочной ширмой
Соседний мерещится край,
И стаи голубок над Бирмой
Летят в нерушимый Китай.
Великая долго молчала,
Закутавшись в пламенный зной,
И вечную юность скрывала
Под грозной своей сединой.
Но близилась светлая эра
К навеки священным местам.
Где ты воспевала Гесера,
Все стали Гесерами там.
И ты перед миром предстала
С оливковой веткой в руках –
И новая правда звучала
На древних твоих языках.

* * *

Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Ташкент! – прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам, и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...
Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...

Еще одно лирическое отступление

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах – дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя, –
Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи¹
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи
Под огнедышащим закатом.

И яблони, прости их Боже,
Как от венца в любовной дрожи.
Арык на местном языке,
Сегодня пушенный, лепечет.
А я дописываю «Нечет»,
Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя,
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак.

¹ «M-Ile Fifi» – в одном. рассказе Мопассана – прозвище нем. офицера, отличавшегося изощренной жестокостью. – Прим. А. Ахматовой.

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

* * *

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

* * *

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной.
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

* * *

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Всё так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Всё те же хоры звезд и вод,
Всё так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

Ташкент зацветает

Словно по чьему-то повелению,
Сразу стало в городе светло –
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

* * *

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

* * *

Как в трапезной – скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
Все равно...
И зацветает ветка над стеною.
В изгнании сладость острая была.
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда.
Нам родина пристанище дала.¹

¹ Подборка стихотворений Анны Ахматовой публикуется по изданию: Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. – М.: «Правда», 1990.

РАХМАТ, ТАШКЕНТ!

В годы Второй мировой войны Узбекистан приютил тысячи деятелей литературы и искусства, эвакуированных с театра военных действий в тыл. Ташкент для многих из них на всю жизнь превратился в драгоценнейшее воспоминание души. В биографии Анны Андреевны Ахматовой наш город тоже занял особенное место.

Столица Узбекистана стала родным домом для нее 9 ноября 1941 года, когда первый большой поезд с эвакуированными писателями прибыл на ташкентский вокзал.

Всех, кто ехал в «писательском» поезде из Москвы, сначала разместили в техникуме на Педагогической улице (теперь там находится здание хореографического училища). Но вскоре А. Ахматовой выделили место в общежитии Управления по делам искусств (улица Карла Маркса, дом 7). Битком набитое эвакуированными русскими литераторами тесное общежитие получило в те годы шуточные прозвища «Воронья слободка», «Олимп» и даже «Ноев ковчег» (ибо, как говорили сами обитатели, там размещалось «каждой твари по паре»). В сохранившемся официальном списке жильцов мы встречаем упоминание семей Антокольских, Габриловичей, Городешких, Радзинских, Лидиных. В этом доме поселили сына Марины Цветаевой Георгия Эфрона (Мура).

Когда-то в старом двухэтажном здании, выходившем своим непритязательным фасадом на главную площадь города, размещалось афганское генеральное консульство. Затем здесь работали различные государственные учреждения. В ходе реконструкции центра Ташкента после землетрясения 1966 года исторический дом был снесен. Расположение знаменитого писательского «Ноева ковчега» приблизительно соответствует верхнему окончанию пандуса, что сооружен рядом с гигантским фонтаном на площади Мустакиллик. Именно здесь, в крохотной восьмиметровой комнатке на втором этаже, и жила Анна Андреевна почти все время ее пребывания в Ташкенте. До войны в этом помещении располагалась касса, поэтому в двери было прорезано оконце, снабженное снаружи приступкой для выдачи денег. Оконце забили фанерой, но все равно характерный колорит кассы сохранялся, так что одна из подруг А. Ахматовой даже пошутила однажды, что судьба в трудную годину поместила самую безденежную из русских поэтесс в пространство, где ранее постоянно шуршали денежные купюры...

Тесная комнатка, которую Корней Чуковский сразу окрестил «кельей», стала подлинным средоточием всех лучших творческих сил в Ташкенте. Писатели, художники, артисты, академики – кто только не бывал здесь у А. Ахматовой! В ближайший круг ее знакомых и друзей входила вдова Осипа Манделштама Надежда Яковлевна, всенародно любимая киноактриса Фаина Раневская, писательница Лидия Чуковская, семьи известных литераторов Луговских, Штоков и Цявлонских, автор «Чингизхана» Василий Ян, Алексей Толстой, поэтесса Ксения Некрасова. Запросто приходили сюда узбекские писатели Айбек и Хамид Алимджан, забегали начинающие поэты, почитатели ее таланта. Здесь задумывались программы многочисленных концертов в ташкентских зрительных залах и госпиталях, здесь рождались стихи и составлялась долгожданная книга «Избранное» А. Ахматовой, которая всем на удивление вдруг получила цензурное разрешение и вышла в Ташкенте в апреле 1943 года тиражом 10 000 экземпляров (Ахматову ведь не печатали целых двадцать лет!). Тонкий, но емкий ташкентский томик вместил лучшие образцы творчества Анны Андреевны – от давнего «Сероглазого короля» до сразу ставшего хрестоматийным «Мужества»:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

Это стихотворение А. Ахматовой было опубликовано в «Правде» 8 марта 1942 года. Поэтесса продиктовала свое «Мужество» по телефону в Москву из Ташкента.

Взлеты и падения, горе и радость чередовались в жизни Анны Андреевны с удивительным постоянством. Перед Второй мировой войной ее стихи, столь любимые читающей Россией еще до революции, не появлялись в советской печати. Попытка выпустить сборник произведений А. Ахматовой, предпринятая Алексеем Толстым в 1940 году, окончилась крахом: уже отпечатанный тираж по приказанию «ревнителей социалистического реализма» пошел под нож.

Мне рассказывала в шестидесятые годы XX века ташкентская тележурналистка Надежда Саввична Крикун (в годы войны она, студентка-филолог, была замужем за известным литературоведом А. Эфросом и вместе с ним эвакуировалась в Ташкент): рядовые читатели той поры полагали, что знаменитой поэтессы Серебряного века Анны Ахматовой уже давно нет в живых, приходилось переписывать для себя ее пронзительные стихотворения из редких дореволюционных изданий. «И вдруг, – говорила Надежда Саввична, – я вижу живую Ахматову из окна госпиталя, размещенного в ташкентской средней школе № 50! Мы в свободное от учебы время добровольно дежурили во временных госпиталях, которых только в одном Ташкенте было около пятидесяти. Сначала я не поверила глазам своим».

Конечно, жилось эвакуированным трудно. В непривычном климате и при скудном быте А. Ахматова часто болела. Из «Ноева ковчега» увезли больную тифом поэтессу в клинику прославленного ТашМИ (Ташкентского медицинского института). Хвала узбекским медикам, они сумели поставить ее на ноги!

Как рассказывала Н. С. Крикун, условия жизни в писательском общежитии на улице Карла Маркса были весьма спартанскими. Именно поэтому, когда появилась возможность их улучшить, Анне Андреевне предложили переехать в освободившуюся комнату на балахане «белого дома на улице Жуковской». Этот типичный для Ташкента одноэтажный дом-курбанча с балаханой принадлежал Союзу узбекских писателей. До предела «уплотненная» жилплощадь превратилась в подлинную «интеллектуальную Мекку» Ташкента военных лет. Жаль, что этого дома теперь нет, на его месте после землетрясения 1966 года построена стандартная жилая многоэтажка (улица Азимова, дом 54).

Тут витала тень Михаила Булгакова – его вдова Елена Сергеевна как главную драгоценность привезла в эвакуацию рукопись нигде не опубликованного тогда романа «Мастер и Маргарита». Это вместо серебряных подстаканников, которые можно было бы выгодно поменять на продукты в закоулках Тезиковки! Опасную рукопись – ее ни в коем случае нельзя было показывать вездесущим чекистам – разрешалось прочитать только некоторым обитателям дома, доверенным лицам. Пройдут годы, и благодаря ташкентцам, тайно читавшим эту «крамольную» рукопись в «белом доме на улице Жуковской», великий роман «Мастер и Маргарита» будет, наконец, напечатан и уйдет в мир.

Рядом с Е. С. Булгаковой в доме на той улице жила большая семья вдовы Осипа Мандельштама Надежды Яковлевны и великолепный поэт Владимир Луговской с матерью и сестрой. Сестра В. Луговского Татьяна, талантливая художница, сохранила для нас в своих акварелях облик и внутренние интерьеры этого ташкентского дома. На них можно увидеть и черного кота Яшку, которому уже

после войны бывшие эвакуированные в письмах из Москвы слали шуточные приветствия, неизменно величая его Бегемотом...

*Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна и духота кругом,
Когда закрыта дверь и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, –
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.*

Именно это ташкентское стихотворение, написанное в «белом доме на улице Жуковской» в 1944 году, было взято для несправедливых нападок «генералов от литературы» на творчество А. Ахматовой в пресловутом «Постановлении о журналах "Звезда" и "Ленинград"» 1946 года. Но ташкентцы всегда воспринимали эти строки как прекрасно запечатленные гениальным поэтом мгновения ее жизни.

Сердечность и забота узбекского народа, весь строй духовной жизни Ташкента в трудных условиях перенаселенного глубокого тыла в эти годы вернули поэтессе полную уверенность в собственных силах. За предвоенное десятилетие Анна Андреевна написала не более двадцати стихотворений, а творческим итогом ее работы над словом в эвакуации стало более сотни великолепных произведений, в том числе «Поэма без героя», которой А. Ахматова придавала особое значение.

Эвакуированный в Ташкент «красный граф» Алексей Николаевич Толстой познакомил ее с замечательным человеком, выдающимся польским художником и поэтом Юзефом Чапским. В современной Польше Ю. Чапского называют личностью-символом, моральным авторитетом и настоящим свидетелем XX века. Блестящий писатель, эрудит и тонкий художник служил ротмистром польской армии и в начале Второй мировой войны оказался в советском плену. Он был одним из тех немногих польских офицеров, кому удалось избежать расстрела в Катыни. В штабе формировавшейся под Ташкентом польской армии под командованием генерала Владислава Андерса Ю. Чапский выполнял роль пресс-атташе.

*В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики...*

*И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, –
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.*

Эти строки Анна Андреевна посвятила Юзефу Чапскому. Специалисты по творческой биографии А. Ахматовой считают, что образ Ю. Чапского в какой-то

степени просвечивает сквозь образы других прототипов Гостя из Будущего в последовательно сменяющих друг друга редакциях ахматовской «Поэмы без героя».

Как пишет знаток творчества Анны Андреевны Татьяна Позднякова, польский поэт-офицер был для Анны Ахматовой после долгих десятилетий первым человеком «оттуда». Символично, что она встретила «европейца» на древней азиатской земле. Юзеф Чапский казался гонимой в сталинские времена великой русской поэтессе «ближе, чем все остальные здесь».

Татьяна Позднякова, сотрудник Музея А. Ахматовой в Фонтанном Доме Санкт-Петербурга, была российским куратором международной выставки «Тень моя на стенах твоих», которая была организована в выставочном зале ташкентского Музея С. Есенина в первой половине 2000 года. Петербуржцы привезли в Ташкент двести подлинных экспонатов, рассказывающих о жизни Анны Ахматовой в столице Узбекистана в годы войны. Более четырех тысяч человек с огромным интересом познакомились тогда с этой выставкой. С воспоминаниями о поэтессе выступали на выставке лично знавшие А. Ахматову ташкентцы, в том числе и воспитанница Анны Андреевны – ташкентская писательница Зоя Туманова. Мне приходилось слышать эмоциональные рассказы Зои Тумановой еще и раньше, когда в Ташкенте на самом высоком уровне отмечалось столетие со дня рождения Анны Ахматовой. Тогда к нам приехали из России друзья и поклонники творчества великой русской поэтессы. Кроме торжественного заседания Союза писателей Узбекистана, была отснята большая передача на Узбекском телевидении. Во время съемок мне удалось познакомиться и поговорить с другим воспитанником Анны Ахматовой, талантливым писателем Валентином Берестовым. Валентин Берестов опубликовал замечательные мемуары о своей поэтической юности в тыловом Ташкенте. Так что о ташкентском периоде жизни и творчества Анны Ахматовой мы сегодня знаем достаточно много. Теперь напечатаны воспоминания ташкентской подруги Анны Ахматовой Галины Лонгиновны Козловской «Шехерезада. Тысяча и одно воспоминание» (2015). Именно ей и ее мужу, композитору Алексею Козловскому, писала Анна Андреевна после войны в Ташкент: «Всегда помню и люблю». Эти слова относятся не только к ним лично, они написаны всем нам, ташкентцам.

Покидая столицу Узбекистана 13 мая 1944 года, Анна Ахматова создала стихотворение с посвящением «в память о нашем Ташкенте»:

*Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю,
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Ташкент, – прости, прости,
Мой тихий древний дом.*

И Ташкент отвечал и отвечает ей благодарностью и любовью. Лучше всего об этом, кажется, написал Айбек:

*И всех наречий первородство
Войне и горю вопреки
Неоднократно отзовется
Еще в судьбе ее строки.*

Борис ГОЛЕНДЕР, краевед, журналист, писатель.

МУХАММАД АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея
Книга четвертая*

ШАХРУХ МИРЗА¹

Глава восемнадцатая

I

Румского правителя, закованного в кандалы, перед вечерней молитвой привели в Хумаюн Урду. Увидев заклятого врага, безжалостного Йылдырыма Баязида со склоненной головой, все решили: теперь уж Сахибкиран воздаст ему по заслугам, отомстит! И наказание его будет жестоким. Даже обычно невозмутимый Мир Сай-йид Барака немного растерялся. До сего времени было завоевано двадцать семь стран, но никогда еще не случалось такого, чтобы правителя привозили в Хумаюн Урду в кандалах. Да... Подумать только: блистательный султан, еще вчера повсеместно известный, после победоносных сражений обращавший страны в своих вассалов, по воле судьбы оказался в таком положении!.. Стал пленным... слабее муравья. О, до какой же степени хрупок этот непостоянный и переменчивый мир!

Увидев издали султана Йылдырыма Баязида Молниеносного в кандалах, в изорванной кольчуге, с окровавленным лицом, Сахибкиран почему-то опечалился. Но виду не подал. Подумал: «Не зря его прозвали “Молниеносным”. Мир держится на отважных! Ведь и его старший сын Сулайман Чалаби, и бесстрашный князь Стефан, и Эврунус-бей, и Ходжа Феруз, да и другие знатные полководцы... бежали с поля боя, чтобы свою жизнь сохранить, оставив своего султана одного! А он не сбежал! Он смелый, мужественный воин, а мужественные достойны уважения и чести! Кто-кто, а уж я это хорошо знаю! Да, румский правитель не бежал во весь дух, как Тохтамышхан, а отважно кинулся в бой. И уже тем заслужил почет...» Вспомнилось ему: покойный Амир Давуд-дуглат как-то рассказывал, что когда два боевых петушка дерутся и один из них умирает во время боя, то он, погибший, и считается победителем. Потому что поле боя не бросил, не сбежал! Наоборот, в бою погиб.

И открылась душа Сахибкирана, пробудились в ней добрые чувства:

– Освободить султана, снять оковы с ног и рук! Одеть в чистые, дорогие одежды! – приказал Амир Темур. – Он – султан, а султанам уважение и почет особый!

Все были ошеломлены услышанным. Мухаммаду Султану это очень не понравилось! Однако, памятуя о том, что слова падишаха не обсуждаются, он заставил себя молчать. Шахрух Мирза знал, что его почтенный отец – личность благородная, и поступки его тоже благородны, а истинное значение его решений не всегда порой понятно окружающим, хотя сам он никогда не сомневался в них.

Историк Низамиддин Шами в своей неизменной, подобной репе, гладкой, словно отшлифованной, чалме из кисеи до того был изумлен, что даже палец себе прикусил, чтоб сдержать возглас удивления... О великий Творец, насколько же сильная натура Сахибкиран! Если бы сейчас у него спросили, знает ли он человека,

¹ Журнальный вариант. Продолжение. Начало в № 5, № 6, 2018, № 1, № 2, 2019.

который смог бы преодолеть... самого себя, он ответил бы: «Да-да, конечно же знаю! Вот он – Амир Темур!» А если бы спросили, может ли он указать на такого человека, в котором сочетались бы великодушие, смелость, мужество, щедрость и сострадание, вместе взятые? Всему миру он дал бы тот же ответ: «Сахибкиран!..»

Историк уже обдумывал в какой главе и на какой странице книги, которую он сочиняет, отобразить увиденные события. Надеялся, что именно главы, посвященные отношениям Амира Темура и Йылдырыма Баязида, придадут ценность его манускрипту.

Сахибкиран оказал румскому правителю в Хумаюн Урду почет, подобающий великим правителям, и приказал посадить его напротив. Хотя он выиграл немало битв, но еще никогда к нему в плен не попадал падишах, да к тому же столь могущественный... Обычно враги спасались бегством. На секунду его охватило волнение. Он вспомнил, как посланник Аллаха Мухаммад – да благословит его Аллах и приветствует, – повстречав своего врага, подстелил ему свою мантию. Когда спросили его: «Зачем вы так поступили?» – великодушный Пророк ответил: «Известие мне было от великого Тенгри, доставленное Джабраилом – да будет над ним мир, – он научил меня такой вежливости, теперь я буду встречать уважаемых людей каждого племени с самым высоким почетом». Амир Темур всегда об этом помнил.

Низамиддин Шами, перечитав бесчисленное число страниц из летописи мировой истории, мало встречал описаний подобных встреч в трактатах. Он ошущал себя так, будто бы сам Тенгри, проявляя заботу об историке Низамиддине Шами, чтобы украсить его книгу, в которой описываются чрезвычайно значительные события, подсказывает ему интересные истории, дабы поднять ее на высочайший уровень, он специально свел двух правителей лицом к лицу и повелел, чтобы между ними произошло великое сражение... Действительно, он не мог вспомнить, чтобы какой-то другой историк был удостоен такой чести: увидеть своими глазами встречу двух величайших полководцев, которые сошлись в жесточайшей битве – в битве не на жизнь, а на смерть, а потом сидели бы друг против друга в падишахском шатре как ни в чем не бывало и негромко беседовали. Ему даже неловко было созерцать все это. Уму непостижимо! Уж на что Сахибкиран искусный шахматист, но и он никогда не видел, чтобы два короля на одной доске подошли бы так близко друг к другу...

Йылдырым Баязид поклонился и остался удрученно стоять. Он никак не ожидал, что его встретят с таким почетом, и был поражен, не понимая, как ему вести себя. За какие такие заслуги встречают его столь великодушно? Может, за те оскорбительные слова, что вырвались у него в приступе высокомерия? За то, что нарочно заставил Амира Темура целых два месяца ждать в крепости Ховник ответа, так и не удосужившись отослать послов?

Да, Сахибкиран, оказывается, человек совсем другого склада... не то что... султан Баязид. Сейчас он понял горькую правду.

– Ну, что теперь? – спросил его Амир Темур. В его вопросе не было ни иронии, ни сарказма или злости. – Мы как могли всячески старались образумить вас, но вы так и не услышали наших слов... Справедливость каждый должен искать в первую очередь в себе.

– Мы сами виноваты во всем случившемся, Амир Сахибкиран! Сами навлекли на себя страшную беду! Не услышали вас... Не искали в себе справедливость... – с горечью сказал Йылдырым Баязид, кланяясь. – Жаль!.. Как же жаль!.. Если бы я погиб на поле боя, это была бы самая достойная участь для меня! Но Аллах покарал меня, оставив в живых, чтоб увидеть своими глазами свою несчастную черную судьбу!

– Не надо сокрушаться над тем, что уже прошло, следует радоваться достижениям, – миролюбиво сказал Амир Темур. – Некоторые воспринимают

победу как случайную удачу на поле боя. Но для нас победа – это наша судьба, удел, наша доля. Аллах даровал нам победу, хвала Аллаху! Но пусть всему миру будет известно: я никому не желаю зла! Вам, султану, и вашим людям ничего, кроме хорошего, не намерен делать!

– Пусть ваш салтанат процветает долгие-долгие годы, и да поможет вам в том Аллах! – поднял руки в молитве румский правитель, до сего момента бывший заклятым врагом, а теперь пораженный удивительным великодушием туранского султана и бессильный что-либо сделать в ответ. – Когда на голову сыплются несчастья, утешает одно: ты наконец осознаешь, насколько враг твой оказался могущественным... Да и есть ли в подлунном мире тот, кому зло возвратилось бы добром? Хвала великому Тенгри, это я. И все это благодаря широкой душе вашей. Что ж тут удивляться, если солнце шлет лучи всему миру, а редкостный жемчуг находится на дне бескрайнего и всегда волнующегося океана! Если дланью милосердия вычеркните наши грехи и простите сего нечестивого раба, проявившего столько непослушания, пока буду жив, вместе с детьми своими готов служить вам верой и правдой!..

– Для нас примером служат слова Пророка – мир ему и благословение Аллаха, – вступил в разговор Мир Саййид Барака.

«Амир Сахибкиран, конечно, простит его! – подумал про себя Низамиддин Шами. – Прощение состоит уже в том, что он не отдал в спешке фирман – повесить, казнить, а с почетом и уважением разговаривает с ним!»

«Все, что я вижу сейчас, все должно послужить мне уроком и примером, – подумал Мухаммад Султан. – Значит, каким бы заклятым ни был твой враг, подобно Амиру Сахибкирану, нужно уметь сдерживать свои неприязнь, вражду, ненависть...»

Исполненный чувством благодарности, Йылдырым Баязид вдруг зарыдал. Откровенно говоря, он никогда не плакал и прекрасно понимал: не к лицу мужчине проливать слезы, тем более правителю... Но ничего не мог с собою поделаться! Э-эх, чего же он добился, не выдав Кару Юсуфа? Да и где сейчас этот Кара Юсуф? Или Султан Ахмад-жалайир? Ведь это они наговорили всякого и убежали, спасая свои души! Лучше было бы ему погибнуть на поле брани... Да, сам не подозревая, он оказался игрушкой в руках этих нечестивых, сам навлек несчастья на свою родину, за которую предки жизни свои отдавали, а он так неразумно отнесся к происходящему, к сегодняшнему дню и завтрашнему. Он был поражен, как внезапно этот мир может отвернуться от человека, подобно неверной женщине... Караван времени, оказывается, давным-давно ушел, и столько сделано упущений... Его буквально сжигал огонь сожаления... Как все это объяснить? С кем поделиться? Где найти утешение? То ли на небо ему улететь, то ли сквозь землю провалиться? Как говорят, еще утром он был великим Амиром, а теперь – простой пленник. Сыновья его разбежались, на поле битвы полно трупов, страна разорена, мир перевернулся вверх дном... И все это было в каждой горькой слезинке, лившейся из его глаз...

II

Амирзаде Халил Султан по окончании войны с Йылдырымом Баязидом собирался обратиться к Мухаммаду Чураге-дадхаху с просьбой хлопотать перед Амиром Сахибкираном, чтобы тот направил его в Самарканд, поручив ему дела в столице. Уж больно соскучился по родному краю! После смерти Амира Сайфиддина-некуза непомерные страдания любви к несравненной красавице Шадимульк, образ которой был окутан поэтическими грезами, не оставляли его.

На машварате в крепости Анкурия, состоявшемся уже после завоевания Рума с участием знатных и почетных людей Турана, разговор шел о предстоящих делах салтаната. Чувствовавший себя так, будто попал в другое время,

Йылдырым Баязид с сыном Мусой расположились в углу, на другой стороне сидел архиепископ Султании Иоанн III.

– Полагаю, всему миру известно, что в Туранском салтанате девять частей государственных дел из десяти решается через совет, и только одна – посредством меча, – сказал Сахибкиран. – И что удивительно, иногда все девять частей не могут устоять перед напором одной части, и лежащие дотоле мечи сами выскакивают из ножен!

Он рассказал о том, как был покорен Рум, подчеркнул, что не было намерения воевать с Румом, но из-за множества бесплодных разговоров – и Бог тому свидетель! – случилось непредвиденное – мечи засверкали в воздухе. Прежде чем озадачить беков, Сахибкиран строго-настрога приказал:

– Где есть враги – уничтожить! Но, если кто-то хочет примирения, вину его простить и принять как своего! Мавляна Шами, внесите это в свою книгу истории!

– Пусть Аллах способствует преумножению ваших успехов! Я все непременно отмечу в своей книге! – поклонился, скрестив руки на груди, Низамиддин Шами.

– Сие есть истина. Лик ваш пусть осветит сам Аллах, Амир Сахибкиран! – добавил Пири муршид.

В это время вошел Мухаммад Чурага-дадхах и приблизился к трону:

– Амир Сахибкиран! Ваше приказание выполнено: послы Его величества короля Энрико III, прибывшие из далекой Кастилии, ожидают вашего высочайшего приема! – и негромко добавил: – Мы их нашли. Заблудились они в степи, сбились с пути.

За время своего пребывания в Дамаске, в Алеппо, в Султании, в Карабахе Амир Темур принял немало послов из Европы. Он всегда старался оказать им должное уважение, воспринимал их приезд благожелательно.

– Послы и посланники могут гораздо лучше наладить отношения между салтанатами, нежели войска и оружие, – сказал Амир Темур. – Пусть войдут!

Вошедшие послы приковали к себе внимание всех присутствующих. Их необычная одежда удивляла азиатов: в больших многослойных гофрированных белых воротниках, плотно застегнутых на шее, в треугольных шапках... Пайо де Сото Майор был примерно тридцати пяти лет, а второй был неопределенного возраста. Приблизившись к трону, они остановились на расстоянии пяти шагов, преклонив правые колена и склонившись в церемонном поклоне, принятом в Европе.

Послы преподнесли Мухаммаду Чураге-дадхаху послание своего короля с добрыми пожеланиями и подарки, а тот передал все в руки стоявшего рядом Мухаммада аль-Кеши.

– Оказать послам всевозможное внимание! – приказал Амир Темур, повернув лицо в сторону Пайо де Сото Майора и Эрнана Санчеса де Паласуэлоса. – Составить послание доблестному королю Кастилии. Приготовить подарки.

Настало время огласить фирманы:

– Шахзаде Мухаммаду Султану следует отправиться в столицу Рума и завоевать Бурсу! Амирзаде Абу-Бакр, Джаханшах ибн Жаку и Шейх Нуриддин-бахадур будут сопровождать его. Шейху Нуриддину-бахадуру поручается весть государственной казной... Книги из библиотеки Бурсы отправить в Самарканд. Если найдется там сундук «Цветник сокровищ», доставить незамедлительно к нам... Говорят, что пролив Искандар¹ и его окрестности славятся упрямыми людьми, не желающими подчиняться. Пусть беки едут туда и захватят все и всех!

Мухаммад Султан подошел к Сахибкирану и низко поклонился. Сердце Халила Султана затрепетало: «Похоже, для каждого амирзаде есть какое-то поручение! Дай бог, чтобы и для меня что-то нашлось... Было бы отлично, если

¹ Искандар – т. е. Босфор

бы, почувствовав, что у меня очень важное дело в Самарканде, меня отправили туда... О Аллахе, лишь бы это был Самарканд!»

– Шахрух Мирза во главе войска из десяти туманов вместе с Амиром Шахмаликом, Мирзой Алибеком и другими беками направляется в сторону Кулхисара, Остануса и Кабтара, а оттуда в Испарту... Амирзаде Султан Хусайн и амирзаде Искандар в сопровождении Амира Сулайманшаха и других знаменитых амиров, отправляются в Кунью, Акшехр, Карахисар, Аланию и Адалию...

И тут тема разговора переменялась:

– Царям составить «Фатх-наме»¹ – весть о победе над Румом – от имени престолонаследника Мухаммада Султана и послать в Иран и Туран. Еще одну весть направить в Султанию, в гарем... в Самарканд...

Вот тут глаза Халила Султана засверкали.

– Разослать фатх-наме повсюду: в Кабул, Забул, Синд, Персию, Сеистан, Хотан и Бадахшан, Хорасан и Хорезм, Мазандаран и Табаристан, Гилон и Азербайджан, иракский Араб и иракский Аджам, вплоть до Кашгара!

Настроение Халила Султана окончательно испортилось. Во-первых, все фатх-наме велено было составить от имени наследника. Если Мухаммад Султан – правнук Узбекхана, то Халил Султан тоже такой же правнук! Он тоже воевал, не шадя себя, участвовал в анкурийской битве, готов был жертвовать собой, чуть даже не погиб... Когда он, четырнадцатилетний амирзаде, в Хиндустане, мужественно усмирив и обуздав слона, привел его в Хумаюн Урду, о нем все говорили, до сих пор помнят люди. Но сейчас его имя нигде не упоминается... И далее – другие, не упомянутые, амирзаде, остаются в Руме!.. Перед глазами мелькнула дорогая его сердцу Шадимульк... Взглянув на него своими раскосыми глазами с длинными ресницами, дрожащими от обиды, она с упреком молвила: «Да неужели не знаете, как мы томимся без вас?..» И в этот момент Сахибкиран упомянул его имя:

– Амирзаде Халилу Султану с войском отправиться в сторону Самарканда, оттуда двигаться в сторону Туркестана, чтоб обезопасить все окрестные пути. Сделать марш-бросок до границы с Китаем, очистив дорогу от врагов! Мубашшир-бахадур, Худайдад Хусайни и другие амиры будут помогать ему.

Халил Султан, как пушенная из лука стрела, вскочил с места и поклонился, сложив руки на груди:

– Благодарю вас за доверие, за великое благодеяние, Амир Сахибкиран! – сказал он, целуя подол халата Амира Темура и несколько раз приложив его к глазам, полным слез.

«Эх, обожаю своего деда! Обожаю!..» – умиленно признался он самому себе. Амирзаде чувствовал себя бесконечно счастливым... Ему не терпелось отправиться в путь тотчас же! Настроение было великолепное. Мир сиял, светился, улыбался...

Возвращаясь в Самарканд в сопровождении знатных людей и их окружения, Халил Султан чувствовал себя на седьмом небе от счастья. В пути его чествовали, и амирзаде мнил себя героем, самолично взявшим в плен Йылдырыма Баязида. По возвращении он тут же занялся делами салтаната. И так их было много! Казалось, он связан был по рукам и ногам.

Покончив с официальными делами, вспомнив, как поступал его дорогой дед, не сообщая никому ничего, он раздобыл одежду дервиша и, стараясь, чтобы никто его не узнал, прошелся по базарам. Зашел в ряды, где торговали бакалеей, зерном, пересек всегда шумный и людный мясной ряд, потолкался в лавках продавцов требухи и вареных голов, заглянул к кузнецам, прошелся по тканевому ряду, не позабыл хлебопекон, наведаясь к корзинщикам, погулял по лавкам сладостей.

¹ Фатх-наме (араб.) – реляция о победе.

Он исподтишка приглядывался, как работают налоговики, интересовался ценами, чтобы понять, не завышены ли они... Понимал: раз уж Сахибкиран отправил внука в Самарканд, так дело нужно начинать именно с этого. Дед поручил ему, чтобы он всегда следил за ценами и наказывал за завышение. Прогуливаясь по базару, он кое-что отложил себе в памяти. И куда бы ни шел, везде слышал о том, что любимый внук Сахибкирана Его высочество Халил Султан вернулся из Рума с победой! Вернувшись в Куксарай, тут же вызвал к себе великого визиря Мухаммада Жалда.

– Господин великий визирь! Давно ли вы были на базарах? – спросил амирзаде, глядя на него строгим взглядом. – Почему цены там выросли до небес?

Великий визирь так и застыл на месте.

– Заходил-заходил... – стал он что-то мямлить в ответ.

– Все-таки... Амир Сахибкиран поручил нам обращать внимание на жизнь людей. Господин визирь, вы в курсе, что творится? И потом... когда я просматривал тетради деван-ханы, в руки мне попался один странный список... – строго продолжил Халил Султан. – В этом списке знатных людей, амиров, беков, высших государственных чиновников, которым полагается выделять из казны продукты, снедь, яства, допущены ошибки... Написано, что выдано одно яйцо, а на самом деле унесена курица, вместо одного мана¹ мяса выдали целого барана, вместо мана ячменя увезли десять манов, вместо торбы сена увезли целый харвор²! Где остальное? И кто позволил поступать бесчестно? Все вернуть в казну!

Великий визирь, не зная, куда деть свои короткие пухлые руки, замешкался, на лбу выступил пот... Он хотел что-то пояснить, но, кроме невнятного мычания, ничего у него не получилось.

– Провести ревизию у каждого мясника, каждого торговца бакалеи, торговцев хлебом! Налоговиков пусть проверят отдельно! – приказал Халил Султан, а потом добавил: – Завтра сразу после полуденного намаза пойду в Соборную мечеть, посмотрю, как идет строительство.

– Конечно-конечно! Все будет исполнено, Ваше высочество! – поклонился ему Мухаммад Жалд, сложив пухлые руки на груди. Когда он встал, ноги вдруг стали такими тяжелыми, что он еле-еле выбрался из Куксарая...

Тут же вошел слуга доложить Халилу Султану, что его ожидает Халдана-биби.

– Мома... Та невольница... – немного смущаясь и запинаясь, начал амирзаде, когда та вошла.

Сметливая женщина, прервав его на полуслове, взяла инициативу в свои руки:

– Да-да! Вы мой родной, ради кого жизнь свою я готова отдать! Поняла я вас, поняла... Вы говорите про Шадимульк? – Халдана-биби, которой очень шла черная родинка с маленькую горошинку с правой стороны, ближе к носу, с хитрой улыбкой посмотрела на амирзаде, будто хотела сказать: «Да в курсе я, знаю про вас все...»

– Она... где?

– В Самарканде живет, в махалле Кук-масжид, у родителей.

– Она... свободна? – смущаясь, спросил ее амирзаде.

– Совсем недавно мы в той махалле проводили мушкулькушод³, – сказала биби. – Я сама там о ней соседок расспрашивала. Потом даже удалось встретиться с ней. Оказывается, ходят к ним сейчас сваты... Стройенькая такая, будь она неладна!

– Что? Сваты?..

– Ну да. К незамужней женщине в дом сваты навевываются. Да и лицом она вышла, брови так и порхают, и глаза у нее горят... много желающих... Покойный Амир Сайфиддин-некуз буквально силой забрал ее к себе в свое время...

¹ Ман – мера веса, примерно равная килограмму.

² Харвор – примерно 300 кг.

³ Мушкулькушод – религиозное женское собрание.

– Да знаю я все... – взволнованно сказал амирзаде. – И что теперь?

– Шадимульк всем сватам отказывает.

– Всем отказывает?

– Она всем сватам говорит: «Я – невольница, у меня есть хозяин».

– Что-что? У нее – хозяин?..

– Амирзаде мой... оказывается, она вас любит... – разоткровенничалась Халдана-биби. – Да кто же вас не любит? Любая девушка мечтает о вас... А Шадимульк-то мне открылась... Сказала, что запали вы ей в душу. Оказывается, она считает себя вашей невольницей...

Сердце Халила Султана затрепетало:

– Что-что?.. Момаджан... значит, Шадимульк – моя невольница!

«Да! Вот именно этого я и хочу: сделать ее своей невольницей!» – подумал он.

Амирзаде так покраснел то ли от радости, то ли от смущения, что ему захотелось спрятать свое лицо от мамы. Наклонившись, он стал что-то шептать ей на ушко. Халдана-биби, глядя в землю и положив руку на сердце, внимательно слушала его.

– Поняла-поняла! Хорошо! Конечно же, сердечко мое! Нет-нет! Сначала вы примите ее как невольницу, а уж потом она станет вашей... Да, вашей собственностью... В моей махалле есть усадьба небольшая, будто специально для тайных свиданий, о которых вы сейчас говорите. Для влюбленных, для тех, кому лучше затаиться...

Спустя два дня Халил Султан прочитал письмо, которое накануне поручил составить писарям. В послании Сахибкирану описывалась ситуация в салтанате. Как раз в это время на пороге, приложив руку к груди, появился его опекун Худайдад Хусайни.

– Как ваше настроение, мой амирзаде? – спросил прославленный своей смелостью невысокий, полный Худайдад Хусайни, глядя своими узкими глазками...

– Лучше не спрашивайте! На душе у меня, как у никчемного мастерового – полный беспорядок, – ответил Халил Султан. – Ничто мне сейчас не мило... Эх! Я видел ее только один раз. Мир для меня переменялся. Такую красавицу я еще не встречал! Вот уже год, как страдаю... Это, наверное, красавица-пери с горы Кухи Каф! Как увидел ее, сердце кровью облилось!

– Ах как легко обливаются сердца молодых, диву даешься! Что за сердца! А супруга ваша Джанх Султан-бегим... как она на это посмотрит?

– А что, я должен у нее спрашивать: «Как вы на это смотрите, моя дорогая?», да? Только этого не хватало! Вообще кто-нибудь так поступает?

– Тут есть одно соображение... Шадимульк все-таки невольница, чужая собственность, мой амирзаде... – старался спокойно объяснить ему Худайдад Хусайни.

– Вы и раньше мне это говорили. Чужая собственность? Так ее хозяина нет уже на этом свете! Стодневный срок, когда запрещается вступать в брак женам после смерти хозяина, давным-давно истек. Теперь она свободна... – ответил ему, нахмурившись, Халил Султан. А сам подумал: «Даже если бы она была чужой собственностью – и тогда бы я не отступился от нее!»

Глава девятнадцатая

I

Наследник Туранского салтаната Мухаммад Султан с супругой Согинч-ханум чувствовали себя просто на седьмом небе от счастья. Вдобавок ему выпала столь высокая честь – покорить столицу Рума Бурсу. Такая удача выпадает не каждому. После битвы при Анкурии разосланные в Иран, Туран и другие государства фатх-наме были написаны от имени шахзаде!

После покорения Бурсы шахзаде только разбил шатер среди лугов в предместьях города Янгишехр, как подоспел фирман Сахибкирана, тоже взявшего короткую передышку на зеленых пастбищах близ города Кютахья и теперь отправившегося в сторону города Денизли. В фирмане предлагалось амирзаде перезимовать в живописных местах: Мухаммаду Султану – в городе Манисе провинции Сарухан, Шахруху Мирзе – в провинции Кирмиен. Судя по слухам, Маниса располагалась на западе Рума у подножия гор, вода там была целебная, воздух свежий, зима проходит приятнее, чем лето, поскольку с Эгейского моря дует мягкий ветерок.

Согинч-ханум, находясь каждый миг, час и день рядом со своим возлюбленным, чувствовала себя совершенно счастливой и становилась все прелестнее день ото дня. Она буквально не могла слова вымолвить, когда смотрела на своего возмужавшего супруга, двадцатилетнего шахзаде в кольчуге, со шлемом на голове... Преисполненная восторгом, она еле сдерживалась, чтобы не броситься к нему в объятия.

Вот и сейчас, когда они сидели в падишахском шатре, откуда был виден Янгишехр, шахзаде не мог наглядеться на свою возлюбленную, ласково подтрунивая над ней.

– Как там ваш манускрипт? Как ваша рукопись Корана? Движется дело? Вы над какой сурой сейчас работаете? – вдруг стала спрашивать Согинч-ханум.

– Хвала Аллаху, вчера я завершил пятьдесят седьмую суру... – расцвел улыбкой Мухаммад Султан.

– Сура «Железо»? Вот здорово! Так вы ее уже завершили? Поздравляю вас, мой дорогой! Уже немножечко осталось. Бог вам в помощь! Смотрите-ка, как дело сдвинулось здесь, в Руме... – заулыбалась Согинч-ханум, сверкая белыми зубами.

– Вы ведь так прекрасно читаете нараспев. Прошу вас, пожалуйста, почитайте мне «Ясин», – попросила его Согинч-ханум. – Мне так хочется послушать...

Шахзаде расчувствовался. Он сел, согнув колени, опираясь на них руками, и приступил к чтению благословенной суры. Супруга слушала, и глаза ее наполнялись слезами.

– Мой шахзаде, у вас до того сладкий голос...

– То не голос... Это – волшебство суры «Ясин»... Не плачьте, пусть сам Аллах хранит вас от этого.

– Я не плачу, что вы... Каждый раз на меня вот такое находит... – улыбнулась ему Согинч со слезами на глазах. Она казалась еще более прекрасной.

– О Аллах, пусть эта сура всегда будет в наших сердцах...

– О Аллах! – подняла руки для молитвы Согинч, и глаза ее вновь наполнились слезами...

– Все суры, все аяты, каждое слово Аллаха говорят о бесконечной мудрости Его, – посветлев лицом, ответил шахзаде. – Но «Ясин», конечно же, занимает особое место. Пророк наш – да снизойдет на него милость Аллаха – сказал так: «У каждой вещи есть своя душа. А душа Корана – это “Ясин”. Я хотел бы, чтобы у каждого из мусульман эта сура была в душе!»

– Вы помните про «Уложения», о которых говорил Амир Сахибкиран? Когда Вы составите эту книгу? – спросила Согинч.

– Есть у меня такое намерение! Сам Амир Сахибкиран мне поручил. К тому же недавно они мне об этом напомнили. Но «Уложения» еще не завершены. Это ведь книга жизни нашего великого деда... Бог даст, драгоценная книга эта будет в золоченой обложке, а хранить мы ее будем в резной шкатулочке с крышкой из серебра... да нет, пожалуй, из золота. С резными подвесными и печатными украшениями. Каждое уложение будет взято в золоченную рамочку,

с живописными заставками, с орнаментом, изображающим сияние солнца, ну и с завершающим орнаментом. Книга будет написана на султанской бумаге. Стиль письма – «наسخ» или «тавкеъ»¹... Все обдуманно мною.

Шахзаде стал увлеченно рассказывать о новой книге. Его бы воля, так он пояснил бы смысл каждого уложения.

– О, какая же великая книга получится! Как хочется увидеть поскорее «Уложения», о которых вы рассказываете!

– Эта книга исполнена мудрости! Как начнешь читать – зачитаешься и наберешься ума и знаний.

Шахзаде достал из сундучка несколько исписанных страничек книги и, выбрав одну из них, начал читать:

– «С тех пор как я надел на себя халат правителя салтаната, пришлось отказаться даже от таких простых наслаждений, как полноценный сон...» – вот какие слова! А здесь вот говорится о друзьях: «Верный, преданный и настоящий друг тот, кто ни при каких обстоятельствах не отказывается от своих друзей. Врагов своих друзей он считает своими врагами, для него они тоже враги. А если нужно, так для друга своего друг не пожалеет и жизни своей. И раз это так, для амиров, что были мне искренними друзьями, я тоже ничего не жалел. На своем жизненном опыте я убедился, что умный враг лучше, чем глупый и недальновидный друг, каким был для меня внук Амира Казагана Амир Хусайн. Не каждый враг мог бы вытворить то, что делал он, будучи неумным другом». Вы знаете, почему я тороплюсь записать в книгу воспоминаний все об Амире Сахибкиране? Сам не знаю. Видимо, потому что люблю его всей душой, много думаю о нем. Наверное, поэтому...

– Пишите о нем, пишите... Когда мы состаримся, по милости Аллаха, будем сидеть вместе долгими вечерами, читать написанное вами и радоваться... Дай бог, чтобы нам довелось дожить до этих дней! – отозвалась Согинч-ханум.

Вошла невольница и сообщила Согинч-ханум, что из Султании прибыли ее подружки. Решив воспользоваться моментом, Мухаммад Султан открыл тетрадь своих воспоминаний и решил что-то записать хоть бы вкратце. Но, вопреки ожиданиям, дело затянулось. Ему о многом хотелось написать. Например, о том, что дож Генуи, императоры Византии и Трабзона во время войны с румским правителем обещали помочь двадцатью галерами каждый, но ни один обещания не исполнил, и Амир Сахибкиран рассердился на них. Или о том, что румские вилайеты разделились на более мелкие. А еще о том, что из многих стран, больших и маленьких княжеств приезжали послы с поздравлениями. Одеты они порой были до того странно, что придворные еле сдерживались от смеха. «Ох, описывать их одеяния – одно удовольствие, – усмехнулся Мухаммад Султан. – Как справедливо заметил Пири муршид Мир Саййид Барака, было бы светлой честью и благим делом описывать созидательную деятельность Сахибкирана, который хотел оставить после себя воздвигнутые города, величественные здания, мечети, ханако... А об истории канала Нахри Барлас, исходящего от реки Аракс, стоит написать особо. Это очень интересно и поучительно. Как-то во время охоты Амир Сахибкиран наткнулся на высохшее русло заброшенного канала, который построили еще в древние времена при каком-то из местных правителей. Вода в нем высохла, русло заполнилось песком да пылью. Сахибкиран рек: “Мы приведем сюда воду!” Все это случилось у меня на глазах! По его фирману канал длиной десять йигачей² разделили между беками и амирами. Амир Сахибкиран сам возглавил это дело. День и ночь работали в течение месяца! Очистили и углубили старое русло, чтобы по нему корабли могли плавать. Вода поступает теперь в кишлаки, сады и на поля...» Каждый шаг

¹ Виды арабской каллиграфии.

² Йигач – мера длины, равная 12 км.

Сахибкирана – пример для шахзаде, который возглавит страну в будущем. Это Мухаммад Султан понимал как никто другой.

II

В сумерки по тихой самаркандской улочке, где была расположена такяхана¹ шел некий незнакомец. На первый взгляд его можно было принять за студента медресе. На голове – остроконечная шапка, на ногах – разбитые, выбеленные временем старые сафьяновые сапоги со стоптанной подошвой, глядя на которые становилось ясно, что этот чужестранец держит свой путь издалека. За плечами незнакомца был старенький цветной хурджун. Встречных он приветствовал, поднося руку к груди, уставившись в землю и не произнося ни единого слова.

Вот и гузар – центр махалли – остался позади. Слева он увидел такяхану, где под тенью деревьев собрались приятели, как раз из тех, кому нет никакого дела до того, что происходит в большом мире. Они перебрасывались шуточками, давали советы проходящим мимо, зазывали к себе. Некоторые курили анашу, другие пили кукнар. Их абсолютно не волновало, что армия Туранского салтаната одержала где-то там великую победу, изменившую ход мировой истории, когда теперь Амир Темур вернется из военного похода, что в этом году цены на овощи и фрукты на местных базарах значительно упали и продукты стали весьма доступны. Они не замечали и того, что зима припозднилась... Одним словом, им было море по колено.

– Эй, странник, иди сюда! Идем-идем! Давай насладись, получи удовольствие! – кричал кто-то из них каландару в хирке из грубой шерсти, как бы выражая сочувствие незнакомому бедолаге, бесцельно бредущему по улице.

– Да знаешь ли ты вообще, что такое наслаждение? – спросил другой.

– Ха, если бы наш праздник увидел султан Самарканда Халил Султан Мирза – так и он с радостью бы к нам присоединился. И благодарил бы нас... Да-да! – поддержал своих товарищей третий. – Эй-эй, да не бойся ты! Давай поворачивай сюда!

Каландар вдруг вздрогнул. Осторожно огляделся по сторонам. Кратко, не разводя церемоний, поздоровался с этими людьми, опасаясь, как бы кто из этого круга «избранных» не затынул его в свою темную компанию за руку, и со словами «Благодарю вас!» ускорил шаг. Незнакомец радовался, что благополучно избавился от «друзей». Он свернул направо, на маленькую безлюдную улочку. Пройдя примерно шагов пятьдесят, он увидел слева женщину в парандже, стоящую под большой чинарой. Она подозвала его знаком руки. Каландар осторожно оглянулся и, удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, пошел в ее сторону.

– Добро пожаловать, амирзаде! – сказала она, приподняв чачван паранджи. – Есть же такая пословица: «Удачливому джигиту Бог даст янгу в помощь!» Вот я стою тут, перед вами. Посмотрите-ка, а вы впрямь в настоящего каландара превратились! Ни за что вас не узнаешь! Ох-ох, я пока нашла этот наряд, чуть голову не сломала, мой амирзаде. Бегала с одного базара на другой. Не зря... Посмотрите-ка, будто бы это ваше, родное.

– Да, мома. Любовь к Шадимульк действительно превратила меня в каландара. Наверное, потому и одежда мне так подошла. Кстати, вот это вы возьмите... – вытащив из кармана кошелек, туго набитый золотыми монетами, он протянул его моме.

– Да что вы, мой амирзаде! Нет-нет, не надо! Я ведь ваша мома! Зачем это?

– Возьмите! – приказал он ей, чтобы прекратить разговор. – Лишние разговоры ни к чему!

– Вон она, та самая голубая дверь, о которой я вам говорила, где обещала вас поджидать. Как зайдете во двор, сразу сворачивайте направо. В доме

¹ Такяхана – место, помещение, где люди весело проводят время.

справа вас ждет не дождется ваша невольница... Оказывается, когда влюбленные соединяются друг с другом, над ними летают ангелы. Ангелы ждут, когда же им взмахнуть крыльями...

Халил Султан поспешил войти в небольшой дворик. Сердце юноши затрепетало. Да! Та самая красавица, о которой он думал и мечтал целый год! Та самая, что не давала ему спокойно уснуть! Та самая, что создана творцом в счастливый час! Та совершенная жемчужина стояла наконец перед ним! Конечно же, это была она! Она... Смуглое лицо, слегка раскосые глаза, пугливая, опрятная, удивительно приятная, душевная, сладкая... Ох, до чего же сладкая, очень сладкая, просто слаще меда! Амирзаде никогда не думал, что человеческое существо может быть настолько совершенным. Он был изумлен увиденным.

Как ни старалась она спрятать под платьем нежные таинственные холмики, ее девичья грудь, будто два граната, сводила амирзаде с ума. А мускусные волосы ее, заплетенные в косы, струились по плечам, придавая особую изысканность ее красоте. Она робко стояла перед ним, не зная, куда себя деть от волнения, застыв, будто птица, которая вот-вот взмахнет крылами и... улетит. Сердце у нее билось, как у горлицы, попавшей в силки.

– О моя принцесса несравненной красоты... – наконец обрел дар речи амирзаде.

Шадимульк будто ожила и, проявив небывалую отвагу, прикрыла его рот своими прелестными ручками:

– О нет! Да какая же я принцесса? Не говорите так, о султан мой! Достаточно, если назовете меня «моя невольница», мне – бедняжке – это будет ниспосланной милостью Аллаха! Если я буду рядом как невольница – это будет высочайшим счастьем для меня!

– Вы согласны быть моей невольницей?

Шадимульк тихо склонила голову, потом, не выдержав затянувшегося молчания, кокетливо ответила:

– Я... согласна, султан мой... Только об этом прошу Бога.

– Вы – моя возлюбленная...

– Да, я – ваша возлюбленная...

– Вы будете самой близкой...

– Буду самой близкой...

Амирзаде потихоньку приподнял покрывало с лица невольницы. Глядя на эту луноликую, он забыл обо всем на свете, будто взглянул на сияющее солнце и... глаза его ослепли от великолепия увиденного. Страсть охватила его. Он заключил ее в свои объятия! Шадимульк не сопротивлялась. Когда с лица снимают вуаль, сама собой снимается и «вуаль» стыда... Закрыв глаза, они почувствовали себя самыми счастливыми людьми на земле. И хотя это была их первая встреча наедине, казалось, что они знали друг друга вечность. Просто долгое время были в разлуке. К тому же они не раз встречались в своих снах...

Всю ночь напролет бежали друг за другом быстроногий «жеребенок» и его трепетная возлюбленная. Они делились тайнами, любовно перешептывались о чем-то и никак не могли насытиться друг другом... И клялись зарей, и прочитали суру «Аль-Фаджр»¹.

Вечерние встречи, страстные ночи, одна хмельнее другой, будоражили тело и душу влюбленных. «Безумные Меджнуны» или «Меджнуны безумия» – такие эпитеты подходили им. Халил Султан был по-настоящему счастлив. В нем бурлили энергия, сила, пробудился необычайный интерес к жизни. Пожалуй,

¹ Коран. 89 сура «Утренняя заря». Здесь смысл, что они до зари не знали сна.

только теперь он познал красоту этого мира и наслаждался ею. Каждые два дня сама собой рождалась у него новая газель. Шадимульк тоже расцвела.

В один из счастливых вечеров, после минут нежности Шадимульк, стреляя раскосыми глазами, невзначай, как бы упрекая, бросила:

– Так вы меня уже превратили в жену, выходит?

О да-а... Эта невольница была настоящей чертовкой! Она отлично знала, что и когда сказать своему возлюбленному. Ее коротенькая фраза, сказанная нежно и кокетливо, задела Халила Султана за живое:

– А что тут такого? Вот и возьму вас в законные супруги! Возьму, да!

– Да не-ет... Думаю, сил ваших не хватит, мой султан...

– Да неужели? Моих? Моих сил не хватит? Это у меня, у амирзаде, сил не хватит, а? Вы не забыли, что я султан всего Самарканда? Ха-ха-ха! Я сказал, что возьму вас в жены – значит, возьму! И вы будете жить во дворце! Я очень ценю вашу необыкновенную красоту! – воскликнул исстрадавшийся амирзаде.

– Я из злосчастливого простонародья, – настойчиво сказала она, будто иголки вгоняла в нежную душу амирзаде! И делала это намеренно... – Куда мне до вельмож и знати... Только и гожусь в невольницы. Где уж там быть мне женой султана!..

– Любви нет преград! – твердо сказал Халил Султан, погладив ее волнистые волосы, стараясь утешить ее. – Разве грех быть из простонародья? Ведь народ тоже рабы Божьи? Его тоже сотворил Аллах. А такая красавица, как вы, конечно же, достойна жить во дворце! Создатель одаривает красотой своих любимых рабов. Не зря же он, наверное, создал вас такой красавицей?.. Если Тенгри того пожелает, в Ашпаре совершим никох, и я возьму вас в законные жены! – решительно сказал ей Халил Султан.

Глава двадцатая

I

Аргамак времени скачет и скачет вперед, подобно быстроногому гнедому, который стремится выиграть состязание. Только есть разница между аргамакком и гнедым: гнедым правит всадник, а у аргамака ни всадника, ни узды, ни седла – сам скачет куда глаза глядят, свободно и привольно – куда вздумается, куда ноги несут. К нему невозможно приблизиться, никому не удастся оседлать его, любой гнедой выбьется из сил, но аргамак не устает, годы летят, века грочуют, а он бежит и бежит... Имя того аргамака – Время.

Если чего и боялся в своей жизни Сахибкиран, так это отстать от его беспрестанного бега. Считал, что он в силах посоревноваться с ним. Всегда старался держаться ноздря в ноздю с аргамакком, даже обгонять его. Действительно, в этом смысле и преуспел: за последние четыре года перевалил он высокие горы Гиндукуша, завоевал Хиндустан, Алеппо, Дамаск, Хаму и Хумс, Мардин, Баальбек, Багдад, Сивас, покорил такие большие страны, как Египет и Сирия, в румском крае захватил Кайсарию, Анкурию, Бурсу, Измир, Манису, Конию, не считая других городов и поселений.

Отдав приказ направить войска на Акшехр, Амир Темур решил передохнуть на живописном берегу озера Эгридир.

По обычаю Сахибкиран ранним утром направлялся к сури, здесь, опираясь на круглую пуховую подушку, полулежа он любил наблюдать, как восходит солнце. Наслаждался, глядя, как светлеет прозрачная озерная вода: ее приятный бархатный цвет придавал сил его слабеющим глазам. Он охотно прогуливался по длинной аллее на берегу, вытянутой в направлении восхода солнца и обсаженной по краям цветами. Все это казалось цветной оторочкой красивого наряда.

Мухаммад Чурага-дадхах издалека видел, как Сахибкиран неспешно шел по аллее примерно в пятидесяти шагах от шатра.

Эх-хе, этот человек воистину создан из железа! Несчастья, войны... Беспорядок, хаос, битвы, разруха, волнения, бунты, мятежи, вопли, стоны, проклятья, плач, шум и гвалт... Если подсчитать, так почти двадцать лет своей жизни Сахибкиран провел на коне. Четыре-пять раз ходил походами на Джету и Хорезм, и далее – от Хиндустана до Московии, от долины Улуг Юлдуз до Сирии и Рума тянутся следы коня Сахибкирана.

И куда бы он ни приходил, люди вторили ему вослед: «Куда идет Туран, там будет буран!» Такого джахангира еще мир не видел. В походах, в дорогах беспокойства много, а удовольствий-то мало, а в битвах – тем более... И душой, и телом погружен человек в тревоги и трудности. Жизнь каждого – от простого наукера до падишаха – спать где попало, терпеть лишения. Сахибкиран перетерпел все испытания. Чего только не видел! Да, пожалуй, он был рожден для таких испытаний... Где бы он ни был – никто ни разу не слышал ни его жалоб, ни сетований на жизнь. Только скажет иногда: «Да будь проклята эта война! Стараешься предотвратить ее, к сожалению, она только ширится. Жаль, что войну искоренить невозможно!.. Хватаешься за воротник!»

Сахибкиран, заприметив на аллее дадхаха, повернул назад. Устроились на сури.

– Румский султан приболел, – сказал Амир Темур. – Вообще, говорят, обесилел. Жаль... Я направил к нему лекарей. Поручил, чтобы лекарства ему давали, еду специальную...

– Да. Страдания и переживания никак не оставляют его, Амир Сахибкиран.

– Что за болезнь такая у него? Что лекари говорят?

– Говорят, удушье у него бывает и давление высокое.

– Эх! Пусть сам Тенгри ниспошлет ему исцеление. – Амир Темур задумался. – Йылдырым Баязид держал в руках все румские бейлики. А правитель Карамана Амир Мухаммад двенадцать лет томился в зиндане в Бурсе. Я освободил его. Вернул ему Караман.

– Хм-м...

– Эдирну отдал Сулайману Чалаби...

– Как это все не вяжется... У нас самих умных да крепких амирзаде немало...

Сахибкиран внимательно посмотрел на дадхаха. Улыбнулся:

– Ты беспокоишься, что всем владений не хватит, а, Мамат? Об этом волнуешься? Да. Владения... богатства... Владения принадлежат Аллаху, Мамат. Но управлять ими и благоустраивать поручено нам, рабам Божьим... Мне было пятнадцать, когда достопочтенный отец мой Тарагай-бахадур – пусть Аллах одарит его местом в раю – сказал мне: «Слышал я от своих дедов, а те – от своих прадедов истории о том, как землей Великого Тюркского каганата правил хакан Бумин. Со времен Истами-хакана управление этим краем переходило из поколения в поколение, сын мой... – продолжал он. – И предки наши, свидетели того, как великое государство распалось, обо всем рассказывали горькими словами. Помни это всегда». Родитель мой переживал, глядя на распри, стычки, беспорядки в каждом городке, каждом поселении, поскольку на всяком пяточке туранской территории свои хакимы, и не было между ними ни единства, ни согласия... Я стал мечтать о возрождении того государства... От достопочтенного отца много мудрости я почерпнул. Он утверждал: «Создавай государство! Потому что государство и держит, и бережет народ, является хозяином земли. Думай о простых бедных людях. Не забывай накормить народ». А еще повторял: «Не держись за богатство двумя руками! Будь всегда преданным небу, что над тобою, и земле, по которой ты сделал первые шаги!» – вот чему он меня учил.

Удивительно, оглянуться не успел, а мне уже шестьдесят восемь лет. Как только занял престол и стал управлять салтанатом, я не знал, что такое блаженный сон и отдых. С двенадцати лет я бродил по странам, трудился до седьмого пота. Усмирять бунтовщиков амиров и наукеров, разгонял вражеские войска. Случалось выслушивать злые упреки. Но я держался за подол терпения, порой, зная, притворялся незнающим, видя, притворялся незрячим... Выбрал путь примирения и объединил друзей и недругов... Страну, что была разорвана на тысячу лоскутков, сделал целостной. И дал ей название – Родина! Народ, что помирал, вернул к жизни. Босоногий люд теперь и обут, и одет! Нищих превратил в богатых, малочисленный народ умножил... Мечом праведным завоевал мир, прославился как завоеватель. Слава Аллаху, сбылась мечта моего отца – создал я Туранское государство!..

Сегодня, Мамат, ни в Иране, ни в Туране, да что там, во всем мире нет такой силы, что могла бы подняться на нас войной. Все свои усилия я прилагаю, чтобы жили люди по закону, справедливости, по законам веры и чтобы знамена веры достигли небес. Надеюсь я на Тенгри Таоло, хоть и много у меня грехов, но кое за что можно и благодарить: руки злодеев укоротил я! Старался, чтобы не мучили бедных и несчастных. Не забывая о благодеяниях, мир этот старался благоустроить путем справедливости! Если до сего времени мы занимались в основном покорением стран, то теперь мы будем держаться за подол царской добродетели, и цели наши таковы: чтоб народ, улусы наши жили в довольстве и достатке, чтоб земля была возделана, мир – обустроен.

Изумленный Мухаммад Чурага-дадхак продолжал слушать Сахибкирана, которого в то утро посетило вдохновение. Открылись замки его души, изливал он все, что накопилось на сердце:

– Благодарение мое истинному Создателю за то, что подарил он мне детей. В династии Темуридов есть место каждому из них. Каждому из них нужно определить свой край – вот в чем моя задача. Это мой долг, Мамат. Любимый внук шахзаде Мухаммад Султан – наследник салтаната. Мой дорогой сын Шахрух Мирза правит Хорасаном. Внук мой Пир Мухаммад ибн Джахангир обосновался в Балхе и Кандагаре. Шираз достался Пир Мухаммаду ибн Умаршайху, Исфahan – Рустаму ибн Умаршайху. Нашему славному внуку Халилу Султану – Барда, Ганджа, Армения, Гурджистан... хочу также добавить ему Трабзон. А еще двум внукам – Улугбеку Мирзе и Ибрахиму Султану – лишь по девять лет, но какие это золотые ребята! Очень большие надежды возлагаю на них... Пусть сам Аллах их бережет! Хочу, чтобы не остались они в стороне, когда подрастут и достигнут зрелости. Улугбеку Мирзе хочу отдать Ташкент, Сайрам, Ашпару и провинцию Джета вплоть до китайских границ. А Ибрахиму Султану – Андижан, Ахсикент, Тараз, Кашгар и Хотан. Закрепим все фирманом. Вот, что я планирую.

Еще должен тебе сказать одну вещь: как только вернемся в Самарканд, пока я жив, сыграем в Конигиле сразу пять свадеб. Пятерых внуков своих разом женю! Вот еще какая задумка у меня есть. А гостей пригласим со всего света! Но прежде всего – со всех краев наших, даже с самых отдаленных уголков салтаната.

Мухаммад Чурага-дадхак растерялся. На него как-то неприятно подействовали слова, сказанные с легкой дрожью в голосе: «...пока я жив...» Никогда до сей минуты дадхак не слышал от Амира Сахибкирана таких слов.

– Что это вы говорите?! Не нужно так, Хазрат...

– Ну я ведь тоже раб Божий, Мамат! Дел еще, конечно, много... Но, если Аллах того пожелает, наступит и для нас спокойное время благоденствия. Хвала Всемогущему! Как воротимся из похода в Китай, передам я престол Мухаммаду Султану, а сам хоть немного передохну. Проведу остаток жизни в покое и удовольствии...

Ночами не спали, днем покоя не знали... А какой будет дальнейшая судьба государства, созданного такими трудами?.. Будут ли наследники ценить великий салтанат, созданный в таких трудностях, муках и страданиях?.. Оценят ли по достоинству то, чему их дед жизнь свою посвятил?.. Или начнется между ними война за престол, скандалы да распри?.. И увязнут они в том болоте, забыв о чести салтаната... Не станут ли они посмешищем для всего мира?.. Вот тебе пример: Урусхан Тохтамыш, среди близких которого начались раздоры. И пожалуиста – пришла в упадок, а потом и вовсе исчезла Золотая Орда. Точно так же и в Иране Музаффариды сгнули без следа!

Как только вернемся в Самарканд, проведем там курултай. Именно там скажу я своим детям, получившим наследство, вот такие слова: «Своим делом каждый из вас будет занят самостоятельно. Но жить вы будете дружно, в солидарности. И будете вы осведомлены повседневно о положении подданных и народа своего. И о бедных заботиться будете! Держите меч крепко, чтобы мир на этой земле никто не мог нарушить, и будьте справедливыми, чтобы не нанести вреда. Надеюсь, что не пропадут понапрасну мои труды долгих лет».

– Амир Сахибкиран! Вы сами скажите им это! – встрепенулся Мухаммад Чурага-дадхак, удивляясь тому, что торжественно начатая встреча принимает грустный оборот. – Будьте уверены, ваши труды никогда не пропадут!.. Умные у вас потомки! Ого-го какие! Шахрух Мирза, Халил Султан, Абу Бакр Мирза, Умар Мирза, Улугбек Мирза.... Но в первую очередь наша надежда на шахзаде мира, цветок садов салтаната, могучего бахадура, умного и проницательного Мухаммада Султана. От его поступи земля дрожит, в горах эхо отдается! От сказанных им слов на сердце становится светло! Ангелы, что над ним, довольны и умиротворены... И то, что вы направили его в Ашпару, доверили ему Самарканд, а теперь передали престол Хулагухана, особенно то, что фатх-наме о победе над Румом от его имени – все эти решения одно лучше и удачнее другого!

Буквально в тот миг появился слуга и доложил:

– Из Карахисара от шахзаде Мухаммада Султана прибыл гонец – Ахий Джаббар-бахадур.

Войдя, тот остановился в пяти шагах от Амира Темура и, поцеловав землю, приложив руки к груди, не вставая с колен, взмолился:

– Амир Сахибкиран! Не велите казнить, а велите слово молвить! Помилуйте...

– Помиловал! Говори!

– Шахзаде Мухаммад Султан немного простудились...

– Что-что?

Сахибкиран невольно вскочил с места. Мухаммад Чурага-дадхак, заметив, как он пошатнулся, тут же его подхватил.

– Немедленно возвращайся назад, бахадур. Узнай точно, что это за хворь, каково состояние здоровья шахзаде! – приказал Амир Темур.

Ахий Джаббар-бахадур тут же отправился обратно в Карахисар.

Сахибкиран и дадхак уже не могли спокойно продолжать беседу. Не успели они и на тридцать шагов от сури отойти по аллее, как дадхак увидел спешащего гонца, прибывшего из Акшехра, и побежал к нему навстречу.

– Господин дадхак... румский правитель Йылдырым Баязид отдал душу Вечному владельцу... – сообщил, преклонив колени, гонец.

– О-ох! Да упокоится его душа в раю, – поднял руки в поминальной молитве пораженный дадхак.

– Что еще случилось? – спросил Сахибкиран...

Дадхак осторожненько подошел к нему и взял под локоть:

- На все воля Аллаха...
- Говори!
- Йылдырым Баязид ушел в мир иной...

Сахибкиран ничего не ответил. Он внезапно почувствовал себя совершенно одиноким в этом пустом мире!

– Мамат! Немедленно поезжай в Акшехр! Ты сам должен возглавить похороны! Тело румского султана со всеми почестями, полагающимися падишахам, доставить в столицу – в Бурсу – и похоронить там, где он сам для себя определил место! Чтобы все было согласно его воле.

- Будет исполнено!

Вновь подивившись великодушию Амира Темура, вновь убедившись, насколько благородный он человек, Мухаммад Чурага-дадхах отправился в Акшехр.

Сахибкиран еще не успел войти в город, как из Карахисара вновь прибыл гонец, сообщивший, что состояние шахзаде ухудшается...

II

Приближалась весна 1403 года. Войскам, зимовавшим в разных провинциях румской земли, был доставлен фирман, повелевающий кошунам отправляться в сторону Анкурии. Победоносные войска Туранского салтаната из Измира, Испарты, Кониин, Карамана, Баликесира величественно двигались по дорогам Рума к Анкурии. Туранское войско готовилось к возвращению на родину.

Обоз наследника, как и все его войско, перезимовал на западе Рума, у подножия гор неподалеку от Эгейского моря. Маниса – город с мягким климатом, вкусной водой и восхитительно прекрасными окрестностями. В глубине души Мухаммад Султан был благодарен своему деду: для любимого внука он нашел самый живописный край из всех, какие только можно было представить.

Он был счастлив: всю зиму можно спокойно заниматься манускриптом священного Корана. Переписав шестьдесят восемь сур, если поможет Тенгри, он перейдет к шестьдесят девятой. Ему хотелось завершить труд до того, как они возвратятся в раеподобный Самарканд. Большие суры уже переписаны, очередь дошла до кратких и лаконичных. Согинч-ханум просила побыстрее завершить рукопись, каждый день поторапливая его.

Но тут, несмотря на то что на дворе стояла зима, был получен фирман о начале штурма Измира. Шахзаде, стараясь не волновать супругу, которую с ее войском он решил оставить в Манисе якобы для охраны города, соблюдая все предосторожности, двинулся в сторону Измира.

Иноверцы Измира, оказывается, немало злодеяний совершили. Амир Темур направил в Измир посла для переговоров:

– Призвать измирцев перейти в истинную религию нашего Пророка, – поручил он послу. – Если же откажутся принять веру нашу, придется им платить налог джизью и лишиться всех богатств... В случае послушания каждому жителю будет гарантирована безопасность, доброе отношение и никаких притеснений. Если же нет, то участь их будет печальной.

Ни одно из условий жителей Измира не приняли и грубо ответили Сахибкирану, возлагая надежду на непобедимые войска, которые по первому зову подоспеют на помощь из Европы, в частности, из Афин, Рима, Вероны, Сантоса, Вердена... Враг, каким бы могущественным он ни оказался, по их мнению, будет побежден.

Таким образом, началась осада крепости, а после ее взятия Мухаммад Султан согласно подоспевшему фирману вернулся обратно в Манису. Согинч-ханум, встречая супруга, цвела, будто весенний цветок:

– Трудно далась победа, мой шахзаде? – немного смушаясь, отважилась спросить Согинч-ханум.

– Трудно. Да, очень трудно... – стараясь улыбаться, ответил ей Мухаммад Султан. – Но хвала Аллаху, для Хазрата Сахибкирана все легко! И, признаюсь вам, великий дед мой перед всеми амирами, перед знатными людьми меня похвалил. Сказал: «Шахзаде добрую службу сослужил нам...»

– Поздравляю вас, мой шахзаде, с такой высокой похвалой!

Согинч-ханум не могла оторвать глаз от любимого мужа, не могла нарадоваться и наглядеться. Была бы такая возможность быть ей одной-единственной в его гареме!.. Вот если бы она воспринималась в саду наследника Мухаммада Султана как расцветающий весенний цветочек, как самая яркая звезда на небе, да нет, даже не как звезда... а как солнце! В действительности оно так и есть: среди своих соперниц она – самая храбрая, самая красивая, самая почитаемая, по словам самого шахзаде. Ни Ханика-бану, ни Тотли-биби, ни Хан Султан-ока, ни Давлат Султан, ни невольница Нигар-ока, по словам мужа, не были ей равными. Но некоторые соперницы ее превзошли: Нигар-ока подарила Мухаммада Джахангира, которого воспитывала Дур Султан-ока. Саьд-Ваккас, рожденный Тотли-биби, был доверен Туман-оке. За Яхью Мирзу – двухлетнего сына Ханики-бану – отвечала сама старшая госпожа. «А вот у меня сына еще нет», – печалилась Согинч-ханум. Однако она хорошо понимала, что нет ей равных по красоте, совершенству, изяществу, нежности, кокетству для шахзаде.

И войско, и обоз Мухаммада Султана двинулись в сторону Кайсари. Когда прибыли в Каракисар, было велено сделать остановку в лесу. Кроме караульных, все удалились спать. Шатер шахзаде поставили в самом центре. Ничего не предвешало беды. Но перед рассветом самочувствие Мухаммада Султана изменилось. Согинч-ханум заметила, что ее супруг вдруг сел, упираясь локтями в колени, и изо всех сил сжал руками голову.

– Все ли с вами в порядке, душа моя? – спросила она.

Ответа не последовало.

– Может быть, вы плохой сон увидели? – опять спросила его Согинч-ханум. Шахзаде не проронил в ответ ни звука. Встревоженная принцесса подбежала и обняла его голову. По почти неощутимой дрожи она поняла, что его мучает сильная боль.

– Вокруг носа... и в области глаз... просто пытка... так ломит, моя принцесса. В голове какая-то страшная тяжесть... Будто она разорвется сейчас, – сказал сквозь зубы Мухаммад Султан. Оттого что ему не хватало воздуха, он дышал широко открытым ртом.

Согинч-ханум припомнилось, как странно и тяжело он дышал в последнее время в дороге. Испугавшись, она немедленно послала слугу за лекарем. Грустная новость тут же разнеслась повсюду. Все обеспокоенно шептали друг другу: «Будем просить у Тенгри исцеление. Молиться будем за него! Молиться!»

Согинч-ханум и сама не знала, как прошли день и ночь... Шахзаде, только что абсолютно здорового, способного горы свернуть, вдруг ни с того ни с сего сразила болезнь. Да так сразила, что он не может и головы от подушки оторвать. А всего пару дней назад ничего и в помине не было... Она то начинала гладить голову шахзаде, то, чувствуя, что больному это не нравится, убирала руки. Было видно, что шахзаде терзают нестерпимые муки.

– Мой дорогой! – в полной растерянности шептала Согинч, глядя в ввалившиеся глаза шахзаде. – Душа моя, что же такое с вами? Как могу я помочь? Отдать вам свою жизнь? Берите, сердце мое, берите! Она – ваша! Только выздоравливайте!

Мухаммад Султан, глядя на супругу и сильно страдая, промолвил:

– Тяжело мне... моя принцесса... к голове моей... будто камень привязали... очень большой... поскорее бы... в Самарканд... – и добавил: – Смерти... не боюсь... но... расстаться с вами... боюсь... – слова давались шахзаде с большим трудом.

– Что вы такое говорите! – воскликнула Согинч-ханум, и у нее заныло сердце. – Не-ет, мы не расстанемся! Я всегда с вами! Я всегда буду рядом!

Когда Согинч спросила у лекаря о причине болезни, тот ответил очень кратко:

– Немного простыли.

О Тенгри, да неужели же простуда может быть такой ужасной?! Это было настолько непонятно, так таинственно, что разум отказывался принять...

– Шахзаде немного устал... – постаралась побрызгать водой на огонь тревоги, разгоравшийся в душе Согинч-ханум, Оккиз-бегим. – Он скоро поправится.

– Да, поправится! Он поправится! – присоединилась к ней Нигор-ока с покрасневшими глазами.

– Пусть все так и случится, как вы говорите, о Аллах! – всхлипывая, отвечала им Согинч-ханум.

Ханика-бану, Тотли-биби, Хан Султан-ока, Давлат Султан, Нигор-ока тихонечко горько плакали. Каждая в своем уголке... Все меры, предпринятые лекарями, все их усилия оказались безуспешными. Состояние больного не только не становилось лучше, но... все более и более осложнялось. Согинч-ханум чуть не лишилась рассудка. И посоветоваться не с кем... Ее величество старшая госпожа и ее свекровь Ханзада-ханум... обе они в Султании. В надежде, что все пройдет, Амиру Темуру поначалу о болезни принца ничего не сообщали. Но, по мере того как ситуация осложнялась, спешно послали гонца, дабы известить Сахибкирана...

Амир Темур уже спешил к наследнику из Акшехра. Внутри крепости, в комнате рядом с той, где лежал больной, его встретила Согинч-ханум. Полуприкрыв свое лицо, она склонилась перед Амиром Темуром в низком поклоне, поцеловала край его халата, приложив к своим глазам, и, не отрывая взор от земли, отодвинулась немножко назад. Но... как бы она ни старалась казаться терпеливой и смиренной, не сумела удержаться от слез.

– Не плачьте! Пусть сам Тенгри оберегает вас от слез, дочь моя! – погладил ее по голове, стараясь утешить, Амир Темур. – Даст Бог, поправится наш шахзаде!

Мухаммад Султан лежал на возвышении, на восьмислойной постели. С первого же взгляда Амир Темур вспомнил его отца – сильного Джахангира Мирзу, лежавшего в Боги Накши-джахане, которого трудно было разглядеть на постели, как и шахзаде. Сердце заныло старой болью. Про себя он взмолился: «О мой Аллах! За какие мои грехи ты караешь меня? Мой внук тоже болен, как и его отец... – но тут же опомнился: – За все благодарю тебя, о мой Аллах!»

Несколько приглашенных лекарей и знахарей, среди которых выделялся Мавлона Фарадж, сидели около больного. Они тут же встали, освобождая место Амиру Сахибкирану. Он подошел ближе и посмотрел на внука... Сердце его замерло! Трудно было представить, что лежащий перед ним, истаявший от мук и страданий... человек – могучий завоеватель Бурсы, что это он победно атаковал Измир! Трудно было поверить своим глазам... Единственное, что от него осталось – огромные глаза. Только они могли свидетельствовать, что это – Мухаммад Султан. Увидев деда, шахзаде заволновался. Он хотел что-то сказать, но... не мог произнести ни единого слова.

– Он... не может говорить? – спросил лекаря пронизательный Сахибкиран, не сводя с внука пристального взгляда. – Давно это случилось?

– Со вчерашнего дня нам не довелось слышать его голоса и благородных речей, Ваше величество Сахибкиран... – склонив голову, тихо ответил лекарь.

Узнав, что пошел второй день, с тех пор как шахзаде перестал разговаривать, Сахибкиран, едва сдерживая слезы, прошептал:

– О Аллах! Что же это за напасть?

– Мы дали ему одно лекарство. Храним надежду, что, с помощью Тенгри, оно поможет... – сказал лекарь Мавлона Фарадж.

– Найдите самые сильные, самые действенные лекарства, – обратился к лекарям Сахибкиран.

– Будет исполнено!

Амир Сахибкиран остался у изголовья шахзаде. Голову, как молния, пронзила мысль: «Сглазили все-таки моего внука!» Глядя на него, он вспомнил, как Шейх Зайниддин Абу Бакр Тайабади сделал когда-то для Джахангира Мирзы треугольный талисман из черного бархата и, повесив ему на шею, сказал: «Этот талисман всегда носите у сердца. Он будет оберегать вас от всякой нечисти, от сглаза...» После смерти Джахангира Мирзы Ханзада-ханум велела, чтобы талисман носил Мухаммад Султан. Вон и сейчас на золотой цепочке он висит на шее у наследника.

Сахибкиран гнал от себя страшные мысли, не хотел думать о том, какие напасти возможны впереди. Да... в последнее время слава шахзаде Мухаммада Султана, столь дорогого и любимого прославленному деду, который неизменно был рядом, росла непомерно. Умный, сметливый, отважный бахадур, беспощадный к врагам, справедливый, как дед, храбрый воин, хозяин своего слова... И то, как он обустроил Ашпару, и то, что ему доверили управление Самаркандом, и то, что ему достался престол Хулагухана – все это было у людей на слуху. А теперь еще и фатх-наме о победе над Румом в его честь... Да... неужели сглазили его?..

Сахибкиран старался всегда быть сдержанным, но... может, не сумел сдерживать свою сильную привязанность к шахзаде? После трагедии с Джахангиром Мирзой, он поклялся только в душе гордиться своими детьми, никому, никогда не говорить о своей любви, тем более чужим людям... никому не давать повода для зависти... Но, видно, опять дал слабину, не обуздал родительских чувств! Он приказал отправиться в Акшехр и пригласить туда лучших лекарей.

Тем временем ему доложили о прибытии из Испарты Шахруха Мирзы.

– Хорошо, что приехал, свет моих очей! – сказал Амир Темур, встречая сына. – Кто мог подумать, что наследник так сильно заболевает...

– Пусть Аллах ниспошлет ему исцеление!

Однако... решение Всевышнего было иным. Они не успели отъехать от Карахисара... в восьмьсот пятом году¹ хиджры, в год барана, на 18-й день месяца шаабан, в понедельник случилось страшное событие, представить которое за пару дней до этого было невозможно даже в страшном сне... В судорогах, вызванных сильной болью, прямо на руках у своего деда Амира Темура шахзаде Мухаммад Султан отдал душу Вечному властителю. Его чистая душа, вырвавшись из оков тела, улетела в райские сады...

От горя Амир Темур не знал куда себя деть. Будто бы небо опрокинулось ему на голову! Эх, была бы рядом Бибиханум, она, возможно, нашла бы какие-то добрые слова утешения в таком горе... Но... она в Султании. А внука, который только что был рядом, его наследника, горы, на которую он опирался, продолжателя его дела... уже нет! Разум отказывался принять такую злую, тяжкую правду. О великий Создатель! Шахзаде... должен был возглавить салтанат после Сахибкирана! Так кто же теперь его возглавит?..

У Низамидина Шами сердце рвалось на части от безутешной скорби Амира Темура... Горькие слезы, что безудержно лились из его глаз, омывая лицо,

¹ 13 марта 1403 г.

капали на седую бороду, а потом скатывались вниз, казалось, они сверлили землю под ногами, заставляя и ее страдать. И Шахрух Мирза, и Мухаммад Чурага-дадхак, и другие придворные не могли удержаться от слез.

Тем временем со всей округи, из ближних и дальних мест непрерывным потоком тянулись саййиды, представители знати, духовенства, шейхи, дабы выразить свои соболезнования. Все сущее оделось в траур. Куда ни посмотри, беки и чиновники, люди, служившие у шахзаде, в черных одеждах оплакивали его кончину. Невольницы метались, подобно сиротам, потерявшим кров. Волосы их были распущены, они рыдали, набросив на головы черный войлок и осыпая себя пеплом. Несчастная Согинч-ханум буквально потеряла рассудок. Оккиз-бегим и Нигар-ока, у которых на душе тяжелым камнем лежала страшная утрата, позабыв о себе, суетились вокруг неподвижной Согинч.

– Вай, родная моя, душа моя! – умоляла ее Оккиз-бегим.

– Откройте глаза! Не пугайте нас, не пугайте! – упрашивала ее Нигар-ока.

Согинч-ханум то приходила в себя, то опять впадала в забытие... Порой она казалась просто мертвой...

Несмотря на страшные муки расставания с любимым внуком, Сахибкиран, взяв себя в руки, вновь проявил свою непоколебимую стойкость.

С одной стороны от него стояли беки, амиры, военачальники, знатные люди, властители всех краев, с другой выстроились военачальники Мухаммада Султана.

– Мамат! Тело шахзаде доставить в Султанию... – с трудом отдал страшное распоряжение Амир Темур. – Пусть сопровождают его двести человек. В Султании погребальные носилки временно установить на мазаре Кидвар-пророка. Оттуда отправим их в Самарканд... И еще: Мамат, смотри внимательно, чтобы никто не проговорился о случившемся ни Бибиханум, ни матери шахзаде... Ханзаде-ханум, да и вообще никому из женщин. Не выдержат они... Ты пошли им специального гонца с наказом, чтобы они приехали в крепость Ховник, что неподалеку от Эрзурума. Вот там мы с ними и встретимся. Понял?

– Да! Понял, Амир Сахибкиран! – тихо ответил Мухаммад Чурага-дадхак, еще сильнее опечалившись, когда услышал, как на словах «матери шахзаде» хазрат споткнулся и... чуть было не заплакал.

– Мамат! Разве я мог думать о таких днях? Но... что тут поделаешь... Аллах прав... Пусть направят лучших архитекторов и строителей в Самарканд. В столице около хонако¹, которую построил сам шахзаде, воздвигнуть мавзолей. Там и будет последнее пристанище моего внука...

– Если... если вы сочтете это возможным... – сказал Шахрух Мирза, присоединившись к их разговору, – я бы тоже сопровождал обоз до Султании.

Амир Темур, погруженный в свои мысли, некоторое время смотрел на сына, раздумывая. Потом сказал:

– Нет. Побудь тут, около меня... В зимнюю пору моей жизни ты – моя опора. Ты – единственный сын, у меня оставшийся...

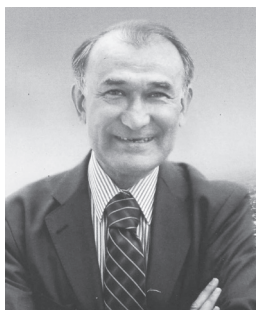
Услышав эти слова, Шахрух Мирза содрогнулся.

Обоз с телом шахзаде Мухаммада Султана двинулся в сторону Султании. К нему присоединились Согинч-ханум и остальные жены покойного. Теперь, после смерти шахзаде, они стали самыми близкими подругами. Ахий Джабарбахадур со своим войском возглавлял караван.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Диноры АЗИМОВОЙ.

¹ Хонако – молельня.

Ало ХОДЖАЕВ

СВЕТ ПАМЯТИ

Сарвар Алимджанович Азимов – человек, который был широко известен не только как писатель и литературовед, но и как крупный государственный и общественный деятель, дипломат. В 2018 году исполнилось 95 лет со дня его рождения.

Сарвар Алимджанович Азимов родился 20 мая 1923 года в Джизаке в семье образованных людей, стремящихся воспитать своих детей грамотными и целеустремленными. Надо сказать, что это удалось им сполна. Во всяком случае, именно в этой семье родился будущий выдающийся поэт Хамид Алимджан, старший брат Сарвара, сыгравший огромную роль в его гражданском и творческом становлении; в духовной атмосфере семьи получил воспитание и двоюродный брат, будущий крупный писатель, партийный и государственный деятель Шараф Рашидов. В Джизаке Сарвар учился в средней школе, в Педагогическом техникуме, а затем пылкий и активный юноша с успехом учился на филологическом факультете Среднеазиатского государственного университета (ныне НУУз). Его научные и литературные интересы ярко проявились еще в вузе, но профессиональная литературная деятельность началась в 1948 году. В это время он пишет первые рассказы и очерки, готовит монографию «Творчество Хамида Алимджана», основанную на материалах диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук. Со временем он становится доктором филологических наук. В соавторстве с членом-корреспондентом АН УзССР Юсуфом Султановым он создает учебники по узбекской литературе, периодически регулярно публикует критические статьи, посвященные актуальным проблемам узбекской прозы и поэзии, вопросам культурного наследия.

Первые шаги в трудовой деятельности С. Азимова были связаны с наукой: с 1948 по 1955 годы он работает научным сотрудником, заведующим сектором, заместителем директора Научно-исследовательского института языка и литературы имени А. С. Пушкина Академии Наук Узбекистана. Как серьезного и авторитетного ученого, тонко разбирающегося во многих аспектах

Ало ХОДЖАЕВ. Родился в 1940 г. в Ташкенте. Окончил филфак ТашГУ (ныне НУУз), аспирантуру при АОН в Москве. Кандидат философских наук. Работал главным редактором, гендиректором киностудии «Узбекфильм», занимался общественной деятельностью. Колумнист интернет-изданий «Nuz.uz. Новости Узбекистана» и «Вести.uz».

литературы, искусства и литературоведения, в 1955 году партийный руководитель Узбекистана А. И. Ниязов приглашает Сарвара Азимова на работу в центральный аппарат в качестве заведующего отделом науки и культуры ЦК КПУз.

В 1956 году Сарвар Азимов избирается Первым секретарем Правления Союза писателей Узбекистана, в 1957 назначается министром культуры, через два года – заместителем председателя Совета Министров, затем министром иностранных дел Узбекской ССР. Такой стремительный карьерный рост Сарвара Алимджановича обусловлен исключительно его личными деловыми качествами, широкой эрудицией и принципиальностью. На этом посту он вместе с Председателем совета министров СССР А. Н. Косыгиным и министром иностранных дел страны А. А. Громыко участвовал в организации и проведении встречи премьер-министра Индийской Республики Лала Бахадура Шастри и президента Пакистана Мухаммеда Айюб Хана на известной Ташкентской конференции, посвященной разрешению Кашмирской проблемы, в 1966 году.

Достойная деятельность С. Азимова позволила в 1969 году направить его Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Республику Ливан, где он успешно работал до 1974 года. В том же году он был утвержден Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Пакистане. Это были весьма ответственные и нелегкие полномочия по развитию плодотворных и устойчивых связей Советского Союза со странами Ближнего Востока и Южной Азии.

Сарвар Алимджанович прекрасно справлялся со своими обязанностями, следствием чего были установившиеся тогда прочные и стабильные взаимосвязи нашего государства с данными мусульманскими странами.

Более чем десятилетнее пребывание за границей отнимало все силы и время, а Сарвар Алимджанович тосковал и по своей Родине, и по активной литературной деятельности. В 1980 году он избирается Первым секретарем Правления Союза писателей Узбекистана. Но через 8 лет его, как опытного дипломата, вновь назначают министром иностранных дел Узбекской ССР.

Однако С. Азимов внес заметный вклад в развитие узбекской литературы: он автор повестей и рассказов «Радуга», «Два сердца – два мира», «Звездоокая», «Осенние письма», пьес и сценариев «Кровавый мираж», «Я вижу звезды», «Листок из блокнота» и «Сыны отечества» (совместно с Н. Рожковым), «Драма века» и др.

Как писателю и литературоведу Азимову присвоены звания «Заслуженный деятель науки Уз ССР», «Народный писатель Узбекистана», он был награжден международной литературной премией «Нилуфар» («Лотос»). Как государственный деятель С. Азимов был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, избирался Депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР, неоднократно избирался депутатом Верховного

Совета Узбекской ССР, членом ЦК КП Узбекистана.

Как заместитель Председателя Совета министров республики, будучи председателем оргкомитета, С. Азимов успешно организовал первые Ташкентские Международные кинофестивали стран Азии, Африки и Латинской Америки. Значение этих киносмотров трудно переоценить.

Среди коллег на любом поприще он выделялся серьезностью, основательностью, вызывая уважение, а его весомые и аргументированные мнения производили неотразимое впечатление. Я имел счастливую возможность убеждаться в этом, наблюдать, как крупнейшие писатели, партийные и государственные деятели, руководители хозяйств попадали под его влияние, при этом не испытывая никакого дискомфорта. Помнится, где-то в начале 80-х годов он позвонил мне (секретарю Ташкентского обкома партии) и попросил организовать поездку в колхоз имени Хамида Алимджана Аккурганского района группы гостей-писателей, находящихся в Ташкенте в связи с российской декадой литературы и искусства. Я видел, как весьма избалованные и не привыкшие к соблюдению дисциплины литературные мэтры тут же умолкали и с вниманием слушали выступления С. А. Азимова, который говорил, как правило, очень негромко и деликатно. В колхоз и обратно мы ехали в одной машине с Председателем правления Союза писателей СССР Георгием Марковым. Этот официально наделенный неограниченной властью в литературном мире чиновник, автор эпопеи «Сибирь», в дороге подчеркнуто уважительно и дружески советовался с Сарваром Алимджановичем по различным вопросам, в частности, по поводу предстоящей встречи с Ш. Рашидовым. Кстати, сам Азимов поделился своими ощущениями от разговора с Шарафом Рашидовичем после своего возвращения в Узбекистан: «От него будто исходило какое-то величие, сияние, какой-то неуловимый светлый нимб. Он очень изменился за эти 11 лет, я его просто не узнавал». Г. Марков согласился, что в лице Рашидова писательская общественность страны всегда видит заботливого покровителя и друга.

С. А. Азимов был очень принципиальным человеком в вопросах соблюдения дисциплины и этики. В связи с этим мне вспоминается один курьезный случай, происшедший в период моей работы директором киностудии «Узбекфильм». Вместе с режиссером Али Хамраевым мы побывали в Италии на предмет переговоров с итальянскими продюсерами о создании эпопеи об Амуре Темуре, после чего понадобилось постоянное общение с римскими коллегами. На студии тогда не было факсов, и я обратился с просьбой к знакомому работнику МИДа разрешить использовать их факс. Получив разрешение, я написал послание с детализацией имеющихся проблем, а в ответ получил письмо, в котором, кроме рабочих тем, была благодарность за прекрасный плов, который мы приготовили в Риме, и просьба переслать им узбекский казан. Дежурный МИДа, ознакомившись с таким необычным

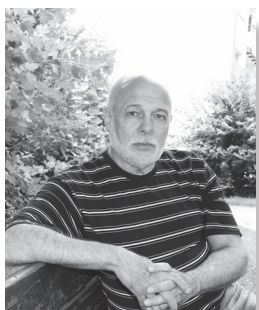
по содержанию факсом, тут же показал документ министру. Недовольству и удивлению Азимова не было предела. Мне было крайне неудобно, но я понимал, что в словах Азимова было полное неприятие какой-либо отсебятины, амикошонства, неуважения к статусу министерства внешней политики нашей республики.

Больше мне общаться с ним не довелось. Тем более, что через некоторое время он неожиданно ушел из жизни.

В воспоминаниях Сергея Баруздина – главного редактора журнала «Дружба народов» – о литературном мастерстве Азимова есть такие слова: «...немаловажное значение имели чисто человеческие качества Азимова – доброта и выдержка, строгость и внимание к людям, личное обаяние... И, признаюсь, мне всегда был по душе этот милый, добрый, щедрый, подтянутый человек. ...У него есть чему поучиться, рядом с ним хочется быть лучше, чем ты есть на самом деле... Право, всегда важно, чтобы хороший писатель был хорошим человеком. Сарвар Азимов – прекрасный человек, верный товарищ, умный собеседник и советчик. Более того, скажу, что каждая встреча с ним обогащала меня». Таков взгляд коллеги по литературному поприщу.

А соратник по дипломатической деятельности Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Михаил Цвигун приводит в том же журнале конкретные факты об исключительно полезной деятельности С. Азимова в Ливане и Пакистане, напоминая, к примеру, высказывание бывшего президента Ливана Шарля Хелу о том, что в крайне конфликтной ситуации, связанной с угоном истребителя «Мираж», «своими решительными действиями посол С. А. Азимов спас традиционно дружественные ливано-советские отношения от кризиса с непредсказуемыми последствиями».

Весьма показательны воспоминания Игоря Халевинского, работавшего под началом Азимова в Пакистане, ныне – заместителя председателя Совета Ассоциации российских дипломатов: «Сарвар Алимджанович Азимов, по моему глубокому убеждению, дипломат с большой буквы. В моей дипломатической карьере это был первый посол огромной человеческой духовности после череды советских послов, в целом, хороших и даже неординарных профессионалов. Сарвар Алимджанович вызывал восхищение своей добротой к людям, вниманием к каждому, необыкновенной образованностью... Как недостает его таланта в нынешней обстановке! Мне посчастливилось сопровождать его при всех встречах с высшим руководством страны в МИДе, парламенте, министерствах и ведомствах, беседах в общественных и политических кругах страны. Это были удивительно проникновенные, душевные беседы. Их мог проводить только посол от Бога...»

Игорь МАЛКЕЕВ

КНИГА ЖИЗНИ

Рассказы

АДАМОВО ДЕРЕВО

Замечательному человеку, прекрасной женщине и чудо-матери Арлетте Мукурдумовой посвящается.

Эта девушка была очень красива. Среднего роста, хорошо сложена... Нежную кожу лица, подобную прекрасному цветку небесного посланца, большие голубые глаза, скрывающие какую-то тайну, прямой небольшой носик, сияющую белозубую улыбку, утонченный лик венчала диадема золотистых, со вкусом уложенных волос, придававшая ей удивительное сходство с одной из кариатид древнего Эрехтейона. Я издали благоговейно восторгался ее красотой, но врожденная робость не позволяла совершить первый и самый сложный шаг к желаемому и возможному сближению. Вездесущий, «всезнающий и многоопытный теоретик» Лева Фрамкин, заметив мой увлеченный взгляд, выдал полную информацию. Зовут ее Вера, она пианистка, учится на последнем курсе. Мое любование продолжалось бы и дальше, но, очевидно, зародившееся и расцветающее чувство, подобно спасительному свету маяка, призывающего к себе корабли, или губительному пламени свечи, притягивающей к себе ночных бабочек, вызывает ответные эмоции и постоянно усиливающийся магнетизм, достигнув апогея, оборачивается «случайной» встречей. Лил сильный дождь. Все свободные от занятий студенты училища укрылись на единственной крытой террасе, пристроенной к главному корпусу. Изрядно промокнув, я взбежал на крыльцо и... оказался лицом к лицу с владычицей моих грез. Я смотрел на нее, и прекрасный, редкой красоты цветок расцветал в моем сердце. Я хотел, чтобы дождь продолжался как можно дольше, но он быстро закончился, и терраса опустела. Только двое, мечтавшие стать единым, стояли на ней и молча смотрели друг на друга. На следующий день, с нетерпением ожидая условленной встречи, я лихорадочно думал, как и чем удивить, привлечь и расположить к себе прекрасную Веру. Я был готов бросить к ее ногам все сокровища мира, которых у меня, к счастью или к несчастью, не было. Во многих кинофильмах я видел, как влюбленные дарят

Игорь МАЛКЕЕВ. Родился в Ташкенте в 1948 г. Музыкант, художник, кандидат в мастера спорта СССР по фехтованию на саблях. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

цветы своим избранницам, но на один рубль, который мне давали родители на обед в студенческой столовой, невозможно было купить даже маленький букетик цветов. А какое же это свидание без цветов?! Только через четверть века мучительных поисков истины, а вернее, попыток найти путь, ведущий к ней, я узнал и понял, что нельзя срывать или срезать цветы, так как они являются такими же, как и все растения, птицы, животные и люди, живыми, одухотворенными, наделенными чувствами и ощущениями, полноправными жителями планеты Земля, питающими ее и дарующими людям при их сознательном устремлении через обоняние и зрение ценное качество жизнеспособности, называемое «Натуровалорис». Срывая цветок, мы убиваем живое существо, наделенное душой, подобной нашей, а иногда, может быть, даже и превосшедшей и опередившей ее в своем развитии.

На одной из улиц, ведущих к центральному скверу, росли мощные, очень высокие, посаженные еще в конце девятнадцатого века мирты, называемые на Востоке деревом красоты и вдохновения. Это прекрасное величественное дерево было создано не для человека, а для места, предназначено для особых, пространственных целей и олицетворяло собой пространство рая, из которого Адам принес с собой на землю одно маленькое семечко, спрятав его за щеку, в честь чего дерево получило название «Адамово дерево». За большими веерообразными листьями этих деревьев укрывались прекрасные белые цветы, похожие на цветы акации, но большего размера и с более утонченным и благородным ароматом. Решив, что ничего лучшего не смогу найти, я отправился к гордому великану, чтобы по неразумию лишить его части сокровищ, дарованных ему природой. Положив скрипку под дерево, я попытался взобраться на него, но это оказалось не так просто. Не за что было уцепиться и не на что было опереться. Вспомнил свои детские опыты покорения древесных вершин. Военный городок, в котором жила наша семья, пересекала быстрая горная речка Салар, на берегах которой росли большие деревья, вершины которых смыкались над ней, образуя из ветвей воздушный висячий мост. Наша мальчишеская команда перебирались по этому мосту с одного берега на другой. Ветви прогибались, грозя обломиться, вода своей магической мощью притягивала к себе. Было очень страшно, но нельзя было ни остановиться, ни вернуться назад, так как за тобой, преодолевая тот же страх и те же трудности, продвигались твои друзья.

Воодушевленный воспоминаниями, я вновь устремился к близкой, манящей в вышине, но труднодостижимой цели. После многократных безуспешных попыток мне все-таки удалось добраться до одной из ближайших ветвей и сорвать гроздь с белыми, нежными, благоухающими сладким дурманящим ароматом цветами. Гордый великан застонал от причиненной ему боли, природа содрогнулась от содеянного мной, а Создатель сокрыл свой лик в печали. Срывая это нерукотворное чудо, я ощутил боль, которую испытало огромное, прекрасное легендарное дерево, от бездушного деяния, совершенного мной. Впервые в жизни я понял, что растения тоже испытывают боль при малейшем насилии, совершенном над ними. Придерживая цветы зубами и обхватив ствол руками, я соскользнул вниз, изрядно ободрав о твердую кору дерева кожу на руках. Мечтая удивить Веру при встрече, бережно положил нежную благоухающую, обреченную мной на преждевременное увядание красоту поверх скрипки в футляр, но цветы к вечеру, потеряв свое великолепие, которым они блистали в недостижимой вышине, увяли, превратившись в бесцветную, дурнопахнущую, студенистую массу, и мне пришлось

их выбросить. Облачко пыли с шемящей грустью саваном покрыло подвенечный наряд неземной красоты.

Теперь, через много лет, восстанавливая и анализируя каждое мгновение того дня, я пытаюсь понять, почему и как мог я за такой короткий промежуток времени совершить столько глупостей, принесших вред мирозданию, природе, дереву, мне самому и, может быть, еще многим, известным и неизвестным мне, людям. Величие Творца уравнивает песчинку с горой, а прекрасный цветок – с целой Вселенной. Припомнился рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром», в котором он рассматривает возможность изменения мироустройства из-за случайно раздавленного в глубокой древности цветка. К сожалению, во время моей «сумеречной юности» я даже не задумывался ни об эволюции, ни о месте человека в ней, ни о незаметных, неощутимых, теснейших связях человека с природой. Все мои помыслы, мечты и стремления определялись только одним словом – «любовь», хотя в то время я еще совсем ничего не знал об этом прекрасном, возвышенном чувстве, дарующем крылья, которые могут вознести человека к звездам или низвергнуть его в мрачную пучину безумия. Теперь, после полувекового порой горького и мучительного опыта я хорошо осознал дарованную нам поэтом истину о том, что «жизнь не шутка, не забава и даже не наслаждение, а горький и тяжелый труд». Познавая мир, расширяя сознание через общение с книгами и людьми, я пытался понять, действительно ли нужны женщине и мужчине эти пресловутые любовь и совместная семейная жизнь или это просто замаскированная, приукрашенная людьми ловушка природы, предназначенная для слабых духом. Ведь и в наше время существуют монастыри (женские и мужские), куда в поисках истины удаляются многие люди, не нашедшие ее в постоянной, бесконечной, бесполезной, развращающей и оупляющей сутолоке человеческой жизни. Но что такое истина, где и как можно ее найти? Даже Светлейший и Высочайший Посланец не смог ответить на этот первостепенный, важнейший, издревле волнующий каждого мыслящего человека вопрос бытия. Возможно ли найти Истину в женщине или с ее помощью, и ищут ли Истину сами женщины? Неужели мужчина все еще настолько слаб, что нуждается в поводе, которого он сам до сего времени считал, считает и называет слабым?

Прошли годы, прекрасное гордое дерево, давно простив меня, забыло обо мне, но я почему-то не могу забыть его величавое спокойствие, сказочные, источающие райский аромат цветы и удивительное имя, напоминающее человеку о начале всего сущего. Имеет ли оно действительно какую-либо связь с библейским Адамом или это измененное временем узбекское слово «одам» (человек)? Оба слова имеют почти одинаковое написание, звучание и значение. Многие народы в глубокой древности обожествляли различные деревья и растения. Древние кельты поклонялись омеле-ольхе, германцы – дубу, Индия обожествляла лотос, древний Египет – лилию, символ небесного Посланца, который впоследствии переняло христианство, роза была символом и опознавательным знаком могущественного тайного братства. В наше время растения и цветы украшают флаги и гербы многих государств. Береза, клен, дуб, лотос, хризантема являются символами утонченной и возвышенной души народа.

Наше первое свидание состоялось без цветов и... оказалось последним. Вечером после занятий я проводил Веру до дома, расставаться не хотелось. Мы вошли во двор, сели на одинокую, потрескавшуюся под лучами солнца скамейку, наслаждаясь прекрасным, сказочным, многоцветным миром, который, подобно благоухающему розовому бутону, завораживая и пленяя, раскрывался перед

нами. Через некоторое время, то ли проголодавшись, то ли желая, пригласив меня к столу, выказать свое радушие, Вера, увидев женщину, показавшуюся на террасе второго этажа, подошла ближе к своему дому и спросила ее: «Мама, у нас есть что-нибудь пожевать?» Прекрасный, сказочный мир мгновенно обесцвел и исчез, волшебная мелодия прервалась на первых же нотах.

Мы больше никогда не встречались. Прошло много времени, целая жизнь. Я забыл, как мне казалось, прекрасную сказку, но почему-то уже несколько лет моя совесть постоянно призывает меня в прошлое, будит глубокие сомнения в правильности моего импульсивного, необдуманного решения. Что произошло, что случилось со мной в тот летний вечер, что происходит сейчас? Почему мне очень хочется вернуться в тот уютный дворик и оказаться сидящим на скамейке рядом с девушкой, казавшейся мне когда-то греческой богиней? Иногда мне кажется, что я совершил непоправимую глупость, отвергнув дар судьбы, ибо ничто не происходит случайно и наша встреча была именно этим даром, который я так легкомысленно, опрометчиво отверг только из-за одного неблагозвучного слова.

АЛАЯ ГЕРАНЬ

Морозным зимним вечером, в канун нового года, возвращаясь домой из библиотеки, я увидел на тротуаре под окнами нашей многоэтажки запорошенные снегом осколки маленького цветочного керамического горшочка, среди которых лежала, тшетно цепляясь за остатки грунта, когда-то питавшего ее, воспетая поэтом нежная алая герань¹, которая, словно руки, протянула ко мне свои изломанные веточки, моля о спасении. Вероятно, все растения, которые несколько столетий сопровождают людей по жизни, научились понимать их и, возможно, на тончайшем ментальном уровне даже общаться с ними, так как я, почувствовав безграничный ужас, охвативший беззащитную тепличную герань, обреченную на медленную, мучительную смерть на морозе, и ее отчаянный призыв о помощи, бережно, как маленького ребенка, поднял ее и принес домой, где за неимением специального горшочка для домашних растений воспользовался небольшой, красивой, украшенной утонченным узором хрустальной вазочкой, поставив ее на таком же хрустальном блюде на подоконник кухонного окна. Герань, отогревшись и немного привыкнув к новой, незнакомой обстановке, приободрилась и, выражая мне свою безграничную благодарность за спасение, засверкала на фоне темно-синего ночного окна разнообразными благородными тончайшими оттенками алой и зеленой цветовой палитры. Я очень люблю полевые, садовые и комнатные цветы, но никогда не видел это растение, о котором когда-то прочитал в одном популярном журнале, что оно вызывает и хранит любовь между мужчиной и женщиной. Удивительно, но эта случайно найденная мной на улице алая герань открыла мне новый, ранее недоступный, благородный, утонченный и возвышенный мир звука и одарила возвышенным чувством, которое уравнивает человека с богами.

На следующий вечер моя соседка сверху Альяна², которая своим бесконечным пиликанием на скрипке постоянно мешала сосредоточиться на работе над книгой и вызывала во мне постоянно растущее раздражение, в

¹ Герань – символ домашнего уюта и тепла – защищает от дурного глаза, отрицательной энергии, делает людей добрее и терпимее друг к другу.

² Альяна – Крылатый ангел. Арабское имя.

очередной раз, вновь прервав труднодостижимое погружение в новый, создаваемый мной мир мыслей и чувств, зашла ко мне с просьбой воспользоваться моим телефоном, так как у нее телефон почему-то снова не работал. Кухня была одновременно и моим рабочим кабинетом. Телефон, естественно, находился на многофункциональном кухонном столе, в данную минуту заваленном множеством книг, энциклопедий, конспектами и черновыми набросками будущей книги. Войдя в кухню и увидев на подоконнике алую герань, Альяна неожиданно подошла к ней, с удивлением внимательно осматривая ее. Испытывая раздражение от пронизывающих бетонные стены и заполняющих все окружающее пространство звуков, от которых невозможно было укрыться, я часто вынужден был работать над своей книгой в городской библиотеке, которая, к счастью, находилась недалеко от нашего дома, но даже там, в полнейшей тишине, мне иногда казалось, что я слышу звуки прекрасного инструмента, превратившегося в орудие жесточайшей пытки. Постоянный звуковой прессинг стал культивировать постепенно нарастающую неприязнь к виновнице его возникновения, и, чтобы как-то скрыть свои негативные эмоции, я избегал смотреть Альяне в глаза при каждой случайной встрече в подъезде или на улице, и, кивнув головой, быстро проходил мимо, но сейчас, когда она, растерянная, стояла у окна, с недоумением рассматривая растение, найденное мной на улице, что-то непонятное произошло со мной, словно какая-то пелена спала с глаз, и я впервые с интересом посмотрел на свою долго терзавшую меня и постоянно вызывавшую раздражение соседку, которая оказалась привлекательной милой девушкой, небольшого роста, с гладко причесанными и собранными на затылке золотистыми волосами. Одета она была в белую блузку и голубую джинсовую мини-юбку, которая позволяла восхищаться дарованными ей природой прекрасными формами. Заметив устремленный на подоконник взгляд, я объяснил ей, что эту герань я нашел вчера вечером на улице, и пошутил, что теперь осталось только найти любовь. Альяна удивленно взглянула на меня, и я пораился удивительной красоте, чистоте и глубине ее глаз, в которых исчезла вся моя многолетняя ослепляющая отвратительная неприязнь и... я сам. Я не понимал, что со мной творится и, забыв обо всем на свете, восхищенно любовался красотой девушки. Мне хотелось продлить эти чудесные мгновения, но Альяна, закончив телефонный разговор, извинившись и поблагодарив меня, ушла. Вскоре виртуозные пассажи и проникновенная кантилена вновь зазвучали в моей кухне и, что самое удивительное, я, открыв энциклопедию, упиваясь волшебными звуками, рожденными в сердце, и пальцами прекрасной девушки, увлеченно стал читать главу по истории музыки и скрипичного искусства, открывшую ранее неведомый мне мир, рожденный в солнечной Италии великими кудесниками скрипки – Страдивари, Гварнери, Маджини, Корелли, Вивальди, Тартини и Паганини.

Альяна, поблагодарив недружелюбного соседа, который кухню превратил в библиотеку, придя домой, взяла скрипку и попыталась раствориться в величественном и прекрасном мире «Чаконы» Баха, но мелкие, житейские мысли мешали ей слиться с великим творением многострадального гения. Альяна положила скрипку в футляр и села у окна, зачарованно глядя на бесчисленное множество звезд, рассыпанных на небосводе, ошущая неведомое ранее единство с этими бесчисленными мирами, управляемыми единым законом, и подумала, что люди, подобно звездам, рассыпаны на планете и каждая такая

звезда освещает и согревает свою семью; когда-нибудь она тоже станет такой же звездой. Многие из ее бывших сокурсниц, еще учась в консерватории, обзавелись семьями, стали мамами, а она ни разу не испытала трепетного, возносящего к небесам чувства, не ощутила тепла первых робких, стыдливых объятий, сладости первых поцелуев. Вечерами, расчесывая свои длинные золотистые волосы и рассматривая себя в зеркало, она спрашивала себя: «Почему молодая, красивая, талантливая и воспитанная девушка не привлекла внимания ни одного сокурсника, коллеги по оркестру или просто встречного мужчины? Даже этот странный сосед снизу (то ли писатель, то ли историк) никогда не смотрит на нее и, кивнув головой при встрече, проносится мимо.

* * *

Вечером в канун нового года Альяна, делая уборку в квартире, поставила горшочек с геранью на подоконник открытого окна и стала вытирать пыль. Ее любимая кошечка Шейла, почувствовав волну холодного воздуха, запрыгнула на подоконник и с интересом стала наблюдать за кружащимися за окном снежинками. Она осторожно продвинулась к краю подоконника, желая посмотреть, куда они направляются, и случайно задела маленький керамический горшочек с алой геранью, который, пошатнувшись, выпал из окна. Альяна не расстроилась и не рассердилась на любознательное животное, а спокойно надела теплую куртку и спустилась вниз, намереваясь спасти упавшую герань, но, к ее удивлению и сожалению, только ровный слой снега покрывал тротуар под окном ее квартиры. На следующий день вечером она зашла к своему соседу, чтобы позвонить с его телефона, и была очень удивлена, увидев у него на окне свою герань, но еще более поразила его большим, умным глазам, которые светились беспредельной добротой. Ее цветок – символ домашнего тепла и уюта, который должен был одарить ее счастьем и покоем, по воле случая оказался у ее недружелюбного соседа! Но... каково было ее удивление, когда на следующее утро на лестничной площадке перед входной дверью в ее квартиру она обнаружила прекрасную благоухающую алую розу.

И целый месяц каждое утро Альяна с неизменным волнением и восторгом находит у порога прекрасный символ любви... Этот сосед снизу (то ли писатель, то ли историк), который даже не смотрит на нее, вряд ли способен на подобное...

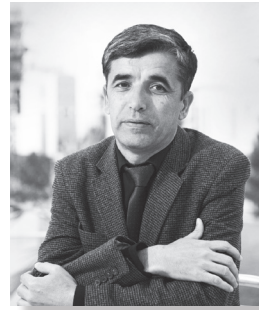
МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО РЕКИ СНОВ

Белоруссия. Белая Рось. Удивительное былинное звучание и глубинный, магический смысл излучают эти слова. Какое таинство природы оберегают и скрывают они? Сказочные лунные ночи Ивана Купалы, живое волнуемое серебро льняных полей, собравшее и впитавшее в себя всю мудрость Луны, или, может быть, светлую, ничем не омраченную душу белорусского народа?..

В 1952 году мой отец повез меня из Ташкента в Гомель, чтобы показать своим родным. Ничего не сохранилось в детской памяти о Гомеле, только огромная, высоченная стена, оставшаяся от дома, и груда битых кирпичей. В четыре года я еще не знал слово «руины». Затем мы поехали в город Шорс и долго жили у бабушки в большом доме с огромным двором, по которому

степенно расхаживали большие куры, утки и гуси. Правда, в то время мне все казалось большим. Однажды мой отец привел меня в удивительное место, красота которого поразила меня, наполнила мою детскую душу ликованием и глубоко запечатлелась в памяти. Голубое бездонное, с легкими перистыми облачками небо, поле, покрытое пышной изумрудной травой и множеством благоухающих цветов, зачарованная, отражающая небо и наивно мечтающая стать тоже небом река Снов, в хрустальных водах которой, переливаясь фантастическими красками, весело резвились стайки маленьких рыбок. Мой отец, опытный рыбак, заметив мой интерес к жителям подводного мира, вынул из нагрудного кармана рубахи маленькую картонку, на которой была намотана длинная леска с крючком и поплавком, привязал ее к тонкой длинной палке, найденной на берегу, расковыряв землю, вытащил маленького червячка и, насадив его на крючок, забросил в воду. Несколько блестящих в лучах солнца рыбок, заинтересовавшихся червячком, устремились к нему, но самая быстрая из них успела проглотить его и попала на крючок. Я видел, как она сопротивлялась, пытаясь освободиться от неведомой силы, влекущей ее в неизвестность. Наконец рыбка оказалась у меня в руках. Любопытство и радость мои были безмерны. Мне очень хотелось подружиться с этим никогда невиданным существом. Я гладил ее, пытался говорить с ней, но рыбка, очевидно, очень обиделась на меня, так как закрыла свои маленькие глазки и заснула. Все мои старания разбудить ее оказались тщетными. Только через много лет я осознал, что из-за моего наивного детского любопытства прекрасное живое существо лишилось жизни. Я больше никогда не ловил рыбу и очень недоумевал, когда встречал людей, увлеченных этой непонятной для меня забавой. Одного моего друга, старого рыбака, мне удалось красноречивым примером отвратить от его любимого занятия. Я предложил ему представить себе, что кто-то дарит ему конфету, которой он незамедлительно хочет насладиться, положив ее в рот, но вдруг огромный крючок пронзает его небо и тащит в воду, где он в муках задыхается и умирает. Мой чувствительный друг навсегда отказался от рыбалки, а я почему-то часто вспоминаю маленькое сверкающее молчаливое чудо, с которым мне когда-то очень хотелось подружиться, и удивительное место, где мне довелось встретиться с ним. Позже я побывал во многих странах, любовался и восхищался величественной красотой океана, завораживающей тайной бескрайних степей, винноцветием морей и тщетным стремлением горных вершин соединиться с вечно недостижимым небом. Природа прекрасна во всех своих проявлениях, но мне кажется, что нет красивее места на земле, чем река Снов. Так красиво, наверное, может быть только в раю.

Мой мир

ДАВРОН РАДЖАБ

* * *

Я хочу тишины
Празднуй взгляд мой
Так говорят глаза
И «речь» их красноречивей молчания
Хочу тишины
Не будоражь ее
Я может заплачу
Это будет моим словом

* * *

Если выключу свет
Собьюсь все испорчу
Худо будет если даже
Просто пошевелинусь
Мысль и наступающий день – одно
Нарушу – и несдобровать
Так и умерло сердце с раскрытыми глазами
И кочующий свет уже не погасить
Ничем не потушить беспокойство

* * *

Зеркало пошади
Не показывай мне меня
Ничего от тебя не хочу

Даврон РАДЖАБ. Родился в 1967 г. в Ургенче. Окончил Республиканское художественное училище им. П. Бенькова (ныне Республиканский художественный колледж им. Бенькова) и Высшие литературные курсы при СП Узбекистана. Работал художником-оформителем, учителем рисования, корреспондентом в республиканских газетах. Автор стихотворных сборников «Бир томчи юлдуз», «Бахт шамоллари».

* * *

Мысль остановилась
 Без клочка неба –
 Без клочка земли
 Теперь живу
 Мысль замерла
 И лишился я крова
 Мгновенье стало звездой
 А слова разлетелись как бабочки.
 Теперь молчу
 Я лишился своего часа
 Бабочки облетают звезды

* * *

Мои слова
 Превратились в лёд
 На темных ветвях
 Застыли они
 Ты же принял их за мертвецов
 Неужели тебе нравится хоронить
 Смотри идет снег
 А вон на том дереве
 Мой голос

* * *

Я сегодня
 Отпущу себя в небо.
 Стану небом
 Нету меня на земле
 Превращусь в небо
 Помолчи
 Лучше уж
 Дыши

* * *

Лицо
 Облик
 Образ
 Что прочел
 Что ощутил
 То бери
 Не читай ненаписанного

* * *

Хорошие дни словно пощечины
 Напоминают что они прошли
 А дни плохие – невидимки
 То впереди
 То позади
 Крадутся
 И ты хорошим дням
 Подставляешь щеку
 А кто-то спит и ругает
 Твою тень

* * *

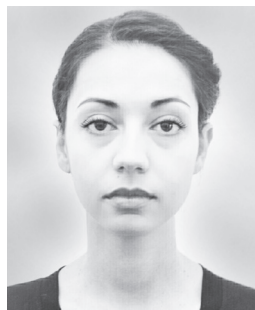
Скомканная бумага
 Вновь стала гладкой
 Написанные буквы
 Вернулись в карандаш
 И вылетел из пламени
 Фотоснимок
 Огонь снова стал спичкой
 Мысль поглотилась
 Зрачком
 Ничего
 Ничего
 Не произошло

Перевод с узбекского Санджара ЯНЫШЕВА.

Санджар ЯНЫШЕВ. Родился в 1972 г. в Ташкенте. Поэт, переводчик с узбекского языка. Окончил факультет русской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Знамя», «Октябрь», «Арион», «Дружба народов», «Новый мир» и др.

КОНЦЕРТНЫЕ УВЕРТЮРЫ АВАЗА МАНСУРОВА

РИММА РАДМАН

Концертная увертюра – один из жанров, последовательно развивающихся в творчестве композиторов Узбекистана, представляя собой сочетание различных стилевых направлений, традиций и новаций. Искания отечественных композиторов на современном этапе отражены в концертных увертюрах известного композитора Аваза Мансурова – автора восьми сочинений этого жанра, том числе увертюры «Наврўз байрамига» (1990), «Янгра, дойра, жарангла!» (1993), «Обод юрда байрам бугун» (2012), «Тошкент бўйлаб қадам ташлайман...» (2013).

Традиционность и новаторство увертюры А. Мансурова следует рассматривать как с позиций специфики данного жанра в его классическом понимании, так и в плане обращения к образности, стилистике, принципам развития и формообразования, свойственным узбекской традиционной музыке. Следование традиции и черты обновления жанра попытаемся проследить на уровне программности, трактовки жанра, исполнительского состава, формообразования и средств музыкальной выразительности.

Программность, как следует из названий увертюры, воплощает чрезвычайно характерный для композиторского стиля А. Мансурова праздничный, жизнеутверждающий тип образности. Указанная образность преемственно связывает их с увертюрами предшествующего периода («Праздничная увертюра» Д. Шостаковича, «Ферганский праздник» Р. Глиэра и др.), что заставляет вспомнить слова Б. Асафьева об «освобождаемой человечности», в которой «заключается глубокий психологический смысл народной праздничности» (Асафьев Б. М. И. Глинка. – Л., 1978. – С. 246).

В то же время, по собственному признанию композитора, в каждую свою увертюру он стремится внести какую-то изюминку, сделать ее особенной и запоминающейся для слушателя. Такой «изюминкой» становится композиторское обращение к древнему празднику Навруз (одно из первых) как к символу возрождения и обновления страны (увертюра «Наврўз байрамига» была создана в преддверии независимости. Тематика Навруза получила широкое воплощение в произведениях последующих годов: «Наврўз тароналари», цикл «Фрески Навруза», Второй фортепианный концерт Р. Абдуллаева, хор «Наврўз» из оперы «Алишер Навои» М. Бурханова, сцена празднования Навруза из оперы

Римма РАДМАН. Родилась в 1990 г. в Ташкенте. Окончила магистратуру ГКУз. Преподаватель кафедры «Теория музыки» ГКУз. Автор ряда научных статей, участник республиканских и международных научно-практических конференций.

«Омар Хайям» М. Бафоева, детские («Наврўз кўшиғи» Р. Абдуллаева, «Сумалак» Ф. Алимова, «Пришел Навруз» Л. Муждабаевой, «Наврўз» Х. Рахимова, «Наврўзжон» М. Атаджанова) и эстрадные песни; опосредование сигнальных наигрышей традиционных массовых зрелищ и действий (например, увертюра «Наврўз байрамига» открывается попеременным вступлением ударного «усуля» и медных фанфар, живо ассоциирующихся с переключкой нагора и карнаев).

Несколько иного плана программность увертюры «Тошкент бўйлаб қадам ташлайман...». Прогулка по яркому современному городу – еще одно воплощение праздничного настроения, но более личного, интимного, созвучного импрессионистическому колориту оркестровки. Как отметил композитор: «в увертюре «Я иду, шагаю по Ташкенту» в простой, даже немного шуточной форме отражены настроения от прогулки по нашему прекрасному, динамичному, постоянно меняющемуся городу... полного жизни и надежд человека».

Тема Ташкента в творчестве Мансурова не случайна: еще студентом, в 1983 году он сочинил балет «Восточная легенда», затем песню «Тошкент кўчалари». Кардинально изменившийся за годы независимости облик нашей столицы вдохновил композиторов на создание таких сочинений, как кантата «Мой город» (1991) и «Тошкент бўйлаб саёхат» (2006) И. Акбарова, «Тошкент фасллари» (2008) Х. Рахимова. Увертюра «Тошкент бўйлаб қадам ташлайман...» А. Мансурова достойно вошла в эту своеобразную музыкальную «антологию» города, яркий и динамичный образ которого автору удалось раскрыть благодаря точному выбору жанра.

В целом, для Мансурова характерна трактовка увертюры в русле выработанных композиторской школой Узбекистана подходов, основанных на сочетании классических европейских структур с национальными приемами формообразования и тематикой, обогащении звуковой ткани симфонического оркестра тембрами национальных инструментов. Во всех его увертюрах наблюдаются характерные для этого жанра динамичность и лаконизм. Наряду с этим следует отметить интересные поиски композитора в сфере синтеза увертюры и фантазии («Меҳнатга шону-шараф», «Прогресс» – первые образцы не только в творчестве Мансурова, но и в истории концертной увертюры Узбекистана). В увертюре «Янгра, дойра, жарангла!» ощущается сближение с жанром концерта: продолжительная импровизация ударных перед репризой выполняет функцию каденции, одновременно адресуя к кульминационным, демонстрирующим мастерство исполнителя, соло дойры в традиционных танцах. Чередование ударных и духовых инструментов во вступительном разделе увертюры «Наврўз байрамига» опирается на принцип диалогичности, национальные истоки которого можно усмотреть в жанрах лапар и улан.

По исполнительскому составу увертюры А. Мансурова можно разделить на сочинения для симфонического оркестра («Меҳнатга шону-шараф», «Праздничная увертюра», «Прогресс», «Наврўз байрамига», «Тошкент бўйлаб қадам ташлайман...»); сочинения для оркестра узбекских народных инструментов («Янгра дойра, жарангла»); эстрадного оркестра («Менинг Ўзбекистоним»). При этом многие увертюры существуют в нескольких исполнительских вариантах. Например, «Янгра дойра, жарангла», предназначенная для большого состава оркестра народных инструментов, имеет и камерный вариант – дойра в сопровождении фортепиано. Последняя версия приобрела не только концертную жизнь, но и прочно вошла в педагогический репертуар, стала обязательным конкурсным произведением у исполнителей на дойре.

В симфонических концертных увертюрах А. Мансуров прибегает к различным способам ввода тембровой окраски национальных инструментов. Один из них связан с имитацией тембров узбекских национальных инструментов средствами симфонического оркестра. Например, ставшая традиционной для национальной композиторской школы передача звучания карнаев инструментами медной духовой группы оркестра (тромбоны, тубы), что предусматривает введение узбекских национальных инструментов в состав симфонического оркестра. К примеру, нагора, выступающая в качестве главного ударного инструмента в увертюре «Наврўз байрамига». Показателен для композитора и обратный процесс: обогащение звуковой палитры оркестра народных инструментов введением классических европейских инструментов, например, фортепиано, литавр и тарелок в партитуре «Обод юрда байрам бугун».

Разнообразно и формообразование в увертюрах композитора. Наряду с классической для увертюры сонатной формой с сокращенной разработкой и динамизированной репризой («Тошкент бўйлаб қадам ташлайман...») он применяет контрастно-составную форму, свободно сочетающую принципы трехчастности и рондальности («Обод юрда байрам бугун») со сквозной основной темой («Наврўз байрамига»). Одним из главных принципов развития он избирает характерное для узбекской традиционной музыки реализующее «эстетику тождества» вариантное обновление.

Своеобразно применение средств музыкальной выразительности в увертюрах Мансурова. Особое значение приобретают интонации национального мелоса, при том что тематизм концертных увертюр преимущественно строится на собственных мелодиях композитора. Прямая цитата наблюдается только в сочинении «Мехнатга шону-шараф», где вводится фрагмент песни «Мехнат аҳли» бастакора Мухаммаджона Мирзаева, написанной в 1943 году и посвященной открытию Большого Ферганского канала (БФК). Композитор отмечает, что «Мехнат аҳли» – лучшая песня, воспевающая труд, тот порыв человеческой самоотдачи, который был совершен совсем недавними нашими предками... Эту песню я поставил в начало своей увертюры, в конце же вместо повторения основной темы ввел свою мелодию, рисующую образ нового поколения трудолюбивого узбекского народа. Таким образом, песня «Мехнат аҳли» выступает здесь как программная цитата-символ, олицетворяющая наше прошлое и неразрывно связанная с современностью.

С точки зрения тональности следование традиционным образцам проявляется в эпизодическом введении диатонических ладов, прежде всего, миксолидийского и дорийского. Новация в этом плане – применение политональности: F-dur и G-dur в «Наврўз байрамига», одновременное звучание трех тональностей Es-dur, F-dur, B-dur в увертюре «Обод юрда байрам бугун». В своих сочинениях А. Мансуров обращается и к современным техникам композиции. Алеаторика, к примеру, часто вводится в партии ударных инструментов.

Таким образом, в концертных увертюрах А. Мансурова традиционные и новаторские черты проявляются на разных уровнях, обуславливая оригинальный стиль композитора и обогащая национальную культуру Узбекистана яркими жизнеутверждающими сочинениями.

философия искусства

В заключение дискуссии, посвященной премьерному спектаклю в театре «Ильхом» «Симфония. Ну что... начнем?» («Звезда Востока», № 1, № 2, 2019 год).

Олеся ЦАЙ

ОТ ИГРЫ К НЕИГРЕ

«Человек – это звучит гордо».

М. Горький

Человек может звучать гордо.

Но сами по себе ноты гордого звучания не возникают: мелодию нужно писать. А в условиях цивилизации такой капризный и тонкий инструмент, как человеческое тело, постоянно требует настройки.

Сознание – это музыкант, от навыков которого зависит качество звучания. Но бедняга впадает то в запой, то в раздраз и выходит из строя.

Человеку трудно звучать гордо. Но надо.

Зачем? На этот вопрос каждый должен дать себе ответ сам.

Чаще всего «настройка звучания» не проводится. Или проводится неправильно, и тогда вместо музыки лишь слышатся высокопарные слова о человеческом величии и духовности.

А без настройки человек звучит пошло и грязно. Но и с этим можно жить. Совесть чиста не потому, что чиста, а потому, что определенно чище, чем у «некоторых остальных».

Создатель, который все это затеял, чист и милосерден. Он помогает человеку по-настоящему очистить душу при жизни. И после готов принять нас со всеми прегрешениями. У него только одно условие: в «немытом» виде наверх нельзя. После смерти намаявшейся душе следует пройти через чистилище, оставить позади багаж пошлости, сыграть Симфонию Раскаяния и уйти ввысь – в самую Любовь.

Открывая свой 43-й сезон, ташкентский театр «Ильхом» совместно с Лабораторией Артема Кима играют Симфонию Раскаяния в полный голос. В основе сюжета – пьеса Виктора Понизова «Аз есмь Тварь».

Фундамент пьесы – пошлость. Ею пропитаны и тексты, и антураж.

Сцена начинается с эпизода в стиле ментовского сериала НТВ – «зэка ломают в кабинете следователя». Один из персонажей – следователь, – рассматривая личное дело «подозреваемого», предлагает раскаяться. Персонажи или общаются на сленге и матом, или ведут высокопарные монологи о смысле жизни.

Олеся ЦАЙ. Родилась в 1983 г. в Ташкентской области. Автор поэтического сборника «Двадцать скобок». Публиковалась в литературных альманахах, газетах «Леди», «Эрудит», журнале «Звезда Востока».

Одну из главных ролей исполняет Жертва: некое Условное Воплощение Греха, которое меняет лица и помогает герою вникать в свои грехи.

Понизов поставил задачу: персонаж должен в итоге «сломаться» – сдаться Божественной Чистоте души и через раскаяние зазвучать, наконец, гордо, как и положено человеку. Через муки совести, но зазвучать.

Идея яркая, однако раскрутить сюжет по спирали к кульминации – раскаянию – в такой атмосфере нереально. Раскаяние в атмосфере пошлости само по себе не может состояться. Движение человека к раскаянию означает отказ от греха. А пошлость, если и не является сама по себе грехом, то определенно может стать почвой для любого из них.

В «Ильхоме» это почувствовали. И сама пьеса была взята лишь за основу и кардинально переработана. Стояла задача взять стакан, в котором смешали воду с молоком, и отделить воду от молока.

Задачу выполнили.

«Кабинет следователя» превратили в театральную сцену.

Ад – это не место, где кто-то из кого-то выбивает раскаяние. Ад – это плохой театр.

Сценографию подняли на возвышенную платформу, используя для этого все, чем люди возвышаются в обычной жизни: театр, духовой оркестр (ансамбль «Омнибус»), оперу, пластику. С присущим Лаборатории масштабom реализовали все максимально качественно.

Блатной сленг и мат из диалогов свели к роли «приправы» к сути. А самое главное – сообщая, единым мнением убрали УВВГ: затасканную, заштампованную пантомиму-жертву.

Просматривая другие постановки этой пьесы, я сразу поняла, что все другие режиссеры сделали главную ставку на Жертву, уделили ей огромное внимание. Я задалась вопросом: почему убрали Жертву в «Ильхоме»?

Спросила об этом режиссеров.

– Заштампованный персонаж, – сказал Борис Гафуров. – И хор, и оркестр – и есть жертва. Глобальная, объёмная, разношёрстная, многоголосая... В процессе работы, складывая все компоненты, мы просто поняли, что Жертва не нужна. Это лишнее.

Ферганский режиссер Анвар Абдуллаев, который принес пьесу в «Ильхом», рассказал мне, что изначально сопротивлялся этому решению, но, когда увидел результат, понял суть идеи и принял его.

От игры к неигре

В ходе постановки постепенно стирается грань между театром и реальностью. Актеры в какой-то момент просто перестают играть. Диалоги переработаны таким образом, что во второй части персонажи начинают делиться друг с другом личными историями.

Глеб Голендер рассказал:

– Нам хотелось, чтобы условные действия кардинально отличались друг от друга. Первое – абсолютное шоу, цирк шапито. Во втором присутствует документальная часть. И мы радовались тому, что у людей стирается грань между тем, где реальные истории, а где выдумка.

В ходе спектакля полностью прекращается позерство и игра, актеры избавляются от клише, и «плохой театр» становится реальным. Начинают происходить верные вещи.

И в этой атмосфере Симфония Раскаяния уже может зазвучать в полную силу.

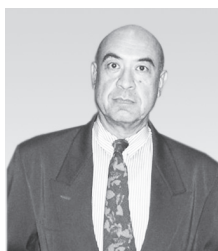
Не досуг...

На эту постановку нельзя идти, если вы хотите сбросить накопившееся напряжение или немного развлекаться. Так уж вышло.

Некоторые спектакли совместной работы театра «Ильхом» и Артема Кима нужно вносить в ежедневник в графу «саморазвитие», или «духовная работа» (если, конечно, вы этим еще занимаетесь).

Этот спектакль – не досуг. Вас ждет трудный, дымный, пыльный, громкий вечер. Когда с илистого дна души поднимается смута и грязь, только извращенец назовет это развлечением. Поэтому если вы устали, хотите расслабиться или пополнить «культурный капитал», то выберите другую постановку. Несмотря на легкость подачи, «Симфония...» должна звучать для тех, кто наплясался и хочет подумать.

И если бы уместно было в финале вместо точки поставить мое скромное мнение, то я бы набралась духа и назвала «Симфонию» «развивающим спектаклем для взрослых».

Тимур ГУЛЯМОВ

СИМ ИЛИ КАКО?

Вначале был поисковик. Прогуглил теги «театр ильхом хит сезона». На мониторе обозначилось: симфония аз есмь тварь. Прогуглил «аз есмь тварь фабула»...

Прежде чем попасть в рай, душа очищается от грехов, ибо безгрешных среди нас нет. Нам припомнят все прегрешения в течение жизни, которые (за исключением шалостей до трёхлетнего возраста) аккуратно учтены. На очной ставке с прошлым продемонстрируют проступки, соблазны, которым мы поддались, будут задавать пристрастные каверзные вопросы. Придётся юлить, оправдываться. Исход неясен, действие происходит в Чистилище. Таково содержание пьесы украинского драматурга Виктора Понизова, по мотивам которой самый знаменитый драматический театр нашего города, театр Марка Вайля «Ильхом», поставил спектакль «Симфония...». Интернет обещал феерическое зрелище с элементами рок-оперы; на фотоснимках представлены были огромная расчлененка глиняной куклы с Глебом Голендером, застывшим над ней; сияющий медью духовой оркестр с кармелитками в белых шляпках... мне захотелось динамики зрительного ряда, и я пошел покупать билеты.

Вообще-то, вслед за Набоковым, имея на руках добротный текст пьесы, я способен извлекать драматургию непосредственно из текста, не нуждаясь в актерах, театральных подмостках, – в данном случае привлекал повод еще раз посетить любимый театр, манила перспектива очутиться в оригинально предложенных обстоятельствах. Перспектива, правда, мрачноватая, но преодолимая

Тимур ГУЛЯМОВ. Родился в Ташкенте. Специалист по международным отношениям. Писатель, переводчик с узбекского, английского, немецкого языков. Автор нескольких прозаических публикаций и переводов, опубликованных в периодических изданиях Узбекистана.

в нашем многонациональном и, следовательно, многоконфессиональном городе (коранического описания Чистилища не существует).

В «Ильхом» обычно приобретаю билеты в первый ряд, дабы сполна насладиться камерным уютom нашего почти контактного театра. В этот раз однако милостивая девушка-кассир честно предупредила о неожиданностях, которые могут приключиться со зрителями первого ряда: в Чистилище нет воды, реки текут песчаные, глиняные истуканы, разбиваясь, поднимают облака пыли. Заинтригованный, я все же настоял на кресле в первом ряду, заверив девушку в том, что в жизни всегда есть место подвигу...

Театр XXI века зачастую превосходит кино и Интернет в зрелищности – он способен воздействовать на все пять чувств, включая осязание, обоняние и теоретически даже вкус. Студентом побывав на постановке «Емельян Пугачёв» в московском театре на Таганке, был я немало впечатлен вздыбленной к небу под углом 45° гигантской дощатой платформой вместо сцены, свисая с которой бился в конвульсиях прикованный к ней цепями мятежный крестьянский бунтарь. Миниатюрных дистанционных мобильных микрофонов в то время не было, и Пугачёву, которого исполнял Владимир Высоцкий, приходилось громовым голосом с натугой выкрикивать текст в пространство зала. С тех пор разительно изменился технический антураж театров. Став более спокойной, сценическая речь тем не менее благодаря микрофонам слышна зрителям даже в последних рядах. Известное замечание Набокова о театре как о «завываниях из каменного века» ныне себя не оправдывает. Неизменным остается древнее призвание театра удивлять, развлекать, образовывать, давать пищу для ума, предлагать неожиданное сценическое прочтение конкретной пьесы, разрывать порой спокойную ткань театрального повествования оригинальным взглядом на жизнь, на мир, в котором живем. Разрывать шаблоны. Театральное действие должно быть ярким, впечатляющим, запоминающимся. Что же ждало меня в этот раз?

Не «с вешалки» начался для меня в этот раз театр, но с фотовыставки с портретами псов. «Ильхом» традиционно разворачивает в фойе тематические выставки картин или фоторабот. В этот раз это были симпатичные веселые песики, сфотографированные в самых неожиданных ракурсах: с высунутыми языками, смеющимися рожицами. Ни дать ни взять природные лицедей! Каков же посыл? Быть может, гейневское «Чем больше узнаю людей, тем больше люблю собак»?

Пройдя в полутемный зрительный зал, опустился в кресло и приготовился получить свою порцию культурного шока.

Сцена – вход в inferнальный мир – до самого потолка драпирована ярко-красным пологом-занавесом, долженствующим, по всей видимости, символизировать буйство безмолвного адского пламени. Молодцы в пунцовых френчах с золотыми пуговицами на груди фланируют в проходах между зрителями. Время от времени, ни к кому не обращаясь, гортанно выкрикивают: «Ну что, начнем?!» (Полное название постановки «Симфония... ну что, начнем?») Занавес открывается. Обыденный пейзаж потустороннего мира: на переднем плане – длинный стол, на заднем – пустота; «душа» – по замыслу автора пьесы и режиссеров её сценического прочтения – недавно преставившегося человека среднего возраста в форме корпулентного мужчины, одетого в трико фиштаккового цвета (Глеб Голендер), лежит на столе. Позже появятся бранные останки «души» – пресловутая полуразбитая глиняная кукла. Облаченный в черную сутану, с маской на лице в виде клюва хищной птицы (такие в Европе, дабы отгонять злых духов, носили в средние века врачи, вхожие к чумным больным), «дознаватель» (Борис Гафуров) учиняет «душе» форменный допрос. Цель дознания – угрозами, шантажом вынудить «душу» покаяться в прегрешениях. Именно в прегрешениях: мелких пакостях, ругательстве матом, жадности, склонении девушек

к проституции. О так называемых «смертных грехах» речи нет – авторы-постановщики тонко чувствуют, что странно было бы среди возбужденного веселья центров плова нашего города возвещать ещё и о карах за грех «чревоугодничества». (Потихоньку прогулил на телефоне: цель пребывания в чистилище. На мониторе обозначилось: Чистилище – место, где добрый христианин, отягощённый бременем легких, не отпущенных и не искупленных при жизни грехов, претерпевает очищение и лишь затем наследует Небо). Действо между тем продолжается: «душа» всячески изворачивается под градом обвинений, которыми её осыпает «дознатель», не желает каяться в том, что при жизни обрывала бабочкам крылья, надувала жаб через трубочку, бросала их в реку, муровала тараканов в пластилиновые гробики, отбирала мелочь у первоклассников, разоряла птичьи гнёзда, издевалась над кошками и собаками, бранными словами обзывала девочек на уроках. Категорически не желая каяться, «душа» готова даже на «самоликвидацию». Но тут «дознатель» сообщает, что одно бранное слово, которым «душа» при жизни обругала девочку, прилипло к девочке, стало её кличкой и в конце концов довело Юлию Штрайхер – так звали девочку – до самоубийства. Став старше, «душа» обнаруживает явную склонность к педофилии: прелюбодействует с несовершеннолетними, соблазняет молоденьких девушек и продает их затем в заграничные бордели, вовлекает в проституцию собственную сестру...

В пьесе Виктора Понизова «Аз есмь тварь» всего три действующих лица: некто Плохой, некто Хороший и Жертва, которая по ходу пьесы трансформируется в существо, мимически иллюстрирующее грех. Главная инновация театральной постановки «Симфония... ну что, начнем?» – замена одного из действующих лиц (Жертвы) на великолепно слаженный оркестр духовых инструментов и стайку поющих монашек-кармелиток в белых шляпках с вдохновенно помахивающими полями... Пьеса «Аз есмь тварь», судя по скудости реквизита, представленного к показу на сцене, написана для малобюджетного театра и несколько нудна стационарностью почти неподвижных персонажей. В сценическом прочтении театром «Ильхом» происходящее на сцене превращается в блестящее многоликое музыкальное действо – в настоящий бурлеск! И это несомненный успех и оправданное новаторство композитора и театрального режиссера Артема Кима, сумевшего найти для повествования о высших смыслах человеческой жизни музыкальные коннотации, вдохновенно оттеняющие ход сценических событий, волнующие сердца зрителей. Великолепная музыка стала полноправным персонажем спектакля.

«Душа» («некто Плохой») в исполнении Глеба Голендера убедительно свидетельствует об истинности библейского определения: ненавистен грех, но не грешник. Харизма артиста при всей условности происходящего на сцене будит сочувствие к судьбе попавших в Чистилище, желающих покаяться и обрести спасение. Жизненность образа обеспечивается привязкой к нему знакомых деталей: одно из «прегрешений» героя Глеба Голендера – подготовка девушек к отправке в заграничные бордели – происходит в Доме моделей, располагавшемся, как помнит зритель, около бывшей гостиницы «Россия»... Когда персонаж Бориса Гафурова снимает наконец маску с клювом хищной птицы, под ней обнаруживается благородный, соответствующий создаваемому образу, мефистофелевский профиль артиста. Согласно сюжету пьесы «дознатель» («некто Хороший») в исполнении Бориса Гафурова, допрашивая «душу», преследует собственные интересы: среди сонмища собственных прегрешений ищет самое отвратительное, чтобы, искренне раскаявшись, «стать выше», ближе к спасению собственной души. И это удается: среди прегрешений «дознатель» находит самое мерзостное: отказ покормить пса-доходягу, который в результате издыхает на глазах у жестокосердного мальчика, каковым «дознатель» был при жизни... (быть может, здесь послыл фотовыставки изображений псов, устроенной в фойе театра?) У Бориса

Гафурова развитый эмоциональный интеллект, зритель безоговорочно верит этому талантливому артисту. Пьеса заканчивается тем, что «некто Плохой» и «некто Хороший» («душа» и «дознаватель») меняются местами. Борис Гафуров возносится на небо (в сценическом действии – поднимается по веревочной лестнице под купол над сценой), Глеб Голендер, превратившийся теперь в «дознавателя», начинает допрос очередного грешника, прибывшего в Чистилище. Катарсис состоялся.

Хор кармелиток оставляет благодное впечатление: органичен, строен, вовлечён в сценическое действие, со вкусом одет. Пение по-женски смягчает суровые будни Чистилища. Лица монашек выражают сострадание к доле кающихся грешников, участие и интерес к их дальнейшей судьбе...

Теперь об оркестре. Духовой оркестр – черноволосые исполнители с инструментами в руках, среди которых нет ни одного мачо, – старательно выполняет наставления авторов постановки, но и только! Исполнители не обнаруживают даже малой толики вовлеченности в происходящее; их лица – в отличие от лиц хористок – безучастны и неодоухотворенны. Физиогномика – наука точная: неосмысленный взор или полукривой рот даже третьестепенного персонажа, задействованного на сцене, способен разрушить целостное впечатление от зрительного ряда, подобно тому как одна фальшиво сыгранная нота способна превратить симфонию в какофонию. Ещё один смысловой диссонанс к музыкальной и информационной ауре, окружающей спектакль, – низкорослый исполнитель с альтгорном, невпопад семенящий куда-то на согбенных ножках. Так и хочется высказать сакраментальное: «Артем Васильевич, трубач не нужен!» Ибо высока должна быть планка «Ильхома» – духовно-нравственного камертона нашей городской интеллектуальной среды.

В жанровом отношении спектакль «Симфония...», разыгрываемый ныне на подмостках театра «Ильхом», несомненно, бурлеск с элементами ретрофутуризма.

Сим или како? Симфония или какофония? Давайте продолжим дискуссию...

НЕ ДЛЯ МИССИОНЕРСКОГО ЧТЕНИЯ...

Филипп ГАДЖИЛИ

1. Театр – одна из важнейших духовных составляющих человечества, выражающих его глубинную суть. Он помогает нам отвечать на вечные вопросы и решать животрепещущие дилеммы, такие как свобода и выбор, месть и всепрощение, любовь и ненависть, добро и зло. Именно благодаря театру многие приобщаются к высоким идеалам человеческой культуры и гуманизма.

Как заметил ещё Александр Иванович Герцен, «театр – это высшая инстанция для решения жизненных вопросов», а Джордж Бернард Шоу, как известно, подчеркивал, что «качество пьесы – это качество ее идей».

Театром, ставшим местом рождения идей и центром решения жизненных вопросов, а также настоящим оплотом искусства для молодых людей Ташкента, уже долгое

Филипп ГАДЖИЛИ (Фил Тышкевич). Социолог, философ, журналист, редактор. Родился в 1992 в Ташкенте. Учился на философском факультете Саратовского университета, сотрудничает с различными интернет-изданиями.

время является театр Марка Вайля «Ильхом». Конечно, то, что делается в «Ильхоме», весьма спорно, и будущим поколениям ещё предстоит решить, подлинное ли это искусство или все-таки уличный балаган для псевдоинтеллигенции. Но как бы то ни было, постановки «Ильхома» имеют внушительный резонанс и пользуются успехом и любовью у так называемых творческих людей, которые считают, что в его постановках как-то по-особому отражается мир, благодаря этому обогащая зрителя.

Статья одного из таких творческих почитателей популярного театра представлена вашему вниманию. *Итак, «Человек или сука?»* – с юношеским максимализмом вопрошает молодой автор Ф. Гаджили в рецензии-исследовании, касаясь многих фундаментальных тем, задавая вечными вопросами. Разумеется, его духовный поиск небогошибочен и небогупречен. *Но ведь именно это и отличает духовного, мыслящего человека от обывателя.* И, как нам кажется, в своём анализе автор не так уж редко оказывается прав, несмотря на наивную восторженность «Симфонией...». Вызывает восхищение то, что автор использовал для своего анализа отзывы других людей: известных журналистов, артистов, членов различных академий и пр. Расстраивает то, что в теории молодой исследователь опирается в том числе на суждения Ф. Лигаджи – человека поверхностного и, объективно заметим, предвзято отнёсшегося к национальным традициям креативного русского духа в Узбекистане.

Пожелаем удачи и волнительных творческих вдохновений Ф. Гаджили!

Олег Акрамович Ахмедов, доктор философских наук, профессор.¹

Опыт диалогического письма

Театр «Ильхом» занимает совершенно особое место в культурной жизни столицы. Уже более сорока лет он является местом свободы, дерзкой мысли, эмоций и творческого прозрения для талантливых людей из самых разных сфер. Как очень пронизательно заметил великолепный блюзмен Юрий Наумов, «"Ильхом" – место очень намоленное». В культурно обозримом и прозрачном, но в тоже время достаточно разобленном и аморфном Ташкенте «Ильхом» – это ещё и место встречи интеллектуалов, талантливых людей, а также их идей, которые, возможно, не пересеклись бы иначе. Причем эти встречи происходят как в фойе, на сцене, так и в зале, а также между сценой и залом, то есть сразу в нескольких мирах, которые, по сути, – один мир. Поэтому искусство подземного театра вдохновения («Ильхом» в переводе с узбекского – «вдохновение») пользуется безусловным интересом у приезжих и успехом за рубежом.

Пополнение репертуара театра – всегда событие и глоток свежего воздуха, а также повод задуматься, своего рода искра, с помощью которой думающий зритель может оглянуться на свою жизнь и увидеть то, чего он раньше не замечал.

Последняя громкая премьера театра – новаторский спектакль «Симфония...», творение многих людей: В. Понизова, Артема Кима, Бориса Гафурова, Анвара Абдуллаева, Глеба Голендера и др. Постановка всколыхнула народ и получила массу отзывов. Это неудивительно, ведь она поднимает актуальные для нашего общества вопросы разобнения, переоценки ценностей (Ницше) и возможности поиска новых путей.

2. «Симфония...» получила множество отзывов, в том числе и за рубежом. Вот что пишет в одной из своих последних работ «Читал ли Марк Вайль Жоржа Батая?» об «Ильхоме» и «Симфонии...» израильский исследователь культуры и эссеист Ф. Лигаджи:

¹ Здесь и далее некоторое стилистическое своеобразие суждений участников разговора о «Симфонии...» сохранено по просьбе автора статьи для индивидуализации их речевого стиля.

«Работая с пространством в экспериментальном русле, смешивая идеи советского театра с мыслями европейских новаторов, например, Макса Рейнхардта и Ежи Гротовского, с их тенденцией делать зрителя актёром и, наоборот, стирая театральное разделение на мир действия и наблюдения, актёра и зрителя, на этот раз «Ильхом» создал нарочитые границы. Их роль довольно непривычна. Намеренно отделенная сцена – это и ирреальность, и абсолютный, непоколебимый онтологический статус, который не подчинен времени – он не имеет собственного начала и конца. «Симфонию...» начинает зритель. Входя в зал. И не заканчивает никто. Она и не может закончиться – невозможно, как и не нужно, закончить и даже начать суд без высшей судебной инстанции, которая создаёт правила игры».

Здесь мы видим, что Лигаджи, безусловно, восхищён уникальной, новаторской ролью «Ильхома». После чего сам сознаётся, что ташкентская культурная и сценическая жизнь, её сущность для него загадка, которую ему более всего интересно разгадать:

«Моя интерпретация имеет мало общего с замыслом и, в целом, с мышлением авторов спектакля. Я наблюдаю “Симфонию” как арт-объект, помещенный в определенное смысловое, во многом неосознанное, пространство. Идея “Симфонии...” достаточно банальна. Но оригинально её положение в мире. География, время, площадка (модный театр)».

И дальше:

«Хотя “Симфония...” – простой спектакль, он оказался достаточно непонятным и странным, чтобы создать себе – нет, не врагов – хуже, одноразовых зрителей. Люди уходили прямо с середины спектакля, не оборачиваясь и не жалея денег за оказавшиеся бесполезными билеты. И это естественно. Когда конкретный социум теряет связи с миром и временем, тогда даже творческие, мыслящие люди уже не видят сущности вещей, актуальное, иначе говоря, между вещью (событием, поступком, идеей etc.) и зрением появляется временной зазор. Понятия не поспевают за меняющейся реальностью. Театр публичен, и, как элемент публичного пространства, он один из первых диагностирует такой временной разрыв. Что мы можем почерпнуть, рассматривая привычную с точки зрения сюжета “Симфонию...” и то, как она преломляется в разных точках социального мира, в котором находится? Смысловый сюжет мне видится таким: в ней самой нет противопоставления добра и зла, морали и аморальности, и вообще, абсолютно нет никакого суда в привычном смысле слова (зато много допросов с пристрастием), есть только процесс постепенного распада, совсем как в труп, валяющемся на сцене, социальных тканей одного типа и замены их другими».

Здесь мы видим, что израильский специалист пронизательно и тонко увидел, как крепко «Ильхом» связан со своим временем. После чего о времени вообще и об общемировых тенденциях:

«Совершенно мелкие и случайные, необдуманые поступки создают огромный эффект. Интересно, что те события, которые ретроспективно достаточно травматически переживают Гафуров и Голендер в чистилище, считаются нормой среди людей чуть помладше и на этом свете. Младшая сестра, в сущности, спокойно воспринимает свою судьбу. Вчерашние травмы становятся новой нормой, травматичны сами перемены и сама ненорма, как что-то незаконное? Возможно. Но не только. Дело в притуплении, формальности чувств. Ведь даже на том свете могущественную, но мигрировавшую из этого мира власть беспокоят только узкие рамки нормативных ценностей и соответствие или несоответствие им. Поэтому допрос, который находится в таких строгих рамках старого, сморщенного морального закона не может сделать ничего, кроме как заставить

человека смотреть в прошлое. Недаром в чистилище даже воды нехватка – настолько, что приходится пить пыль и песок».

Но, несмотря на довольно любопытный социально-философский анализ, Лигаджи оказывается в числе критикующих театр зрителей в рамках собственных стереотипов о человеческом естестве.

Далее:

«Но, говоря о морали и её в л а д е л ь ц е, Боге, постановка не даёт нам Творца. Только один намек. Весь спектакль несчастный, беруший на себя больше, чем он может, Гафуров пытался исполнить роль Бога. Но не справился. Да так, что в итоге суд этого недобого превращается в суд над Богом. Недобогом. Но другого у нас нет. У Недобого есть почти бесконечное могущество, что делает его почти всесильным. Почти. Полноценным, а не почти полноценным Богом можно стать, убивая, то есть взяв в свои руки власть над сушим. А как убить того, кто уже мертв, особенно если ты сам тоже мертв? Остаётся только рефлексировать над прошлым, даже после смерти оставаясь, как всегда, субъектом вины, чьё мышление ретроспективно, поступки – не создание будущего, а исправление, ремонт прошлого, а настроение – раскаяние».

И далее он просто уходит от ответа о смысле «Симфонии...»:

«Вопрос, не дающий покоя европейской мысли ещё с Аристотеля и позднее – с гностиков и православных (особенно) богословов – что есть что? ... Что есть мысль любого спектакля? Мы думаем над сюжетом, выискивая в него свои идеи. К “Симфонии...” можно составить целый список глупых вопросов и ответов от умных людей, начиная от “Почему спектакль ничем не заканчивается?” и до “Кто такой человек? Что есть раскаяние?”

Но, возможно, стоит подумать о том, почему у нас возникли сами эти вопросы?»

Тем не менее, несмотря на то, что Лигаджи так и не смог разрешить вопрос о смысле «Симфонии...», его точка зрения кажется нам интересной.

3. Далее, опираясь на мнения множества людей, с которыми обсуждали де-тише Кима и Гафурова, мы постарались дать целостный анализ постановки, а также показать её актуальность.

Человек или сука?

«Симфония...» – спектакль правильный и даже немного классичный. Его сюжет очень прост: чистилище, в нём мы находим двух главных героев – грешника и судью. Судья делает всё, чтобы грешник раскаялся и попал в рай, на что тот вначале просто хамит, а потом плачет от раскаяния и сострадает тем, кого некогда обижал. Но в рай все-таки отправляется судья, он тоже самый обыкновенный грешник, просто в чистилище пробыл чуть дольше. Но что-то идёт не так, и его отправка приостанавливается, он опять попадает на суд в качестве подсудимого, где его и судит вчерашний обвиняемый. Так что главное в спектакле не сюжет, но те цепляющие темы, которые он затрагивает, и его особая связь с Ташкентом на тончайшем уровне, уровне духа и колорита.

Итак, тыходишь в зал. Спектакль опаздывает, вместо сцены как таковой – яркий постамент, ассистенты активно перемешаются среди зрителей и навязчиво предлагают программки, тебя удивляет ярко-красный занавес, немыслимый в этом помещении свободы... И вот ты уже спрашиваешь себя: «Может, это тоже спектакль?» Так проходит минуты три, но вот занавес открывается, и (как удар электрошоком) мы оказываемся присяжными на суде в чистилище: громоподобная музыка буквально оглушает взрывами такой силы, что ты не только глохнешь, но чуть ли не теряешь зрение, этого мало – зрителя, чтоб наверняка, ослепляют ярким светом прожекторов, в глаза ему летят пыль и песок, на середину сцены

грубо бросают тело грешника. И начинается форменное чистилище: плавание в подвешенном состоянии на цепях в прозрачном бассейне, пытки током, расчленение бензопилой трупа, массовка в зале, спецэффекты, акробатические трюки, десятки музыкантов и целый средневеково-баптистский феерический хор и ураганная игра актёров, особенно Голендера, Гафурова и Володиной. И ты чувствуешь, что прийти стоило хотя бы ради этого сногшибательно красочного визуального ряда, всевозможных превращений и обманок, харизматичного рок-шоу.

«Симфония» – это и детский мюзикл-страшилка, и завораживающее смешение биографий актеров и текста автора, и балаганный дешёвый цирк, и классический театр с расшаркивающимися гарсонами, и современное высокотехнологичное шоу. И... да, название идеально подходит спектаклю: он симфоничен, его многоголосье грамотно упаковано, а звуковые и визуальные ряды выстроены безупречно. Масштаб его, тем более в таком маленьком помещении, поражает. Но принципиально не несёт особого смысла, так как говорят на сцене только двое. И именно игра двух главных героев не позволяет спектаклю развалиться на глазах у зрителя. Только они играют судьбу, которая заново разворачивается у нас на глазах. Остальное – события их судеб, которые они просто проживают, вернее, проживали, не особо задумываясь о последствиях. А осмысленно проживать решились только под землёй, вместе со зрителем. И тут как тут их настигают экзистенциальные вопросы, пусть и не всегда проговариваемые: «Кто ты? Быть или не быть? Простить или наказать? Можем ли мы быть искренними хотя бы сами с собой? Насколько по совести мы живём, жили? Вправе ли мы осуждать-обсуждать других? Осознаём ли мы свои грехи? Человек – это звучит гордо? Или он сука? А почему именно сука, а не, скажем, кобель или аморфное оно?»

Рассуждения героев заставляют думать и сопереживать. Вынужденный задавать эти вопросы в оптовом порядке, герой-Голендер меняется: самоуверенный, сексуальный и свободный от морали и сострадания, он становится слабым и чувствительным, человечным и чутким. И Гафуров тоже сентиментальничает. Герои-подонки проходят интенсивный процесс саморазоблачения и очищения от той грязи, которую они принесли в чистилище. Или не всё так уж сложно и нет ничего плохого в их жизнях? Милые детские грешки вроде опытов над лягушками или лёгкой травли одноклассницы – кто не делал чего-то похожего? Иногда невинная детская жестокость только добавляет обаяния милым и порой почти или вполне совершеннолетним карапузам. А как быть с грехами взрослой жизни? Их списать уже труднее: проданная в эскорт сестра, несовершеннолетняя девочка, снятая за двести баксов, и... пирожок-гумма в унитазе, а не в брюхе околевшего от голода пса – это уже серьёзно. Но кто же без греха? Да и не каждый жестокий ребенок становится педофилом и сутенером, не так ли? В конце концов, все эти пакости герои делали не со зла, а случайно, неосознанно.

Но не всё так инфантильно просто. Да, нас окружают условные грехи, мы совершаем случайные проступки. В жизни одни условности и случайности, но последствия самые настоящие и неизбежные. И всё нами содеянное учитывается и оценивается. А мы несем ответственность за свои поступки независимо от своего желания.

И, хотя в пьесе украинского драматурга Виктора Понизова, по которой поставили «Симфонию...», два полярных героя – Плохой и Хороший – это весьма условное разделение. Мы все иногда совершаем отвратительные поступки, а иногда бываем подлинно духовны. Что особенно ярко показано в ильхомовском прочтении пьесы, где главные персонажи размышляют о себе и своей жизни, говорят на абсолютно простом, бытовом, языке, вспоминают о своем детстве и молодости, наконец, просто по-человечески пытаются раскаяться. Строят мир искренности

в себе, где неважно, какое у вас положение в обществе, чин, состояние, а на первый план выходит человеческая сущность. Голендер-Гафуров как бы показывают пример: пока не поздно, надо задуматься и раскаяться. И открыться новой жизни. Только сознающий свои грехи способен идти в будущее, делая его лучше, чем прошлое, которое и получалось-то как-то криво и косо и совсем не так, как хочется: недаром персонажи принадлежат к тому поколению, которое училось жить в СССР, а выживало в предельном антиСССР. Как? В погоне за деньгами, стремясь во что бы то ни стало быть выше других, потребляя и полностью девальвируя культурные ценности, порой поступая как законченные подонки.

И теперь в этом раскаиваются в чистилище. Тут мы понимаем, что аморальность в меру – это часть нас. Как и человечность, свойство, присущее и самым жестоким из людей. Любовь, забота, обида, надежда, сострадание... Да, мы можем продать родную сестру, но и пожалеть бездомного пса. Даже отъявленные подонки способны оказать друг другу поддержку и проявить сочувствие в моменты трагического отчаяния и горестного прозрения. И даже самые светлые люди бывают подлыми и мелочными. Что уж говорить о наших героях? Все мы имеем право на ошибку. Но освобождает ли нас раскаяние от ответственности за уже совершенные проступки, результатом которых здесь и сейчас являются чьи-то сломанные судьбы?

А не занимаемся ли мы самоосвобождением от ответственности каждый день, стараясь особо не задумываться, есть ли жизнь там, за чертой? А если есть, там, видимо, учитывается, что человек делает здесь? Так спасет ли нас раскаяние?

И как узнать (даже нам самим), насколько оно искреннее, ведь мы просто хотим попасть наверх, на безоблачное небо. Может, именно поэтому гарантий там никто не выдает, и билеты «в рай» могут оказаться такими же фальшивыми, как и наши мольбы о прощении. Ведь единственное действительно искреннее раскаяние – поступки, исправляющие наши прошлые ошибки.

Примерно с такими мыслями и хоть чуть-чуть прозревшими мы покидаем катарсическое чистилище.

Спектакль получился мрачным и одновременно балансирующим на грани серьезности и шуток. Он не приглашает к раздумьям над ним, на сцене все однозначно, просто и понятно. Он приглашает раздумывать над собой и своим прошлым, даёт пищу для размышлений. Если вам хочется воздуха – бегом на премьеру! Его здесь много. Дав высказаться всем работающим поколениям артистов, театр вручил первенство старейшинам, которые не только играли роли согласно сценарию, но и добавили актуального колорита и злободневности, а также в очередной раз показали, что у всех есть возможность оценить своё прошлое и изменить настоящее общества, находящегося в процессе постоянного обновления.

Благодарности

Огромное спасибо каждому, чьи слова или мысли мы так или иначе использовали в нашей работе. Это не просто зрители, но известные люди со своим видением мира: ведущие драматурги, востребованные фотографы, литературоведы, писатели, актёры, телеведущие и др. Благодаря вашему пониманию Ташкента, его неповторимости и тонкости мы написали о спектакле одной из жемчужин столицы – театра «Ильхом».

Благодарим внимательного читателя, способного глубоко осознать премьерный спектакль и феномен самого театра «Ильхом».

СЧИТАНЫ КОДЫ, ПРОЧИТАНЫ СМЫСЛЫ...

(поэзия Баха Ахмедова)

Николай ИЛЬИН

*А еще человек из любви состоит,
И когда ее нет – остальное болит.*

Значительная часть поэтических произведений Баха Ахмедова носит элегический характер. Его лирическому герою свойственно почти перманентное состояние грусти и печали.

Само по себе такое ощущение для современной русской и шире – русскоязычной поэзии далеко не редкость, это достаточно характерное явление, истоки которого заключаются прежде всего в проблемах современного мировосприятия. Кризис традиционных идеологий и идеологических систем, обостренная напряженность международной политической ситуации, неупорядоченность и неустроенность многих сторон социальной и общественной жизни после масштабных изменений конца XX столетия – все это стало основанием для возникновения пессимистических настроений. Анализ литературно-поэтических произведений, представляемых ежегодно на международные поэтические конкурсы, уверенно подтверждает доминирование минорных тонов в поэтическом сознании русскоязычных авторов.

Надо сказать, что чтение этого потока поэзии оставляет по большей части весьма унылое и тягостное впечатление: элегичность здесь часто соседствует не только с драматичностью мировосприятия, но подчас производит ощущение безнадежности вплоть до так называемой «чернухи».

Однако эффект воздействия поэзии Баха Ахмедова на читателя совсем иной: слушая или читая его стихи, действительно погружаешься в состояние печали и грусти, однако далеко не угнетающей сознание читателя. Напротив, пережив и выйдя из этих элегических ощущений, он испытывает некое облегчение, умиротворенность, просветление, что, собственно, и является поэтическим катарсисом.

Такое впечатление от стихотворений Баха Ахмедова объясняется тем, что лирический герой его поэзии в своем элегическом мироощущении исходит не столько из анализа собственной судьбы, сколько из понимания жизненных

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, переводов, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...».

трудностей других людей, окружающих его, неустроенности и неурядиц объективной действительности, человеческого сообщества. Это поэзия сочувствия: читатель ощущает, что он не одинок, что есть некто, испытывающий близкие ему состояния, готовый понять и поддержать его. Обычно выносимое за жанровые скобки, как бы само собой разумеющееся одиночество главного персонажа элегии для Баха Ахмедова не характерно. В его стихах очень часто проскальзывает в условном лирическом сюжете какой-нибудь вторичный персонаж.

Типичными «боковыми» персонажами лирических сюжетов Баха оказываются слабые, больные старики («Давай с тобой писать про дождь...»¹), неудачливые соседи («Сосед»²), внешне успешные, но не нашедшие жизненного уюта таланты («Доктор Макфил»³) и т. п. Эти эпизодические персонажи как раз подпитывают грустное состояние главного героя. А вот о бытовых и повседневных жизненных проблемах самого лирического героя Баха Ахмедова мы узнаём очень мало; он не считает нужным посвящать в них читателя, не желая «грузить» его своими проблемами.

Нельзя не согласиться с В. Белинским, что «поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою и видит в нем не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству»⁴. Получается, что лирический персонаж Баха Ахмедова не столько делится впечатлениями собственной жизни, сколько фиксирует те проблемы и состояния, которые характерны для великого множества людей, отказываясь от выпячивания своей индивидуальной судьбы. Отсюда, может быть, весьма примечательно утверждение автора:

*Свобода – это когда начинаешь дарить
Свое неприсутствие.⁵*

Подобные заявления иногда приводят исследователей творчества поэта к парадоксальной мысли, что «характер лирического героя не имеет особенного художественного значения, все сконцентрировано на образе-мысли, на связи пространств, на попытке осознания божественной связи вещей»⁶. Едва ли это так, ибо если в лирической поэзии не выписан в основных чертах характер лирического героя (а это главный образ-персонаж), то чего стоит такая поэзия? Важнее разобраться, что могло подтолкнуть к такому странному утверждению.

Мы почти не видим непосредственной жизненной среды (город, место работы, характеры коллег, рабочие взаимоотношения, дом, семья, жизненные увлечения), в которой обитает персонаж Баха Ахмедова. Кроме полуясных воспоминаний о давних личных отношениях, упоминания некоторых книг любимых авторов и посещения кофеен, мы не находим почти ничего.

Внутреннее состояние лирического героя заполнено поиском лечашей и объединяющей людей истины, способной дать человеку полноту и цельность мироощущения:

¹ Ахмедов Бах. Молчание шара: книга стихов. Т.: Изд-во Нац. библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2010, с. 11.

² Там же, с. 18.

³ Там же, с. 90.

⁴ Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. М.: ОГИЗ, 1948, с. 671.

⁵ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 3.

⁶ Авдонина Т. Поэтический мир Баха Ахмедова. – Звезда Востока, – Ташкент, 2012, № 2, с. 141.

*И кажется, что в этой тишине
лишь время, осящая беспредельность,
поет о бесконечном нашем сне,
где ищем мы утраченную цельность.¹*

Аналитическая сущность мирозерцания этого героя связана исключительно с поиском ответов на непростые вопросы современного мыслящего человека. Т. Авдоница в статье «Поэтический мир Баха Ахмедова» справедливо отмечает, что «его стихотворения в большинстве своем не отвечают на вопросы, а задают их»². Это подтверждают и стихотворные высказывания самого лирического героя:

*Язык пространства – ветер.
Язык стены – стена.
Но кто из них ответит,
Зачем нам жизнь дана?³*

Конечно, вопрос «Зачем?» встает перед каждым поколением и перед каждым отдельным человеком, но полнота ответа на него должна включать не только абстрактные истины (для блага людей, во имя родины и т. п.), но и конкретную программу целей и действий, предусматриваемых идеологическими системами. И здесь оказывается, что разные времена и эпохи предоставляют отнюдь не равные возможности для полноценного их выбора и самоопределения личности.

Современный человек оказался перед проблемой, когда накопленный при всем расцвете науки рационалистический опыт оказался несостоятельным в деле улучшения человеческой природы.

Последние активные идеологии гармоничного социального развития и либерализма исчезают или ослабевают. На смену приходят мистические учения и фанатические убеждения, которые не могут дать всестороннего ответа на все вопросы, вытекающие из современных проблем, от которых сознание, сформированное на научном подходе к пониманию действительности, съживается. Не случайно лирический герой нашего поэта задается вопросом:

*Почему так жизни в жизни мало
И так много внутренней войны?⁴*

Утешающие «контрфорсы» – делать возможное, реализовать в возможной мере свою природу и прочее – не способны заменить полноценное мировосприятие.

Именно это порождает несколько отстраненное, созерцательное и печальное состояние души лирического героя, которое воспринимается им самим как тягостное, из которого необходимо найти выход:

*Вот наш исход, а может быть, итог:
Ладошки времени и медленный песок.
Налево – осень, а направо – Бог,
И жизнь зависла.⁵*

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 94.

² Авдоница Т. Поэтический мир Баха Ахмедова. – Звезда Востока, – Ташкент, 2012, № 2, с. 144.

³ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 107.

⁴ Там же, с. 26.

⁵ Там же, с. 33.

Выход – оживляющее жизнь миропонимание столь важно, что герой готов заплатить за него всей жизнью, добиться искомого осознания хотя бы на грани жизни и смерти:

*К чему бесконечное: «кто мы?..»
Мы это узнаем не здесь¹.*

Однако иногда мы сталкиваемся и с парадоксальным восприятием баховского персонажа своего состояния как судьбоносного, требующего своеобразного смирения («Кровь моя – терпение»), вместе с тем герой по-своему начинает дорожить своим состоянием, видеть в нем пусть тяжкий, но необходимый для души путь.

Лирический герой осознает свое состояние как поиск необходимого выхода из «зависания», оно жизненно важно, и не для него одного. Так, в стихотворении «Исповедальное» находим:

*...только мне почему-то верится,
что в моих блужданиях больше честности.
Что в ошибках больше судьбе доверия,
даже если идешь по знакомой местности.*

*И пускай усталость и боль отчаянья...
И слова, как листья, горят, осенние.
Но, возможно, однажды строка случайная
хоть кому-то поможет найти спасение.²*

Продолжительность, своеобразная «пожизненность» этого поиска определяется тем, что лирический герой ищет не просто возможный выход из «зависшего» жизненного состояния, ему крайне важно, каков этот выход.

Евроцентричная идея свободы личности, теряя религиозную основу и «тормозящие» заповеди, довела до реализации принципа *ad absurdum*. Западный прагматизм и практицизм превратили свободу личности в высшую либеральную ценность, уже не сдерживаемую ничем, обращая ее во вседозволенность. Причем не просто личностную (неуважение к религии, сексуальная революция и т. д.), но социальную и общественную: в прямолинейную доходность глобальной экономики, беспринципную расчетливость политики, лживость и провокационность средств массовой информации... В противовес всему этому активизировались строгие ультрарелигиозные идеологии с идеей установления догматичного радикального «благочестия»: человек свободен и ничем не ограничен в действиях, если защищает «священные установления», трактуемые также буквально (джихад не как защита веры, а как уничтожение инаковерующих). Оба движения перешли грань естественности: в обоих цель стала оправдывать средства. Отсюда размышления автора и его лирического героя о том, что «много истин, но, увы, не тех, что надо...»³, и настроенное отношение к их выразителям.

Кажущаяся ушербность «зависшей» позиции «души-недотроги» оборачивается сознательным самоограничением, воздержанием от прельщающих,

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 45.

² Там же, с. 106.

³ Там же, с. 26.

сулящих цельность и полноту жизни истин, сопряженных с утратой нравственной высоты и гуманистической сущности. Неполнота жизни лирического героя оказывается своеобразным его достоинством, уклонением от соблазнительной, но ложной полноты:

*Световое голодание...
Цветовая тишина.
И граница мироздания,
Как кирпичная стена.
Вдоль идешь и смотришь пристально:
Где-то должен быть просвет!
Если есть, то можно выстоять.
Впрочем, даже если нет...
Световое голодание...
Острый приступ пустоты.
Мир, застывший в ожидании.
И застывший с миром – ты.¹*

Исследователи литературного процесса нашей страны отмечают, что своеобразие художественных произведений местных писателей позволяет говорить о наличии некоего «ташкентского текста» в русской литературе и культуре. «Ташкент входит в пространство русского дискурса во второй половине XIX в., а “уходит” из собственно официальных русских пределов в конце XX в. Это небольшой с исторической точки зрения период тем не менее породил определенный фольклорно-литературно-мифологический слой в русской культуре. Угаснет ли репродуктивность Ташкентского текста или нет, перейдет ли он в иную стадию – покажет время. Но зафиксировать его бытование в русской культуре, его разновидности и формы представляется целесообразным»². Но если так, то представляется целесообразным проследить и особенности стиля Баха Ахмедова как раз в отношении разновидностей и форм так называемого «ташкентского текста».

В психологическом состоянии и характере жизнесмысловых поисков лирического персонажа Баха обнаруживается немало черт и особенностей, сопряженных с воздействием восточной ментальности и литературной философии. Поверхностные рассуждения о поэзии Б. Ахмедова (будто бы отстраненной от местной составляющей) об отсутствии в его стихах «характерных признаков» национальной и шире – восточной культуры оказываются достаточно несостоятельными, если мы не уклоняемся от давно принятого и естественного для литературоведческого анализа жанрового подхода к рассмотрению художественных произведений. С бытовой и пейзажно-изобразительной точек зрения таких признаков «восточности» действительно немного: мы не находим описаний базаров, хлопковых полей, минаретов и гумбазов, восточных блюд и угощений, роз и соловьев. В философско-психологической лирике, каковой по преимуществу является поэзия Баха, значим иной изобразительный ряд – ряд состояний, настроений, рассуждений, выводов, для которых бытовые детали, даже при их наличии, являются только моментами изобразительности или компонентами для «продуцирования» мысли. С точки же зрения психологической

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 69.

² Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре – М.: Арт Хаус медиа, 2010, с. 6.

у лирического героя Баха Ахмедова мы как раз найдем немало свойств и состояний, уходящих своими корнями именно в восточное миропонимание.

Достаточно общепринятым является мнение, что в восточном мировоззрении фатализм, вера в предопределенность, зависимость от судьбы играет значительно бóльшую роль, чем в миропонимании европейском. Вопрос о свободе воли человека и свободе проявления Божественной воли при ее «связанности» обетовани-ем – один из самых острых и активно дискутируемых в современном мусульманском богословии. В последнем стихотворном сборнике Баха Ахмедова «Облако вероятности» на 115 страниц текста приходится 22 упоминания слова «судьба» и немало таких его лексических «двойников», как «фортуна», «предначертание», «предопределение». Многочисленны и образные уподобления людей теням, актерам, произносящим заданный текст и т. п. «Мы лишь примечанья к Тому, которого нам не прочесть», – заключает автор в одном из своих стихотворений¹. Согласимся, что все это не очень характерно для европейского миропонимания с его приоритетом свободы воли человека. В итоге мы обнаруживаем в герое изрядную убежденность в предопределенности его жизненного пути:

*Мир предопределений – это тени,
выбранные на роли людей.
Их дергают за ниточки идей,
заставляя говорить, верить, грустить...²*

Вывод лирического героя даже несколько утрирован не вполне правильной в логико-языковом отношении, но весьма выразительной формулой: «И судьба обростает судьбою». Не такое ли понимание всевластия судьбы мы находим и у классиков восточной поэзии? Так, в одной из газелей А. Навои встречаем:

*Доля наша в книге судеб предначертана в веках:
Как в силках ни бьется птаха – лишь затягивает сеть.³*

Не менее показательны и общее душевное состояние лирического героя, во многом совпадающее с самоощущением ведущего персонажа восточной газели – состояние разъединения с высшим идеалом, осознание трудности соединения с ним, пребывание в мире, «Где было знание о Боге // Нам недоступное пока»⁴. Для обеих лирических персонажей характерно понимание, что только изнутри, одним своим внутренним усилием невозможно достичь этого слияния, необходимо некое великодушие свыше. Так, лирический герой Навои, обращаясь к персонифицированной в образе пери Божественной сущности, восклицает:

*Соловей, влюбленный в розу, стал в народах знаменит, –
Мне же слова не подскажет вдохновенье без тебя.*

*Если без тебя рассудком помрачился Навои,
То вернись: ведь нет рассудку просветленья без тебя!⁵*

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 45.

² Там же, с. 38.

³ Навои Алишер. Сокровишница мыслей. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2016, с. 107.

⁴ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 29.

⁵ Навои Алишер. Сокровишница мыслей. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2016, с. 225.

В иной поэтической форме, но с той же мыслью и чувством вторит ему герой нашего поэта-современника:

*Все, что мы можем, – притронуться к тайне
На острие исчезающих лет.¹*

Человеку, очевидно, не дано найти ответ самому, он только может выбирать вариант из ниспосланного свыше.

*Человек... подавлен торжеством своей непонятности
И необходимостью выбирать ответ.²*

В русле поэтических размышлений о труднодостижимости слияния с высшим началом и обретения жизненной полноты развивается и любовная тема в лирике Баха. Она тоже сопоставима по своей тональности с мировосприятием газели, где высшее начало, Божественная сущность предъясняется в женском облике – персонифицируется в образе пери, прекрасной и зовущей, иногда приближающейся к герою и снисходящей до него, но не дающей всей полноты жизни, остающейся недоступной и ускользающей. Здесь любовное чувство не просто мужское увлечение и тем более не семейный объект, это все тот же поиск некоего совершенного мироощущения, которое наполняло бы жизнь полнотой и защищало от непредсказуемости жизненного пространства:

*Мне нравится каждый твой жест и улыбка
...потому что они дарят пространству
новое измерение,
а время сбивают с толку,
так что оно забывает,
в какую сторону ему идти.³*

Но, как и в газели, мы видим невозможность полноты реализации любовного чувства, ускользание жизненной гармонии. Героиня оказывается недостижимой для персонажа:

*Ты...
Оставляешь открытыми дверь,
книгу,
мои вопросы...*

*ты идешь очень медленно,
но все равно
за тобой не угнаться.⁴*

Или же за волнующим любовным чувством приходит ощущение иллюзорности пережитого:

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 26.

² Там же, с. 43.

³ Там же, с. 78.

⁴ Там же, с. 48.

*И пробуждение таит
Почти мучительную ясность,
Что остается от любви
Всегда лишь маленькая частность.¹*

Мир любви воспринимается уже «Как мне привидевшийся мир»², где герой обнаруживает «опечатку в безумном тексте»³, от которого остается «...музыка боли и смеха ускользающей нашей любви»⁴ и чувство «нашей вечности непрочной».⁵

Восточной классической прозе свойственна некоторая декоративность, усложненность, напоминающая «плетение словес». Парадоксальным образом элементы таких «плетеных» конструкций обнаруживаются и в поэтических текстах Баха Ахмедова. Рассмотрим примеры такого рода во фрагментах «Грамоты о победе» над индийскими войсками, составленной Шейхом Зайном, дословно приведенной Бабуром в его знаменитом жизнеописании⁶: «Большинство пребывающих там племен... вступило стопой искренности и преданности на дорогу покорности»⁷. «Посылающий счастье... снова отпер ключом победы врата благоденствия...»⁸ А вот очень схожие построения в стихотворениях Баха Ахмедова: «Никогда не станешь вчерашней тенью, творящей танец на стене забвения»; «Человек плывет по реке молчания вдоль берегов незнания в маленькой лодке снов», «серая мышка стихов с тонким хвостиком смысла»; «Черные очки неузнавания». И как конструктивно схожи по утрированию понятий уже приводившаяся нами фраза о силе судьбы («И судьба обрастает судьбою») с фразой все того же Шейха Зайна, рассуждающего о некоем «нечестивце», «чья жизнь черна, словно мрак, ложавшийся на мрак...»⁹.

Мы далеки от мысли, что указанные сближения являются следствием особенного влияния старинных тюркских текстов на нашего поэта, но полагаем, что в национальном подсознании живет ощущение допустимости подобных построений. И здесь уместно процитировать Введение в антологию «Малый шелковый путь» 2002 года: «Порой поэтическая центрифуга как бы выбрасывает автора на чужую – хоть и не всегда чуждую – литературную орбиту... в других случаях поэт сознательно делает выбор в пользу иной (средиземноморской, англосаксонской) культуры стихосложения, оставаясь тем не менее азиатом по крови и русским по самому звуковому составу, но и тогда морфология ли, синтаксис речи испытывают его на верность выбранным средствам, сталкивающим нос к носу традиции, интонации, ритмы».¹⁰

Подводя итог, можно заключить, что элегическая поэзия Баха Ахмедова отмечается своей обращенностью к людям, выходом лирического героя за рамки одиночества и психологической замкнутости. Это поэзия сочувствия людям, ограниченным временем и обстоятельствами в полноте своего жизнепроявления.

¹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 17.

² Там же, с. 7.

³ Там же, с. 50.

⁴ Там же, с. 72.

⁵ Там же, с. 19.

⁶ Бабур-наме. – Т.: Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с.

⁷ Там же, с. 312.

⁸ Там же, с. 311-312.

⁹ Ахмедов Бах. Облако вероятности: стихи. Т.: Изд-во библиотеки им. А. Навои, 2015, с. 313.

¹⁰ Малый шелковый путь. Новый альманах поэзии. М.: ЛИА Р. Элинина, 2002, с. 6.

ЖАНР ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

Вячеслав НЕФЁДОВ

В прижизненных изданиях Михаила Юрьевича не нашлось места его многочисленным эпиграммам. Видимо, потому они и не занимают достойного места в его собраниях сочинений.

Эпиграмма – редкий жанр, поэтому ее авторов можно смело причислить к «аристократам духа». Это отличный тест на проверку чувства юмора. Любовь к эпиграммам отмечала Пушкина. Особый интерес представляют эпиграммы из рукописных журналов учащихся первого выпуска Царскосельского лицея. К другим предшественникам Лермонтова по жанру эпиграммы можно отнести литераторов, входивших в «Общество громкого смеха» (1816 год, Москва).

Как утверждал М. И. Гиллельсон, «в целом, с середины 1830-х до середины 1850-х годов эпиграмма «присмирела» и ждала подходящего часа, чтобы обрести «второе дыхание», вероятно, в связи с поражением декабристов.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона эпиграмма определяется как надпись (у древних греков первоначально – двустипшие на памятниках искусства, затем – короткое стихотворение саркастического содержания). Современная литературная энциклопедия дает такое определение: «стихотворная острота, короткий сатирический выпад в стихах». Таким образом, это краткое, зачастую стихотворное произведение, откликающееся на злободневные и даже политические события.

Интересное мнение об эпиграмме высказал английский поэт XIX века С. Кольридж:

*Для эпиграммы нужна быстролетность,
Плоть ее – краткость, душа – искрометность.*

В XIX веке эпиграммы относились к элитарному искусству. Кроме сатирических, существуют лирические эпиграммы, тяготеющие к философскому обобщению. Дворянской читающей публике в провинции зачастую были непонятны сатирические и комические нападки на страницах журналов, требующие определенного уровня образованности.

В юные годы М. Лермонтов создал немало эпиграмм, к сожалению, все они много лет оставались в рукописном виде и были представлены широкой публике только после гибели их автора.

Вячеслав НЕФЁДОВ. Родился в 1969 г. в Пензенской области (РФ). Кандидат исторических наук. Публиковался в журнале «Сура». Живет в Москве. С 2008 г. учредитель и вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры, член Союза журналистов РФ.

Ничего сенсационного в них не было – по большей части это были частные послания, близкие к другим стихотворным формам: дружеским посланиям, гневным филиппикам, эпитафиям, мадригалам. Они разные, как сам поэт.

В. Гюго справедливо отмечал: «У каждого человека три характера: тот, который ему приписывают; тот, который он сам себе приписывает; и, наконец, тот, который есть в действительности». Эпиграммы Михаила Юрьевича позволяют в какой-то мере судить о его характере.

Пожалуй, можно лишь условно назвать дебютными часть эпиграмм под названием «Портреты». Часто Лермонтов-художник на страницах юношеских тетрадей достойно уживался с Лермонтовым-поэтом. Так что в заглавии серии легко прослеживается соседство карикатурных портретных зарисовок на отдельных листках или на полях рукописей с его подростковым творчеством.

К концу 1820-х годов им было написано шесть эпиграмм – рифмованных мыслей, которые были представлены публике в альманахе «Цефей» под заглавием «Мысли, выписки и замечания». Альманах представлял собой творческие опыты учащихся Благородного пансиона при Московском университете.

Примечательна среди эпиграмм одна, с условным названием «Из Шиллера»:

*Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь, –
На кой мне черт душа твоя!*

Лермонтов любил и умел окарикатуривать и насмеяться, что множило число его врагов, об этом говорится в строчках поэмы «Сашка»:

*И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов забавных.
И снимок их, как памятник святой,
На двух листах, раскрашенных отлично,
Носил всегда он в книжке записной...*

Всего за 13 лет творческой деятельности Лермонтовым было сделано так много, что иные не успели за более длинный срок жизни сделать.

Среди предновогодних юмористических стихов, созданных им прямо к карнавалу в Благородном собрании (1832 год), имеются две эпиграммы на писателей.

Первая на хозяина специфического «Дамского журнала» П. И. Шаликова:

*Вы не знали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами – но не головою.*

Во второй идет речь о писательских опытах Н. Ф. Павлова. Эти эпиграммы для Лермонтова были оттачиванием пера и заканчивались хлестко и непредсказуемо.

В небольших оригинальных экспромтах Михаил Юрьевич творчески соединил мадригал и эпиграмму. Иногда неясно, чего же там больше – одобрения или критики. Описывая секреты своего творчества, Лермонтов в новогоднем экспромте «Трубецкому» писал:

*Нет! мир совсем пошел не так:
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак –
За комплимент уж принимают!
Все то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!*

Философия лермонтовских строк выражала объективные перекосы в общественном сознании николаевской империи и показывала полярность моральных позиций Лермонтова и «высшего света». Взаимопроникновение жанров отличает и пьесы поэта. К примеру, жанр эпиграммы щедро проявляет себя в отточенных афористичных диалогах в «Маскараде», что (можно смело утверждать) роднит эту драму с грибоедовским шедевром «Горе от ума».

В 1836–1837 годах Лермонтов искал единомышленников среди литераторов. Ни для кого не секрет, что в литературно-общественной жизни России он занимал обособленное положение. Появившиеся в конце 30-х годов модные течения – славянофильство и западничество – не привлекали его. Не было полного единомыслия между ним и писателями круга А. С. Пушкина, людьми другого поколения, хотя у Лермонтова и у литературных соратников Пушкина были одни и те же журнальные неприятели. В непотерявшихся полемических эпиграммах Лермонтова высмеиваются Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский и Н. В. Кукольник, чьи звонкие, но бездарные верноподданнические комплименты и талантливые бизнес-расчеты были одинаково чужды и друзьям Пушкина, и Лермонтову.

Большинство эпиграмм было посвящено консервативным авторам, что свидетельствует о близости его взглядов пушкинскому «Современнику» и ранним статьям «отца русской литературной критики».

В начале 1835 года с определенным успехом прошли показы патриотической драмы Нестора Васильевича Кукольника¹ «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», выдержанной в державно-казенном стиле. Официальные критики моментально вознесли драму официозного пьесописателя. К примеру, редактор «Библиотеки для чтения» О. Сенковский в 1834 году, после драмы Кукольника «Торквато Тассо», сравнил его с И. Гете и Д. Байроном.²

Булгаринская газета «Северная пчела» заранее разместила анонсы о «замечательной» премьере. Придерживаясь подобных псевдопатриотических взглядов, прапорщик Измайловского полка А. П. Корнилов из Костромы в январе 1835 года писал своему другу офицеру А. К. Баумгартену:

«Меня восхищает торжество "Скопина-Шуйского". Когда я об этом прочел, то от радости захопал в ладоши. Не знаю, что бы я сделал в театре. Поклонитесь от нас Кукольнику».³ Подробный анализ пьесы сделал С. П. Шевырев. Отзыв критика увидел свет в «Московском наблюдателе», в двух мартовских номерах 1835 года.

Белинский в «Молве» отметил странность отзывов на произведения консерваторов: «о направлении наших драматургов, сиявших создать народную драму», надо размышлять не так... «Когда ум творит без участия чувства и фантазии, то всегда делает нелепости и промахи против здравого смысла».

У Лермонтова написано просто, изяшно и прямолинейно:

¹ См. подробнее: Русские писатели. М., 1990. Т. 1. С. 382-383.

² Иначе и быть не могло. За отрицательный отзыв на драму Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» в 1834 году был закрыт журнал «Московский телеграф».

³ Письма Андрея Петровича Корнилова. 1834-1845. Для семьи. СПб., 1884. С. 15.

*В Большом театре я сидел,
Давали «Скопина»: я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
«Что, братец! жаль! – Вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился».*

Эта эпиграмма была напечатана лишь в 1875 году, но условно может быть датирована 1835 годом: как вполне логично предположил Ю. Г. Оксман, лермонтовская эпиграмма была написана после премьеры пьесы зимой 1835 года. Лермонтов написал эпиграмму сразу же, отозвавшись на верноподданническую пьесу. Нельзя не согласиться с Д. И. Писаревым: «Сатира хороша только тогда, когда она злободневна».

В 1836 году появилась эпиграмма Лермонтова на О. И. Сенковского:

*Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак:
Бранится пошло – ясно, немец;
Похвалит – видно, что поляк.*

Эпиграмма на Сенковского появилась в «Библиографических записках» в 1861 году, в № 18.

Э. Э. Найдичу еще в начале 1950-х годов в отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде удалось обнаружить в бумагах поэтессы Е. П. Ростопчиной автограф четырех неизвестных ранее эпиграмм Лермонтова на Ф. Булгарина и, как было установлено А. Марковым, И. Н. Скобелева (Маккавей):

1.
*Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль – заложена в казну.¹*

2.
*Россию продает Фаддей
И уж не в первый раз, злодей.*

3.
*Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул, как сети,
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил и, корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, шелкая.*

4.
*Остаться бѣз носу – наш Маккавей боялся,
Приехал на воды – и с носом он остался.*

¹ Первая публикация: Литературное наследство, 1952. Т. 58.

В письмах и воспоминаниях круга друзей Лермонтова первой половины XIX века вообще ничего не говорится об этих эпиграммах. И это не случайно, ведь все тексты, направленные против Ф. Булгарина, могли повлечь за собой далеко идущие последствия.

Ранее Пушкин в эпиграммах и памфлетах называл Булгарина бездарным литератором, предателем, перебежавшим еще в 1811 году в наполеоновскую армию.

Лермонтовские эпиграммы продолжают пушкинскую традицию, поэт прежде всего подчеркивает антипатриотический, продажный характер булгаринского творчества. В ранние годы Лермонтов, внимательно следивший за журнальной полемикой, писал о Булгарине как о «низком клеветнике». Что же послужило поводом для антибулгаринских выступлений?

30 октября 1835 года «Северная пчела» сообщила, что редактор газеты собирается издать книгу в восьми частях под названием «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских всех сословий». Выход в свет слабой во многих отношениях книги «Россия...», разрекламированной «Северной пчелой», и послужил непосредственным поводом для эпиграмм Лермонтова. На самом деле ее автором был сотрудник «Северной пчелы» Н. А. Иванов.

К 1837 году Лермонтов установил связи с пушкинским «Современником» и «Литературными прибавлениями к “Русскому инвалиду”», на страницах которых велась борьба с реакционной печатью. Именно в этих журналах Лермонтов печатал свои эпиграммы, где моральные вопросы, столь волновавшие поэта, рассматривались в нерасторжимой связи с вопросами социальными и политическими.

Под именем «Маккавея» эпиграммы воссоздают отталкивающий облик одного из доносчиков и агентов Третьего отделения.

Им оказался генерал Иван Никитич Скобелев, о котором резко отзывался В. Белинский.

У генерала своеобразной была манера разговора. Он осыпал Белинского комплиментами и с ожесточением критиковал редактора газеты «Молва» Н. И. Надеждина. Белинский отлично понимал, что все ругательства относятся и к нему. О таких, как Скобелев, Белинский писал: «Люди разделяются не только на умных и на дураков: те и другие равно редки, и между ними занимает место огромный разряд пошлых людей. Эти люди по большей части не умны и не глупы, иногда же между ними попадаются люди не без ума и не без способностей; но главное их качество в том и другом качестве – довольство самими собою».¹

Скобелев, генерал-инвалид, участник не одной войны, писал казенно-патриотические малосодержательные рассказы. Обычно ошибки и неточности в них поправлял редактор. И. Скобелев был также известен как шпион, связанный с А. Х. Бенкендорфом.

Лермонтовские характеристики «хитросплетенное слово», «злой сердцелов», «водопийца» (по аналогии с «кровопийцей») дают выразительный портрет Скобелева. Во второй эпиграмме поэт намекает, что в сети доносчика крупной добычи на этот раз не попало («приехал на воды – и с носом он остался»).

На этом листке оказались эпиграммы, направленные против врагов Пушкина. Лермонтовское эпиграмматическое мастерство помогло ему создать шедевр политической поэзии «Прошай, немытая Россия». Еще 10 июля 1826 года П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу писал: «Мы все изгнанники и на родине». Это созвучно и стихотворению Лермонтова.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: Т. 7. С. 72.

По мнению С. И. Ермоленко и М. Л. Скобелевой, «творческие поиски Лермонтова-эпиграмматиста не открыли новой страницы в истории жанра. Однако это не умаляет роли эпиграммы в лирике поэта. Опыт создания произведений в эпиграмматическом жанре, связанный с необходимостью в малое (“тесное”) текстовое пространство “вместить” виртуозно “выписанный” игровой “сюжет”, стал для художника своеобразной школой поэтического мастерства, лаконичности и точности высказывания, тем пробным камнем, на котором оттачивался лермонтовский “железный стих”».¹

Под Лермонтова и круг его общения неоднократно и не раз подделывали эпиграммы. Их условно можно разделить на две группы. Первая – это явные подделки. И вторая – их автором с известной долей вероятности мог быть Лермонтов. В. Васильев к ним относит эпиграмму на Васильчикова:

*Наш князь Василь-
Чиков – по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов – по дядюшке,
Идя в кадриль
Шутов – по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов – по матушке.*

Князь Александр Илларионович Васильчиков, известный как автор воспоминаний, был близок с Лермонтовым в 1840–1841 годах. Эта эпиграмма пародирует родословную князя, метя в высшие придворные круги. А Белинский утверждал, что «пародировать можно только поддельное, надутое и натянутое».

В 30-50-е годы XIX века эпиграмма ушла в подполье, но это не мешало ее авторам бесстрашно преследовать правление Николая Павловича, клеймить бессовестное падение нравов, которое наступило почти за 30 лет властвования царя, а Лермонтов, условно говоря, был последним наследником духа декабризма.

Позже революционно-демократическая литература пореформенной Российской империи не оставила без внимания жанр эпиграммы, используя и продолжая традиции эпиграмм Пушкина и Лермонтова.

Интересно, что литературная эпиграмма, эволюционируя от «золотого века» русской поэзии к «серебряному», меняет ареал своего существования, перемещаясь из литературных салонов, со страниц газет и журналов в домашние альбомы литераторов и их почитателей и поклонниц, продолжая жить полноценной насыщенной жизнью.

К сожалению, в силу обстоятельств эпиграммы зачастую утрачивают свои жанрообразующие качества, превращаясь в добродушно-беззлобные шуточные выпады, не отличающиеся ни остротой мысли, ни точностью слова, уклоняющиеся от острых социальных проблем. Однако генеральным направлением развития жанра является развитие качеств, обозначенных словами «Для понимающего достаточно и немногого»² и отражающих актуальные проблемы времени.

¹ Ермоленко С. И., Скобелева М. Л. Эпиграммы М. Ю. Лермонтова: позиция лирического «я» сквозь призму языковой игры // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия Лингвистика, 2006, № 6. С. 40.

² «Для понимающего достаточно немногого» // Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 75.